

ВЕНЕЦ ИЗ ПЯТИ ВЕТВЕЙ

Lumi

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Valeriya Panchuk

Венец из Пяти Ветвей

<https://litres.ru/74448753>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Мама, ну пожалуйста!

Тяжело вздохнув, она отложила пряжу. Дети крутились рядом и никак не хотели засыпать.

– В последний раз...

Мать тихо заговорила, словно боялась разбудить то, о чём рассказывала.

Там, где туман стелется над ядовитыми реками, когда-то процветали пять царств. Не было краёв прекраснее. Горделивее народа тоже. Они не торговали, не отдавали дочерей чужакам. А кто поднимал на них клинок, тот вскоре находил его у себя в груди.

Да только нашлась сила и на них. Когда Бездна пришла к границам, вмещалось древнее божество. Пожалев добычи, бог утопил народ в касаритовых реках заживо, превратив детей своих в чудовищ, оставив врага с открытой пастью. С той поры к проклятому мареву никто не ходит. А кто дошёл... тот уже сказки не слушает.

Безумная подняла глаза. Постели не было. Детей тоже. Хижина обратилась в пепел. В старых руках осталась лишь пряжа,

вымазанная сажей, а в воздухе всё ещё жила легенда, которую некому было слушать.

Легенда, что вовсе не являлась вымыслом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	42
Глава 3	64
Глава 4	95
Глава 5	122
Глава 6	162
Глава 7	197
Глава 8	222
Глава 9	256
Глава 10	286
Глава 11	323
Глава 12	350
Глава 13	374
Конец ознакомительного фрагмента.	397

Valeriya Panchuk

Венец из Пяти Ветвей

Глава 1

Примечание автора: летоисчисление и взросление рас в данном авторском мире отличаются от человеческих. На момент событий первой главы возраст главной героини по меркам её расы соответствует полному совершеннолетию. На момент третьей главы, по меркам человеческого календаря, ей почти 19 лет.

Бесшумно семенявший следом пёс укоризненно уставился на хозяйку подёрнутым белесой мутью глазом.

– Сколько можно... тут шлаться? – хрипло выплюнул он, едва ворочая челюстью. – Я на этом свете застрял надолго, и поверь, видел немало идиотов. Но такой феноменальный дар каждый раз находить самое глубокое дерьмо и с разбегу прыгать в него без раздумий – это за гранью моего понимания.

– Тут ты, конечно, откровенно лукавишь, – заговорщически прошептала она, не поворачивая головы и упрямо вгля-

дываясь в колыхавшийся на склонах сумрак.

Огромный пёс лишь глухо рыкнул в ответ, но спорить не стал. В своё время эта неугомонная разве что за шиворот не вытащила несчастное божество со дна вязкой касаритовой реки, где то привыкло коротать вечность. И теперь оно расплачивалось неведомо за какие грехи, покорно вышагивая вслед за ней по беспросветным тропам её безрассудства.

Шестилетней крохой она исхитрилась сбежать из владений отца и пролезть сквозь ядовитые мёртвые пустоши. Как – одному Иблису ведомо. Но картина явилась миру поразительная.

Дитяtko преспокойно гуляло по изрезанной трещинами кромке в компании жутких тварей – малахоров, выползавших из отравленных вод на кормёжку. Мало кто поверил бы, но свирепые чудовища под её настырным влиянием даже научились кое-как говорить. Правда, от стресса путали слова: выдавали тоскливое «Пока!» при встрече, едва она приближалась, и радостное, облегчённое «Привет!» на прощание, когда малявка наконец отходила подальше. И эти же хищники преданно оттесняли её от обжигающей реки, напрочь забыв о важных делах.

– Боятся, что упаду в водицу и помру, вот и стерегут. Та-

кие они у меня хорошие! – ворковала тогда малышка, глядя жёсткие холки, пока жуткие создания с тихим писком обречённо жались друг к другу, стараясь не делать резких движений. И не моргать.

Она искренне прочила себе будущее великого лекаря и с энтузиазмом пыталась помочь даже тому, что спасению не подлежало в принципе, причём обязательно в тех местах, куда врачевание отродясь не заглядывало.

«Боялись, что выживу и решу переехать к ним на дно», – мысленно поправила себя уже повзрослевшая девушка. Подобные воспоминания всегда вызывали на губах лёгкую усмешку.

Ибо боялись они не зря.

Тогда-то древнее божество вальяжно вывалилось на берег... и тут же нервно задёргало огромным чёрным глазом, оценив представшее перед ним зрелище. Подобной наглости он не ожидал даже от дочерей Иблиса, к числу которых, собственно, и принадлежала эта пакостница с растрёпанными пепельными волосами. А та, восторженно визжа, уже неслась к колоссальной туше, без умолку балаболя какую-то детскую чушь.

Сожрать её он не мог при всём желании — одна кровь, одно неразрывное целое, скованное узами Великого Древа. Девочка просто бы встала у него в горле. Поперёк. Осознание действительности заставило древнего хранителя вод с удвоенной силой исходить нервной дрожью от безысходности.

Её отец к тому времени успел перевернуть вверх дном весь Венец. А когда наконец выследил беглянку, то застыл в первобытном ужасе. Его драгоценная дочь преспокойно сидела на краю, беззаботно болтала ногами в ядовитых чёрных водах и с неподдельной нежностью наглаживала жуткое, хтоническое создание по ошалевшей рогатой голове.

Это сейчас для бога каждый день рядом с этой девкой был сродни последнему, а в сознании, как у себя дома, прочно поселилось неведомое прежде чувство паники. Но тогда, познав первый робкий испуг, божество предпочло от греха подальше уползти обратно в ядовитую реку. Ведь в тот день, впервые за бесконечно долгие века, дорогой родитель сорвался на крик. Да так орал, что, казалось, содрогались небеса.

Волоча своё непутёвое чадо за руку, он яростно сверлил дочь взглядом. Прямо на глазах его густая каштановая шевелюра явственно посеребрилась свежей седой прядью. А девочка лишь невинно хлопала пушистыми ресницами, искренне не понимая, в чём проблема.

Он слёзно молил больше никогда не приближаться к смертоносной воде и в отчаянии пытался задобрить её дарами. Но разве существовал в мире хоть кто-нибудь, кого эта упрямая бестолочь стала бы слушать?

Дитя рвалось в мёртвые земли, точно одержимое, и отцу, до безумия обожавшему свою единственную дочь, не осталось ничего иного, кроме как покориться её воле. Он успокаивал себя лишь железной, выстраданной логикой: раз пакостница не подохла от клыков малахоров и ядовитых речных испарений за сорок восемь часов одиночных блужда-

ний, значит, и в будущем её не возьмёт ни одна супостатская зараза.

Спустя время божество, скрипя зубами и проклиная свою судьбу, привязалось к этому до неприличия липучему созданию и, можно сказать, полюбило. Оно делилось с ней великими тайнами и знаниями, о которых не ведала ни её всемогущая, слепая к этим высям, бабка, ни бездонная чаша мироздания. А дитя в ответ, беззаботно и с горкой, вываливало на рогатую голову свои самые сокровенные секреты и безумные идеи.

Годы шли, детство уступало место взрослой жизни, а идеи девочки становились всё изощрённее и опаснее. Однако их негласный союз сохранял прочность, превратившись из ранней привязанности в слаженный, опасный тандем.

Менялись лишь декорации.

Сухой вереск ломался под ногами, и хруст эхом разносился в безмолвии холмов. Серая глушь северных границ Вольных земель наконец уступала место знакомым ориентирам, и путь, казавшийся бесконечным, подходил к концу.

Они вошли в Ямы. Приют для любого отребья, что стекается сюда, как грязная вода после ливня в сточные кана-

вы. Дом для отверженных – для несчастных, кто спасается от чумы и войн, стирающих великие государства, подобно влажной тряпке, смахивающей пыль с полок. И прибыльная нора для ублюдков, что делают состояние в этом проклятом месте.

Здесь, в удушливом полумраке, пропахшем дешёвым си-
вушным спиртом и гниющими нечистотами, шла бойкая
торговля. В утеху похотливой толпе продавали женщин, де-
тей отдавали в рабство, а юнцов и мужей гоняли на арены
– или, как тут говорят, в загоны для скота. Ни законов, ни
чести. А в месте, где нет закона, подобная дрянь плодится с
усердием трупных мух на солнцепёке.

Они уже тут бывали, но от увиденного челюсть вновь сжи-
малась до противного скрежета. Глаза едва видели сквозь ед-
кий дым костров, в которых жгли кости и тряпье, а под но-
гами хлюпала вечная, незамерзающая жижа вперемешку с
кровью и помоями.

Одно радовало: странную компанию, состоящую из деви-
цы и собаки, по пути не трогали. Правда, назвать её девицей
было сложно. А счесть собакой её спутника – ещё сложнее.

Сквозь прорехи огромного, прожжённого насквозь плаща
виднелись лишь обтянутые серой кожей ключицы и костля-

вые плечи. Лицо скрывал глубокий капюшон, из-под которого тускло мерцал безучастный, мертвенный взгляд, устремлённый в землю.

А рядом плелось нечто, словно пережёванное и выплюнутое Бездной. Животное едва переставляло тонкие длинные лапы, неестественно сгибающиеся в суставах, и поджимало лысый, облезлый хвост. Морда казалась слишком вытянутой, почти птичьей; сваливавшаяся шерсть шла грязными проплешинами и сочащимися язвами, а мутные глаза дико косили в разные стороны.

Божество из пустоши и девица никогда в жизни не видели настоящих собак – эдакая незадача. Подобного попросту не водилось в их родных краях. А в землях дальних, в коих им довелось побывать, всех домашних зверей давно сожрали твари позубастее. Буквально из дерьма, яда и тонких веток им удалось слепить что-то отдалённо напоминающее пса. Вышло откровенно плохо, но результат их искренне радовал.

Созданное ими недоразумение вызывало жалость даже у бездушных палачей. Местные громилы навязывали свои услуги не из-за присущей им жестокости, а из-за не пойми откуда возникшего милосердия к умирающей животине. Прокажённые хворью, что так любили цепляться за полы чужих плащей гниющими руками и выть, прося монетку, при

виде пса испуганно шарахались в стороны. Они обходили их десятой дорогой, боясь подцепить от чудовища заразу пострашнее собственной.

Ещё забавнее была реакция местной публики на её облик. Трупный, истощенный вид играл ей на руку.

Наёмники с окровавленными трофейными головами, покачивающимися на поясных ремнях, со вздохом протягивали мелкие медные монеты и заветренные куски солонины, жалея убогую бедолажку.

Насильники, только что слезшие с удушенной в порыве страсти бабы на обочине дороги, и вовсе безгласно отворачивались. Они мысленно прикидывали, что та, мёртвая, ещё достаточно свежа и вполне послужит до утра, а с этой бродяжки поиметь абсолютно нечего. Выглядела она так, словно её уже поимел добрый десяток мужей до них. Вместе с псиной, судя по всему.

Её это полностью устраивало. Спокойствие стоило любой порции чужого отвращения.

Внимания хватало дома, где заживо хоронили в шелках, золоте и драгоценных камнях. Она не желала пышных одежд, как и пиров: хотелось лишь одного – проводить дни в

стремительном движении и поединках. От бесконечных заунывных молитв и нравоучений попросту перекорёживало.

Тётка с остервенением тёрла её разбитые костяшки грубой тряпкой, вычищая багровые сгустки из-под сорванных ногтей.

– Учись не только клинком махать, но и говорить под стать статусу, – сухо процедила Артра, игнорируя тихое шипение племянницы. – Слово режет не хуже стали, и, в отличие от кинжала, оно не оставляет улики. Им можно убивать, не пачкая рук.

Девушка научилась быстро и не просто приняла правила игры, но и попутно переписала их под себя. Своим языком она овладела настолько искусно, что несчастным родичам пришлось в спешном порядке созвать в наставники лучших воинов из всех княжеств – только бы девчонка наконец уредила красноречие и занялась делом.

Но все планы по перевоспитанию рухнули, когда на сцену вышла глава семьи: бабка, обожавшая внучку больше, чем весь остальной свой выводок вместе взятый, баловала её до неприличия и откровенно наслаждалась хаосом, который та устраивала. Она с барского плеча прощала любые выходки, обеспечив девчонке безграничную свободу и полную безна-

казанность, вызывая этим тихий ужас у всей родни.

Размышления прервал низкий, нарастающий гул – земля застонала под тяжестью приближающейся беды. Клоаки, мгновение назад казавшиеся ленивым, гниющим болотом, взорвались воплями. Народ хлынул лавиной, снося всё на своём пути: торговцы в панике бросали палатки с потрёпанным товаром, наёмники, не оглядываясь, топтали прокажённых, сбивая их с ног, а шлюхи с отчаянным визгом вжимались в узкие щели между трухлявыми досками, ладонями заглушая всхлипы.

Двое путников оказались прижаты к сырой стене на перекрёстке, лицом к лицу с приближающимся строем. Воздух стал невыносимым, наполнившись дыханием самой могилы и застревая в горле колючим крошевом, обжигая лёгкие. Пахло потом, гарью, старой кровью и чистой, концентрированной смертью – густой, липкой и почти осязаемой.

В Ямы пришли жнецы.

Чувство неконтролируемого восторга затопило изнутри, вытесняя остатки здравого смысла. Она до дрожи в костях мечтала когда-нибудь сразиться со жнецами, чтобы проверить их мастерство, которое так любили хвалить наёмники Вольных земель. И теперь живые легенды шли прямо на неё.

Какая удача.

Воины из Каменной Долины шагали ровным, монолитным рядом, занимая всю ширину улочки. Они были закованы в глухую, матовую, чёрную броню, впитывающую в себя скудный свет тлеющих костров. Лица скрывали литые безликие маски, из-под которых не доносилось ни звука – только мерный, чеканный шаг. Вокруг кованых сапог клубилась и расползалась по чавкающей грязи магия теней, похожая на дышащую, голодную копоть.

Раз уж эти порождения ночи явили себя брэнному миру, стало быть, пришло время жатвы. Они преодолели этот путь вовсе не ради праздных утех в зловонных борделях. Они пришли за душами.

Из-под глубокого капюшона на них уставился взор, в котором не было ни единого намёка на инстинкт самосохранения. Напротив, губы девицы медленно растянулись в предвкушающей улыбке. Изучая идущих навстречу титанов с пристальным, оценивающим азартом, как опытный охотник, выбирающий в стае самую сильную и опасную добычу, она скользила глазами по ширине их плеч, тяжёлому, безупречному балансу брони и плавным движениям, сквозь которые ртуть текла и пульсировала живая тьма.

Слухи гласили, что под личинами скрываются форменные уродцы, чья анатомия оскорбляла изящное благородство её расы. Бельма, залитые кровью, и – какая нелепость – тупые, плоские зубы без единого клыка. Настоящее эстетическое недоразумение. Она едва подавила вздох: вот бы хоть одним глазком взглянуть на это безобразие.

Вдруг пёс опомнился. Косоглазый комок из палок сообразил то, чего в своём восторге не учла хозяйка. Он резко вцепился зубами в рукав её плаща и со всей дури потянул назад, вглубь переулка, пытаясь утащить с дороги смерти. Но отступать в панике было не в её духе.

Наглядевшись на жнецов в упор и изучив доспехи с ног до головы, она сделала лишь один плавный шаг назад, увлекая за собой упирающуюся собаку. Движение вышло подчёркнуто небрежным и царственным, демонстрирующим лишь её милость и душевную щедрость к заплутавшим, а вовсе не попытку спасения собственной жизни в последнюю секунду от неминуемой гибели.

Шедший во главе отряда командир приостановился, скосив взгляд на странную парочку. Сквозь прорези маски промелькнуло искреннее недоумение.

«С псиной-то всё понятно, – подумал он, глядя на дёр-

ганую тварь, судорожно тянувшую девку за тряпки. – Там веслом мозги отбили. А с этой что не так? Стоит как на рынке и пялится. Настолько блаженная, что смерти не боится?»

Мужчина на мгновение задержал на ней тяжёлый взор, клеймя странную нищенку как особенно противную язву на теле, но тратить время на юродивую не стал. Бесполезная.

Он ощущал лишь усталое раздражение. Ненавидел эту мшару. Презирал зловонную грязь и испытывал ещё большее омерзение, касаясь собственными руками сброда, который считал ниже животных. Но дед, как и всегда, находил извращённое удовольствие в том, чтобы наказывать преемника именно подобными заданиями. Старик заставлял его лично погружаться в мерзость вместо тех, чьей прямой обязанностью было рыться в отбросах.

И потому он выполнял приказ с той же неохотой, с какой сытый, холёный кот, привыкший к тёплому очагу и свежему мясу, вынужден ловить помойных крыс в канализации.

Обойдя замарашку, отряд стал продвигаться вглубь Ям, оставляя за собой обезображенные тела тех, чьи души уже отправились в Долину. При виде этой молчаливой процессии встречные бросались наутёк, едва не выплёвывая лёгкие. Но образ странной особы и «милого» пёсика никак не выхо-

дил у воинов из головы.

– Что это было? – раздалось из-под безликой маски идущего следом бойца. Звук был похож на треск ломающегося льда. – Псина явно из Бездны вылезла, а девка – из мест ещё поглубже. Глаза пустые, улыбка – как у бешеной.

– Потаскал, может, кто из местных, вот в себя и не пришла, – сухо бросил командир в ответ низким, вибрирующим рокотом, не замедляя шага.

Однако сам он, вопреки всем уставам и многовековой привычке, едва заметно бросил беглый взгляд через плечо, в сторону покинутого переулка. Прежде командир никогда себе такого не позволял. Но сейчас что-то под чёрной бронёй упрямо скреблось и требовало повернуть назад.

В облике оборванки всё было в корне неправильно. Особенно оценивающий взгляд... Нищие не смотрят на воинов Долины так, будто прикидывают, насколько глубоко можно всадить им клинок между сочленениями доспехов, искренне наслаждаясь самой перспективой.

Вновь уставившись на дорогу, он мысленно пообещал себе запомнить этот переулок. Отряд скрылся за поворотом, унося с собой тьму.

А девица, пока они миновали развилку и удалялись, даже не подумала отвернуться. Напротив, она бесстыдно разглядывала воинов сзади, оценивая их мощные спины, – и не только их, – обтянутые чёрной кожей и бронёй, а также идеальную выправку уходящего строя, жадно ловя каждое движение.

Проводив взглядом монументальную панораму, она похлопала по голове пса и тихо, заливисто рассмеялась. О, эта прогулка определённо становилась лучшей в её жизни.

Подмигнув своему плешивому другу, девушка ловко уцепилась за край низкого навеса и одним слитным кошачьим движением взмыла наверх. Дорога пролегла по крышам покосившихся лачуг, где гнилые балки скрипели под каждым шагом, выдавая похожие на проклятия звуки. Она кралась по хлипкому настилу, с высоты следя за тем, как работают жнецы – чисто, методично и без лишней суеты.

– Пойдём-ка отсюда. Мы уже достаточно насмотрелись, – глухо, но упрямо проворчал пёс.

– Подожди. Мне интересно, – заворожённо прошептала она.

Фигуры в чёрных доспехах, стелясь по переулкам, направлялись напрямиком к осевшему, перекошенному дому старой ведуньи – хижине, где под дырявой кровлей всегда пахло сушёной полынью, а у очага было так уютно пережить затяжные ночные ливни во время вылазок. И сейчас ей совсем не нравилось, как сыновья ночи обступали знакомый порог.

Старая корга – Квира – отличалась невыносимой брюзгливостью, но за щедрую плату неизменно выделяла госте натоленную комнату. Девушка платила не скупясь, поэтому они терпели общество друг друга, выстроив в итоге весьма своеобразное взаимопонимание.

На первый взгляд старуха казалась просто мерзкой жабой, но во всём этом проклятом приюте, пожалуй, лишь её сущность могла считаться относительно чистой. Она подкармливала вечно голодных местных сирот, пускала их на ночлег в лютые холода и молча лечила избитых бедолаг, торговавших телом на грязных улицах Ям. Эдакая святая покровительница посреди болота.

И сейчас глупая, упрямая сварливица с изрезанным морщинами лицом бесстрашно шагнула навстречу неминуемому. Невнятно бубня что-то себе под нос, она встала на смерть, заслоняя покосившуюся дверь жилища от надвигающегося строя.

– Бабка, ну не дура ли ты, а?.. – раздражённо прошептала девушка, опасно свешиваясь с крыши.

– Да примет её душу Бездна... или куда там вас, умалишённых, забирают, – прохрипел пёс, вцепившись зубами в подол её плаща и пытаясь оттащить назад. – Своё она отжила. Уходим, Гед.

Божество касаритовых рек, как и её отец, предпочитало говорить именно так – коротко и привычно. Полным именем «Асгетт» они пользовались лишь в те моменты, когда начинали злиться на неё всерьёз. Судя по рычанию, до этого оставались считанные мгновения.

– Эту я им не отдам. Жалко, – тихо, но твёрдо отрезала Асгетт. На её блёклом лице медленно растянулся предвкушающий оскал. – Помоги мне.

– Ух ты, какая сердобольная выискалась! Кто бы бедному пёсику помог, – с искренней обречённостью выдавил зверь и театрально заскулил.

Ему, великому хранителю, чьи пропитанные ядом могучие корни пронзали подземный мир насквозь, было невыносимо тесно в облезлой собачьей шкуре. Он веками хранил

в себе души, не удостоившиеся стать прекрасными цветами на Великом Древе, а теперь сам был вынужден чесать блох и тявкать. Но ради этой ненормальной он был готов стерпеть и не такое.

Внизу, посреди грязной улицы, командир уже занёс окутанный дымными тенями клинок. Лезвие двигалось неотвратимо, готовое в одно мгновение рассечь дряхлое горло старухи.

«Это лишь избавление от страданий, – холодная мысль билась в такт замаху, – они всё равно сдохнут, так к чему дичи пропадать зря?»

Жнецы попросту забирали урожай первыми.

Но рука едва успела напрячься для удара, как ночной воздух с пронзительным свистом разорвался надвое. Смазанный чёрный вихрь врезался в ноги, а после пронёсся сквозь строй ураганным смерчем, с оглушительным лязгом раскидывая закованных в тяжёлую сталь воинов, будто пустые деревянные кружки со стола в разгар пьяной драки.

Командир пошатнулся от натиска, но, повинувшись вбитым рефлексам, мгновенно разорвал дистанцию и ушёл в оборону. Опустив глаза к оружию, он с немим изумлением за-

метил, как на ладони медленно набухает густая кровь. Поверх вязи ритуальных боевых татуировок отпечатался глубокий, рваный след от звериных зубов, запятнавший священные символы.

Неведомая облезлая тварь умудрилась на лету сдёрнуть с него перчатку и стащить родовой перстень. Едва не откусив палец вместе с костью, она победно зажала массивный артефакт в пасти, и тут же подалась в сторону, с преданной лаской прильнув к ногам девки из переулка. Командир мог бы поклясться: уродливая животина откровенно глумилась, демонстрируя ему ряд гнилых клыков.

Под безликой металлической маской губы тронула предвкушающая улыбка, а глаза затопила клубящаяся чернота теней. Теперь им двигало лишь одно желание – выпотрошить их обоих. Медленно, растягивая каждую секунду чужой агонии с особым, гурманским наслаждением.

– Хорошо бегаешь, жнец? – голос прозвучал откровенно насмешливо.

Асгетт небрежно оперлась о хлипкие, изъеденные сыростью перила мостовой, ловко выуживая украшение и испачканную перчатку противника из окровавленной пасти пса. Трофейная кожа тут же полетела в лужу.

Теперь она лениво подкидывала перстень в воздух, каждый раз безошибочно ловя его худыми бледными пальцами.

– Мне интересно, как бегаешь ты, – угрожающе прорычал командир.

Тени плотным, колышущимся саваном окутали его плечи, когда он крепче сжал ладонь на эфесе, собираясь сделать один неуловимый рывок и снести дерзкой девчонке голову.

– Сейчас узнаешь, – растаял в воздухе тихий, прохладный шёпот.

Затея потянуть время оправдала себя. Пока взгляды оторопевших жнецов были сфокусированы на ней и артефакте, старуха и стайка перепуганных детей, сидевших в хижине, уже растворялись в извилистых переулках, скрываясь от верной смерти.

В последний раз подкинув перстень, Асгетт крепко зажала его в кулаке и легко, ласточкой перемахнула через перила, а затем рванула с места.

Она бежала с такой скоростью, играючи обгоняя мчащуюся следом псину, что командир удивлённо приподнял бровь.

Но уже мгновение спустя его ступор перешёл в жуткий, рокочущий смех, эхом прокатившийся по грязной улице. От этих звуков у любого случайного свидетеля кровь застыла бы в жилах.

– Ну давай поиграем, коль так желаешь, – глухо пробасил он.

Командир перешёл на тяжёлую, размеренную поступь, окончательно выбрасывая из мыслей улизнувшую бабку.

На быструю смерть рассчитывать не придётся. Он намеревался лично, шаг за шагом, загонять наглую девку по зловонным лабиринтам до хрипа, до надрывного кашля, пока она сама в изнеможении не рухнет к его сапогам.

Предвкушая славную охоту на попавшее в ловушку глупое зверьё, голодные тени жадно расправились за широкой спиной, напоминая крылья стервятника, – и в то же мгновение поток тьмы устремился по пятам, затапливая грязные закоулки Ям.

Асгетт этот ритм не доставлял никаких неудобств. Плоть не ведала усталости, лёгкие не горели от нехватки воздуха, а мышцы не знали боли.

Путь был продиктован безысходностью: дорога назад оцеплена, и вернуться к повороту не было ни единого шанса. Не поддаваясь панике, девица петляла среди бараков и расчётливо уводила преследователей прочь из чадающего болота трущоб, направляясь к единственному доступному выходу из Ям – самому краю высокого утёса.

– Уходи-ка, дружок, – приказала она псу, едва добравшись до оголённых выступов обрыва.

– Уверена? – пророкотал он с нескрываемым хриплым азартом.

Похоже, бог всерьёз увлёкся этой примитивной забавой.

– Может, просто сожрём их? – облизываясь, предложил он.

– Боюсь, такое даже у тебя не переварится, – хмыкнула Асгетт, качнув головой. – Всё, ступай отсюда.

Огромная собака тут же с силой впечатала лапы, глубоко вспахивая когтями каменистую почву, а в следующее мгновение стекла вниз и впиталась в расселины, как маслянистая лужа. Там, где только что стояла туша, редкая чахлая трава с мерзким шипением превратилась в пепел. Чистейший кас-

ритовый яд, тёкший по жилам зверя, не оставлял после себя ничего живого.

Замерев в полном одиночестве на краю скалы, под которой зияла бездонная пропасть, Асгетт нетерпеливо застучала стоптанным сапогом по промёрзшей породе.

– Ну и где ты бродишь? – рявкнула она в глухую ночную мглу.

От затянувшегося ожидания сквозь жалкий образ уличной бродяжки начал отчётливо проступать истинный нрав. Надменный и бесконечно упрямый.

Командир неслышной тенью шагнул на край плато и едва сдержал кривую усмешку. Его откровенно забавляло её ворчание, но одновременно поражало то, что жалкая оборванка даже не думала дрожать от ужаса. Видимо, до глупышки слишком долго доходит.

Он приближался неспешно, неотвратимо, волоча за собой обнажённый клинок, который с противным, протяжным визгом скрёб по земле, оставляя длинную рваную борозду. В каждом шаге чувствовалось, как он растягивает момент и смакует грядущую расправу.

Эта выскочка посмела прервать жатву и позариться на древнейшую реликвию, ценившуюся дороже тысяч рабов. За подобную наглость ей придётся заплатить сполна – первым делом стоило бы прирезать её плешивую псину, но та исчезла, трусливо поджав хвост. Вот только бежать некуда – он отыщет её, где бы она ни пряталась.

– Уже соскучилась? – из-под маски донёсся хриплый, тихий смех. – Уж прости, что заставил ждать, принцесса.

«Ты только погляди, какой догадливый попался», – мысленно расхохоталась Асгетт.

Подойдя вплотную, командир резким, небрежным движением сдёрнул с неё капюшон и в следующую секунду точной подсечкой выбил землю из-под ног. Тело впечаталось в край обрыва, отозвавшись хрустом сломанного деревянного солдата.

– Что тут у нас? – поинтересовался он и, грубо вцепившись в короткие девичьи волосы, безжалостным рывком запрокинул её голову, заставляя смотреть на себя.

Взгляд из-под маски медленно и скрупулёзно изучал каждую черту её облика. Кожа отливала бледностью покойника, а тусклые, почти бесцветные серые глаза безжизненно смотрели на него, окруженные глубокими, болезненно-синими кругами. В ней не чувствовалось ни искры воли, ни капли скрытой силы – лишь пустой, измученный лишениями сосуд.

И всё же... Командир слегка наклонился и повёл носом. От кожи исходил тонкий, дразнящий и совершенно неуместный здесь аромат дикой, кисло-сладкой ягоды. В остальном же – ничего примечательного. Ни разу не красавица: грязная, до крайности истощённая, с заострившимися скулами и потрескавшимися губами. По правде говоря, он ожидал встретить куда худшее убожество, но даже это зрелище не пробудило в тёмной душе ни малейшего плотского желания.

– Ну и дрянь, – процедил он сквозь зубы, и в голосе отчётливо проступило глубокое, почти оскорблённое разочарование.

Брать эту погань силой он точно не собирался: марать себя о подобный мусор было ниже его достоинства. Однако за спиной явственно слышалось дыхание подоспевших воинов – кое-кто из них вполне мог захотеть вдоволь позабавиться, прежде чем отряд двинется в обратный путь.

Впрочем, «погань» оказалась с сюрпризом. Одно неуловимое движение – и безликий командир перестал быть безликим. Маска отлетела в сторону, обнажив скрытую под ней физиономию.

– Не в твоём вкусе? – притворно огорчилась Асгетт, после чего мстительно клацнула зубами в опасной близости от его носа: – Ну ты сильно не расстраивайся, уродец, ты мне тоже совершенно не мил!

Она про себя философски отметила: слухи не ввали. Он себя вообще видел? Под такое сомнительное великолепие даже в эпоху тотальной скудости на кавалеров ни одна женщина из Венца, привыкшая к длинноволосым, лощёным мужчинам, в здравом уме по своей воле не легла бы. Если только из чистого, патологического – или плотоядного – лю-

бопытства. Среди её народа и такие водились.

Брезгливо, будто отпихивая смердящую падаль, командир всей силой швырнул девчонку на камни. Тонкое запястье с тошнотворным хрустом подломилось под тяжестью сапога. Оскорблённый уродец не просто наступил – он медленно, с показательным садистским наслаждением переносил вес, дробя хрупкие кости, пока пальцы жертвы не разжались в невольной судороге. Вожделенное украшение с тихим звоном покатилося по промёрзшему камню.

Окружающий мир взирал на низкосортное представление с ледяным равнодушием. Затянутое серой пеленой небо, безжизненные скалы и стылый ветер служили идеальными декорациями для места, где кусок металла всегда стоил дороже чьей-то жизни.

Тщательно, с педантичностью, стерев с перстня грязь, он выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. Глаза казались мертвее Бездны: ни тени сожаления, ни проблеска жалости. Лишь легкая досада на то, что в процессе изъятия имущества пришлось испачкать обувь.

– Эта вещь стоит куда дороже, чем твоя шкура, – его скрежещущий голос легко перекрыл завывания ветра.

Он повернулся к замершему позади отряду.

– Кто-то хочет «это» взять?

Несколько воинов молча выступили вперёд и медленно двинулись к лежащей девушке, не пытаясь скрыть отвращения. Это чувство не могли утаить даже маски: очевидно, у убийц из Долины имелись свои, весьма взыскательные стандарты красоты, ради которых они готовы были немного пострадать.

– Развлекайтесь, – обронил командир, окончательно потеряв к ней всякий интерес.

Одним выверенным ударом он вонзил клинок глубоко в породу. Металл жалобно звякнул, прибивая края её плаща к скале, словно распиная пойманную бабочку булавкой. Оставив добычу у ног своих солдат, он плавно отступил в сторону, бережно возвращая перстень на законное место.

Распластанная, с вдребезги раздробленной кистью, девушка вдруг зашлась громким, заливистым смехом. Звонкий и совершенно неуместный звук рассыпался брызгами по скалам. В нём не было боли или отчаяния – только искренняя, почти безумная радость и торжество того, кто уже видел финал грязного представления и в нетерпении предвкушал раз-

вязку.

– Я с подобной мерзостью не сношаюсь, – выплюнула она в скрытые лица с презрительной, откровенной издёвкой.

Из-под масок донёсся низкий, утробный смешок, больше похожий на рычание. Асгетт прекрасно знала, о чём они сейчас думали.

В их извращенных умах уже мелькали порочные, жестокие образы: как они поочередно будут вжимать её изломанное тело в ледяные камни, с треском разрывая остатки плаща. Как станут вколачивать в неё своё презрение вместе с похотью, пока девчонка не захлебнётся хрипами и собственной кровью. Они предвкушали, как втопчут эту мезь ещё глубже – туда, где ей, по их мнению, было самое место – на дно зловонной сточной канавы.

Чужие фантазии – это, конечно, замечательно, но её собственный план был немного иным.

Резко, с животной яростью она рванула всем телом. В плечах раздался сухой, страшный надлом – суставы вывернулись из удерживаемого клинком плаща, а ткань с влажным треском лопнула и осталась на лезвии. За долю секунды преодолев оставшееся расстояние до пика, Асгетт обернулась к

замершему в растерянности отряду.

Под ногами сухо заскрипел и посыпался вниз мелкий щебень, исчезая в кромешной тьме, а серые глаза прищурились по-кошачьи, и на потрескавшихся губах медленно расплылась улыбка.

– Надеюсь, мальчики не в обиде? – с хрипотцой прошипела Асгетт. – Уверена, в своих утехах вы вполне неплохо поможете друг другу и без меня. Сверху вниз... Ну, вы и так знаете.

И подмигнув опешившим жнецам, не колеблясь ни мгновения, она сделала обманчиво лёгкое движение назад. Просто отпустила себя, проваливаясь в голодную черноту спиной вперёд. Плотный, ледяной воздух мгновенно сомкнулся над ней, проглотив тонкую фигурку.

Воины стояли неподвижно, глядя в пропасть. Кто-то тихо, витиевато выругался. Развлечение, которое они уже были готовы ощутить кожей, ускользнуло в самую последнюю минуту.

Командир лишь молча выдернул клинок, убирая его в ножны. Охота была окончена.

Спустившись на дно ущелья, он предвкушал, как вырвет душу паршивки и вдоволь насладится видом кровавого месива. Однако вместо улова его ждала лишь сухая шелуха, рассыпавшаяся при малейшем прикосновении. Ни крови. Ни разорванных внутренностей. Ни единого следа духа.

Сначала он невольно подумал, что проклятая псина воистину восстала из Бездны, ухитрилась опередить его и сожрала добычу – командир уже ничему бы не удивился. Но чутьё подсказывало иное: в пустомместилище искры жизни не было изначально. Опустившись на колени, он зачерпнул рукой серые крупы. С тихим шуршанием они просочились сквозь пальцы невесомым прахом, окончательно стирая последние иллюзии.

Оставив позади удушливый смрад трущоб, отряд жнецов безмолвными призраками пересёк границу Каменной Долины.

Лишь в полумраке собственных покоев, скрытый от чужих глаз, будущий Шах наконец позволил себе сбросить матовую броню. Лишившись стальных пластин, он отнюдь не перестал быть воплощением смерти. Напротив, воин казался ещё опаснее – матёрый зверь, сбросивший лишний панцирь ради чистой, неуловимой скорости.

Цина, наречённый в честь прадеда (и, видимо, унаследовавший от него не только имя, но и скверный нрав), обладал внешностью... скажем так, на любителя. На очень смелого, желательно вооружённого любителя. Настоящий волк, которому не нужно было утруждать себя оскалом, чтобы заставить встречных судорожно вспоминать молитвы.

Лицо казалось высеченным из горной породы Долины, за неимением материала получше. Причём мастер тогда явно был не в духе: резкие скулы, строгий прямой нос, а уж профиль и вовсе годился для чеканки на монетах какой-нибудь тиранической империи. Тяжёлый излом челюсти завершался чётко очерченным подбородком и плотно сжатыми губами, на которых застыло вечное пренебрежение ко всему живому.

Из-под вечно нахмуренных бровей и смоляных ресниц взгляд резал мрак комнаты насквозь. Отливающие красным глаза светились изнутри первобытной магией и дышали вековым равнодушием. Тёмно-кофейные пряди были сострижены неровно и небрежно падали на лицо, частично скрывая этот пристальный взор. Грудь, плечи и шея были сплошь покрыты ритуальными чернильными узорами, въевшимися в медово-бронзовую кожу, а на руке неизменно покоился тускло поблёскивающий массивный перстень.

Теперь, избавившись от доспеха, он сидел в полумраке, крепко сцепив пальцы, и упрямо перебирал в мыслях случившееся.

За годы безупречной репутации ублюдка будущий правитель Каменной Долины привык к определённым стандартам: женщины должны были падать к его ногам с жалкими мольбами. Никто не готовил его к девицам, предпочитающим сорвать с него маску, отпустить сомнительные комплименты, а после – броситься в самую бездну на острые камни. Он сейчас попросту не мог выкинуть из головы эту девку. Её звонкий хохот, открытое презрение и абсолютное бесстрашие, неуместный запах и то, как она без единого колебания шагнула в пустоту, – всё это царапало по обнажённым нервам.

Ещё и проклятая псина, оставившая саднящую рану. Всё смешалось в кучу, и никак не удавалось нащупать истину. Воспоминания распаляли внутри не просто досаду, а всепоглощающую тёмную злость.

Морок. Сильная, абсолютно неведомая магия, природу которой он не мог разгадать. Цина любил играть с чужими телами, подчиняя их, но то были создания из костей и жил, выношенные во чреве матери. Из чего было соткано *это*, – он не мог представить даже в самых безумных фантазиях. А с воображением у него проблем не было никогда.

Личина, что так искусно управлялась неведомым кукловодом, теперь очень долго будет преследовать его в мыслях.

– Что же ты такое?... – сорвалось с губ в пустую темноту, пока он смотрел, как перстень обращается в гниющую плоть и поспешно разлагается на пальце, оставляя тошноту и кисло-сладкий шлейф.

А это «что-то» уже тихо пробуждалось. Далеко, на самом краю мира.

Глава 2

Из глубокой, колышущейся тени в углу спальни неспешно выступила фигура.

Асгетт очнулась ровно настолько, чтобы осознать: её с умыслом разбудили. Только глубже зарывшись в прохладный шёлк подушек, она лениво потянулась и даже не подумала подниматься навстречу правительнице. Любимая внучка, знаете ли. Хороший статус не отменяется одним лишь фактом «гость вошёл».

Висса.

Царица Ца'трии носила сан Асеки (высший титул той, что стоит у власти) Иблис бен Касарит (титул каждой старшей дочери рода). Она выглядела величественно совершенно без суетливых усилий. Время почти не имело силы над дочерьми Иблиса, оттого женщина казалась лишь умудренной жизнью старшей родственницей с тысячелетним опытом, но совершенно не тронутой увяданием. Кожа, напоминающая безупречный мрамор, отливала благородной бледностью. Длинные русые волосы хитросплетением прядей укладывались в причёску, щедро усыпанную золотыми шпильками и венцами, которые мерцали, в точности повторяя форму сияющих

листьев Великого Древа.

Наряд царицы был данью уважения первородному предку. Белоснежное, как ствол Древа, платье облегло стройную фигуру. На шее золотой брошью в виде рогатого льва – герба их древнего рода, крепился тяжёлый красный плащ, что ниспадал за спиной кровавым водопадом. У пола ткань гра-

диентом перетекала в непроглядную черноту – символ глубоких касаритовых корней, питающих династию.

О безграничной власти безмолвно кричало не только священное убранство, но и пронзительный, всеведающий взор. Глаза сияли золотом – древним, живым пламенем, что веками рождалось из смолы, струившейся по ветвям Древа-прародителя и его детей. И когда её губы тронула мягкая, обманчиво ласковая улыбка, показались острые клыки.

– Иблис бен Касарит, приветствую тебя. Как погуляла?

– Было очень весело. Поначалу, – честно отозвалась Асгетт.

Принцесса прищурила хитрые медные глаза, усыпанные золотистыми крапинками. Их пронзительный взгляд вместе с тёплой, карамельно-золотой кожей она унаследовала от отца. А вот дикая, броская внешность и роскошные длинные волосы цвета холодного пепельного серебра достались от деда – владыки княжества Катрат.

В залы Катрата князь Раду приносил отчётливый, тревожный дух диких лесов. В воздухе сразу становилось чуть сыро и колюче, как перед грозой. Он всегда сидел, едва прикрытый белоснежной тканью на бёдрах и его могучий торс

оббивали кольца огромной чешуйчатой змеи. Хищная рептилия ластилась к шее, словно признавая в хозяине существо куда более опасное, чем она сама.

Как они умудрились сойтись и нажить с Виссой детей, не закончив брачную ночь взаимным кровопролитием, оставалось для двора мистической загадкой. Именно эта дикая, не знающая поводов порода деда теперь кипела в жилах наследницы Венца, делая её столь же необузданной. Просто в Асгетт эта строптивость была ещё и упакована в девичью вежливость. Почти съедобную.

– Твой подарок был просто чудом. Жаль только, что с куклой пришлось попрощаться раньше времени, – Асгетт слегка склонила голову, демонстрируя обманчивую покорность. – Сделаешь мне новую, бабушка?

Висса приглушённо рассмеялась и подошла ближе к кровати, плавно покачивая бёдрами. Тяжёлый, выцветающий в черноту край плаща мягко шуршал по толстому ковру.

– Потеряла куклу? Надо же. И кто же умудрился довести моё драгоценное дитя до того, что ей пришлось развеять морок? – Она опустилась на край ложа, внимательно разглядывая точёное лицо внучки, обрамлённое спутавшимися прядями. – Неужели обитатели Ям эволюционировали и научи-

лись отращивать когти?

Именно Висса и подарила магический слепок из яда касаритовых корней, позволявший любимице путешествовать по гнилому внешнему миру, пока истинное тело и душа спали в запертой опочивальне. Царица лично прикрывала эти отлучки, полагая, что глоток чужого, грязного воздуха пойдёт будущей правительнице на пользу. Да и что таить, она сама в юности чудила ничуть не меньше.

– На жнецов напоролась, представляешь, какая неприятность? – беззаботно вздохнула Асгетт. Её губы изогнулись в настолько елеинной улыбке, что в неё не поверил бы даже слепой.

– Или это они, бедолаги, напоролись на тебя? – в тон ей, с притворной наивностью уточнила Висса, а в золотых глазах вспыхнули искры.

Слова были излишни – лгать бабке всё равно было затеей не просто бесполезной, а откровенно глупой. Асгетт протянула руку, и стоило их пальцам соприкоснуться, как барьеры рухнули. Дар, пульсировавший в их крови, раскрылся во всей своей мощи, даруя право безраздельно блуждать по сознанию друг друга, словно по анфиладам собственных владений. Вот только вместо кристально чистой воды менталь-

ный поток притащил с собой всё очарование минувшей ночи: едкий дым костров, хлюпанье кровавой жижи под ногами и чужой страх, который Асгетт, несомненно, находила весьма увлекательным.

– Скверно, – тихо выдохнула Висса, разрывая контакт.

Она медленно поднялась на ноги, ободряюще погладила внучку по макушке и принялась мерно расхаживать по просторной, утопающей в тёплом янтарном свете спальне. Лёгкие пологи кровати едва заметно колыхались вслед за плавными движениями, словно воздух в комнате покорно расступался перед ней.

– Едва ли меня устраивает тот балаган, что развернулся прямо под нашей калиткой, – заговорила Висса, и глубокий голос звучал весомо, раскатисто. – Выродки из Каменной Долины заплонили Ямы и хозяйничают там, как у себя дома. Империя, которой тесно в собственных границах, потеряла всякий страх. Она лезет в Павиру, точно жирный вепрь в трясину, надеясь урвать лишний кусок земли, и попутно грызётся с воинством Триты, которое несёт свою истину, словно пьяный трактирный проповедник.

Царица резко остановилась и посмотрела на внучку пронизывающим взором:

– Великие дома вновь примутся с упоением вырезать друг друга, щедро кормя Бездну. Их роды и так истончились, а если они не остановятся, то от хвалёной крови не останется даже следа на грязном полу. Но лгать не буду, на них мне плевать. Их судьба предрешена их деяниями, - процедила Висса с омерзением.

Она отвернувшись, подошла к высокому арочному окну и принялась задумчиво выстукивать ритм по холодному подоконнику. Массивные золотые кольца на длинных пальцах издавали тихий, мерный звон, словно отсчитывая оставшееся этому миру время.

– Павира – наши ближайшие соседи. Одни из немногих, кто знает о нашем скромном существовании, – продолжала Висса, глядя на раскинувшийся внизу процветающий край. – Я хочу укрепить это добрососедство, отдав Вольные земли под их контроль, первоначально прогнав оттуда всё прожорливое вороньё.

Асгетт подалась вперёд, уперев ладони в колени, и напряжённо всматривалась в силуэт бабушки, пытаясь разглядеть её истинные мысли.

– Что ты удумала? – в голосе послышалась тревога, сме-

шанная с невольным предвкушением.

– Подождём Великий Совет. Уже скоро... – по губам Виссы скользнула холодная усмешка. – Когда до бестолковой Империи дойдёт, что они не возьмут своими рогами ворота Павиры, за которыми будем стоять мы, они побегут на ковёр к Хранителям, чтобы жаловаться им на низкорождённых выроdkов, кидая на стол переговоров свитки с требованиями и скрытыми угрозами. Идеальное время для личного знакомства, не считаешь?

Висса подошла к кровати вплотную, заставляя внучку по-добраться и сесть ровнее под напором её тяжёлого взора.

– Что до морока... Достаточно, ты начала забываться в нём. Пора начинать свыкаться с телом, которое породило для тебя Великое Древо. Пора брать силу, что принадлежит тебе по праву рождения.

Она слегка улыбнулась. В её глазах скользнула тень далёкой юности – того времени, когда Висса сама предпочитала ломать правила, а не писать их.

– Как и любой уважающей себя занудной бабке, мне положено произнести следующее, – вздохнула царица, хотя её голос оставался властным и твёрдым. – Венец на твоей ма-

кушке будет невероятно тонок, но его вес с лёгкостью ломает шеи. Начинай мириться со своей судьбой, любовь моя.

В воздухе ощутимо похолодело. Явилась та редкая строгость, скрытая под маской заботы, перед которой мгновенно пасовала любая девичья спесь. Висса ощутимо опустила ладонь на плечо внучки.

– Я желаю, чтобы ты оставалась под сенью Древа, – в её золотых глазах вспыхнуло безжалостное пламя, не терпящее возражений.

– Мы сильны, да, но не бессмертны... И жизнь наша долга, но отнюдь не вечна.

Асгетт была в корне не согласна, но перечить не смела. Только не правительнице. Окажись на месте Виссы тётка или родной отец, принцесса спорила бы с упоением. Часами напролёт, абсолютно без уважения к титулам и без малейшего страха, что чьё-то веское слово перевесит её упрямое «нет».

Она бы скалилась, наглядно напоминая родственникам, что клыки ей достались не только для красивой улыбки, и методично доводила бы собеседников до нервного тика. Но раз уж сама царица требует смирения... что ж, придётся это смирение познать. Или хотя бы очень талантливо симитировать.

– Они не уйдут добром, – хмуро отозвалась Асгетт, искренне разочарованная потерей чуть ли не единственной отдушины в своей жизни – тайных вылазок в чужие края.

– Добром мы заплатим после кнута, – Висса коварно ухмыльнулась. – Пустоши нам немало богатств предоставят. В пещерах мёртвых земель хранится более чем достойная плата.

Асгетт тут же поморщилась. Она прекрасно знала, что лежит в подземных чертогах у самых границ. Кальс. Голубой, слепящий глаза самоцвет. Ей слишком хорошо было знакомо истинное, грязное происхождение этой дряни.

Пещеры на стыке Пустошей и Вольных земель были рассадником для полчищ ядовитых пауков. Когда Венец ещё не был скрыт пеленой забвения и тумана, отчаянные безумцы сотнями лезли в эти подземелья. Они надеялись унести с собой хотя бы крошечный осколок, но выбраться удавалось лишь единицам.

Сами пауки и порождали проклятое сокровище. Когда корыстолюбивые скитальцы попадали в ловушку, едкий паучий яд проникал в их тела, заживо кристаллизуя плоть и кости, медленно превращая бьющихся в агонии в голубые

глыбы. А манящий, призрачный свет, что испускал готовый камень, был вовсе не магией недр, – это слабо тлели остатки запертых душ, мучительно угасающих в вечной тюрьме.

Для чужаков за пределами Пустошей кальс оставался самым желанным, недостижимым сокровищем. Злая ирония заключалась в том, что на деле трупный минерал не стоил и одной ломаной ржавой монеты. Пока правители чужих краёв с гордостью вешали тяжёлые ожерелья на шеи своих женщин, скупая когда-то украденные крупницы за баснословные деньги, в Венце эту гадость погнушались бы взять голыми руками.

А ведь народы, населявшие их государство, едва ли отличались особой брезгливостью.

Короткий едкий смешок невольно сорвался с губ, стоило Асгетт только представить абсурдную сделку. Но внезапная мысль о скором неизбежном выходе из тени в истинном облике тут же заставила сердце болезненно пропустить удар. Чтобы прогнать липкую тревогу, она резко потрянула головой, отчего локоны рассыпались по плечам.

– Мы прибудем на Великий Совет под гербом Павиры? – спросила Асгетт, косо глянув на бабу.

– Конечно, дитя, – умиротворяюще, покровительственной улыбкой отозвалась Висса.

Вот только мимолетное выражение, мелькнувшее на её лице, Асгетт совсем не понравилось. Царица всегда знала на десяток шагов вперед больше остальных, но делиться планами не спешила никогда. Что эта лиса задумала на этот раз – один Иблис ведаёт.

– А что жнецы? – наконец Асгетт задала вопрос, который, казалось, интересовал её сильнее всего.

– А что жнецы? – эхом отозвалась Висса, безразлично пожав плечами, словно речь шла о назойливой степной мошке.

И всё же, несмотря на напускное равнодушие, при одном лишь упоминании Каменной Долины лицо правительницы неизменно искажалось в брезгливой гримасе.

– Не полезут ли они следом за Империей? – задумчиво протянула Асгетт, пытаясь предугадать дальнейшие ходы жнецов и оценить, насколько высока угроза для Павиры.

Страх перед безликими воинами Висса не испытывала, отнюдь. Но одна дума о чёрных, удушливых тенях, копоша-

щихся под их доспехами, заставляла морщиться от отвращения. Царица категорически не признавала природу их холодной, лишённой капли тепла крови. Для неё порождения Долины казались уродливым искажением мироздания, досадной ошибкой, которой не должно быть места под солнцем. Ведь эти существа были сотканы из вязкой, первозданной ночи, что безраздельно правила в их владениях.

– Пусть залезут обратно во тьму, откуда когда-то выползли, – отрезала Висса. Но тут же неувовимо смягчилась, тепло улыбнувшись. – Отдыхай, милая.

Оставив на лбу внучки нежный поцелуй, она развернулась и направилась к выходу. Подол её плаща бесшумно скользнул за порог, и дверь спальни закрылась.

Как только створки дверей сомкнулись, Асгетт сбросила маску покорности. Точно борясь с невидимой тяжестью, она поднялась с ложа, сминая струящийся шёлк, и заставила себя подойти к холодной зеркальной глади.

Оттуда на неё смотрело лицо, которое она давно перестала считать своим, воспринимая скорее как удачный, но слегка раздражающий камуфляж.

Гармоничный облик буквально вопил о благородстве крови: чёткий овал лица с россыпью золотистых веснушек, точёный, слегка заострённый подбородок, высокие скулы и чувственный изгиб губ. Пепельные волосы завершали образ возмутительного благолепия, создавая иллюзию, будто перед миром предстала сушая милочка.

Позади себя, в призрачной глубине зеркального полотна, она вдруг узрела чужое присутствие. Бог Касарит и, по совместительству, та самая облезлая псина, вальяжно раскинувшись на кровати. Он уже успел сменить блохастую ипостась на облик обнажённого юнца, всем своим видом демонстрируя возмутительное чувство комфорта на чужих шелках.

Разумеется, это была лишь удобная ширма. Настоящую форму древнего божества не вместили бы перекрытия этих покоев, а его подлинное величие заставило бы рухнуть на колени даже её - хотя Асгетт предпочла бы откусить себе язык, чем в этом признаться.

Стыда наготы древнее божество не ведало в принципе. Вся эта стеснительность казалась откровенной нелепицей для того, чьи незримые корни веками покоились в загробных водах. Касарит привык ласкать остывшие души на самом дне великой реки, а когда твоя основная компания состоит из мертвецов, переживать об отсутствии штанов как-то не с ру-

ки — им давно плевать на приличия.

В этом обличье он казался похожим на Асгетт. Они смотрелись в янтарных покоях дворца Ца'трии как родные брат и сестра, рождённые одной великой силой Древа Иблиса. Только вот его гипнотические глаза до краёв были залиты чёрным ядом. Он нёс в себе потустороннюю суть вод: кожа отливала мёртвенной лунной бледностью, тонкие уши заострялись кверху, а голову венчали тяжёлые витые рога.

Два совершенных чудовища замерли друг напротив друга.

– Не расстраивайся, Геда, – голос бога звучал шипяще и глубоко. – Я принёс тебе подарок.

Он бесшумно поднялся с постели и, словно плывя по полу, приблизился к Асгетт вплотную. От тела веяло могильным холодом подземных вод и приятным ароматом ядовитой ягоды, что росла в его землях.

Божество нежно обхватило ладонь принцессы своими когтистыми пальцами, подняло её руку чуть выше и скользящим движением надело на тонкий девичий палец массивный перстень.

– Нравится? – Его губы растянулись в лукавой, змеиной улыбке, а в глубине залитых тьмой глаз проглянул искренний, почти детский восторг от собственной проказы.

Асгетт опустила взгляд и обомлела. Тяжёлым чужеродным грузом на пальце покоился массивный чёрный перстень, который эта божественная сущность давеча отгрызла у жнеца вместе с куском перчатки. Чёрный металл всё ещё хранил прохладу магии теней и зловеще поблёскивал в тёплом свете спальни.

– Удивил так удивил... Это как ты так исхитрился? – ошарашенно выдохнула Асгетт. Она заворожённо разглядывала трофей, судорожно пытаясь осознать случившееся. – Великий древний бог стал подрабатывать карманником в грязных переулках?

Касарит мягко улыбнулся.

– Настоящий артефакт этого щенка я сожрал, – он с тихим звоном стукнул острым, тёмным когтем по перстню на её руке, а затем приглушённо добавил: – К слову, палец, который я попутно пытался ему отгрызть, оказался на редкость невкусным.

Нахмурившись, Асгетт тщетно пыталась связать обрывки воспоминаний в единую картину, задаваясь вполне логичным вопросом: «Что же тогда, бездна его подери, забрал жнец?»

– Некоторые вещи лучше не знать, – словно прочитав её мысли, Касарит глухо, утробно рассмеялся, обнажив два ряда бритвенно-острых резцов, не оставляющих сомнений в его хищной природе. – Но я уверен, что мальчишка остался в полнейшем восторге от моего скромного сувенира.

В конце концов, жнецы сами были виноваты – не стоило оставлять на мостовых Ям столько мертвецов, провоцируя бога на творчество. Вместо вожеленного артефакта командир бережно унёс с собой кусок чужой плоти, до краев пропитанный ядом рек – секундная ловкость лап и масса небываемых, хоть и очень мимолётных эмоций для безликого воина.

– Подобную роскошь способна купить лишь казна древних родов, – божество сделало шаг назад, плавно отдаляясь. – С такой реликвией воин навеки забудет страх перед смертным часом. Оберег сам станет его щитом – он учует направленное острие, отведет чужую сталь и закроет своего хозяина там, где реакция бессильна.

Замерев на мгновение, Асгетт разразилась заливистым, оглушительным смехом, заполнившим всю опочивальню. В воздухе звенел чистый, безумный восторг. Хорошая получилась партия. Отсмеявшись, она сорвала с пальца тяжёлый перстень и опустила на комод. Артефакт словно кусался, упрямо храня верность лишь прежнему властителю.

В ту же секунду интерес к выходцам из Долины окончательно угас. Даже на расстоянии треклятый жнец умудрился подгадить. Оставалось лишь тешить себя мыслью, что носить вещь, которая сидела неловко и была безнадёжно вели-

ка, совсем не хотелось.

Такое гадство даже в голодные времена не удастся продать, прижми нужда. Кому нужен артефакт, который поровнит переломать пальцы любому покупателю?

Но Асгетт грело осознание, что хозяин перстня в итоге остался без защиты, обнажённый перед любой опасностью. Пусть эта проказа выйдет ему боком при первой же встрече с клинком.

– Хороший подарок, – Асгетт завалилась обратно в постель, забираясь под бок к божеству, которое уже устроилось там. – Спасибо.

Касарит лишь улыбнулся, глядя на неё чёрными бездонными глазами. Когтистая ладонь бережно скользнула по волосам, перебирая пряди. Он просто хотел её порадовать.

Древнее божество не знало привычных чувств, но за годы привязанности уяснило одну истину: когда маленькая принцесса грустила, собственное нутро выворачивало словно от невыносимой, удушающей хвори.

И сейчас, глядя на это счастливое, улыбающееся лицо, хранитель рек жаждал лишь одного – найти безликого жнеца

и заживо сожрать. Медленно. С костями и доспехами.

Даже если придётся долго и мучительно давиться.

Глава 3

Великая Империя, ведомая слепой гордыней и верой в то, что весь континент обязан склониться перед её знамёнами, объявила войну Павире. Высокомерный государь рассчитывал в союзе со жнецами растоптать непокорный клочок земли вместе с Вольными землями всего за шесть месяцев.

Равель, ныне правящий Шах Каменной Долины, объединение с имперцами считал мудрым и дальновидным шагом. Цина же видел в этом очередную глупость – сделку, рождённую не прагматичным расчётом, а наступающим старческим упадком. Долина и без чужой помощи могла бы поглотить Павиру за одну-единственную ночь.

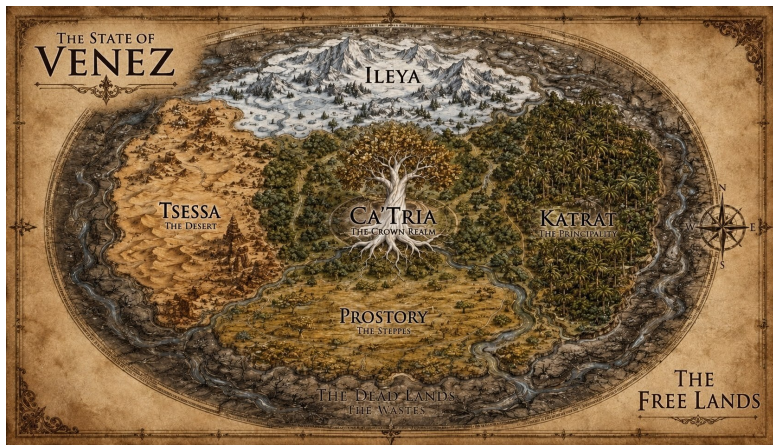
Безродные дикари никогда не представляли для жнецов угрозы – они казались слишком ничтожными даже для презрения. Но Цина занимало вовсе не это. Вопрос выгоды оставался открытым.

К чему им вообще сдались эти земли?

Их народ совершенно не интересовали скудные ресурсы окраин, лежащих далеко от родных границ. Беспородные женщины, с отчаянным безумием перерезавшие глотки себе

и своим визжащим выводам ради спасения от неизбежного надругательства, не вызывали у воинов даже мимолётного вожделения. А мужчин и юношей в рабство они не брали — слишком слабы и бесполезны.

Но гораздо тревожнее было иное. За узкими пределами этого мелкого, упрямого государства простирались мёртвые земли, о которых даже древние карты предпочитали умалчивать. Безмолвные края, окутанные удушливым маревом, где сам воздух был чистой отравой, а горизонт терялся в серой, безжизненной дымке.

Венец. Якобы так некогда именовались опасные земли, чьё имя теперь хранят лишь пожелтевшие свитки храма Мира. Согласно легендам, которыми матери любят пугать непо-

слушных отпрысков перед сном, эти просторы когда-то цвели и вызывали всеобщую зависть. Ни одна война не могла сокрушить оплот из пяти правящих династий, а населявшая их раса – жившая, подобно жнецам, тысячелетиями – хранила свою кровь в строгой чистоте, отвергая союзы с иноземцами.

Но затем пришла великая Кара Бездны.

Она пронеслась по всем землям и, подобно неумолимому тарану, ударила в Венец. По воле Бога Касарита царство было стёрто с лица мира и погружено в ядовитые реки. Чтобы не отдать души своего народа Бездне, божество пожрало всё живое, что обитало в тех краях.

С тех пор чёрные воды кишат телами, превратившимися в проклятых чудовищ – искажённых, терзаемых вечным, неутолимим голодом. Конечно, никто никогда не видел этих созданий воочию. Всякий, кто осмеливался приблизиться к берегам, назад уже не возвращался.

Цина сомневался в правдивости древних свитков. За пятьдесят тысяч лет, прошедших с момента последнего визита Бездны, можно и не такие сказки придумать. Свидетелей-то не осталось.

И уж точно он не верил ни в какое божество, скрывающееся в ядовитом болоте. Но был вполне уверен в том, что не испытывает ни малейшего желания проверять, какие именно твари могут выползти из этих вод на свет, если их потревожить.

Хищник слишком хорошо знал цену собственной силе и понимал, когда даже самому могучему зверю следует держаться на почтительном расстоянии от чужих охотничьих угодий, дабы однажды самому не стать добычей.

Дед Равель выслушал доводы всех сторон и вынес приговор, от которого не было отступления. Союзу быть. Империя обещала щедро осыпать жнецов за помощь золотом, однако истинной ценой сделки стала не казна, а кровь. Имперская принцесса, чьё имя уже давно превратилось в легенду – совершенная, недостижимая.

Самому Цине было глубоко безразлично. Он давно пресытился покорной красотой и явно не испытывал ни малейшей потребности в брачных узах. Брак для него оставался не более чем политической необходимостью – инструментом для укрепления власти над Долиной и железным союзом с голодной до чужих земель Империей.

Жена окажется величественной и высокородной, а значит,

достаточно ценной, чтобы носить его имя и потрудиться родить наследника.

Вот только кровь не хотела разбавляться, яростно кусаясь. И потому потомство жнецов неохотно шло в этот мир: обычно оно дохло вместе с той, что смогла понести. Случаи, когда иноземкам все же удавалось выносить это бремя до срока, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А чтобы сосчитать младенцев, сумевших сделать хотя бы первый вдох, хватило бы и одного пальца.

В Каменной Долине, несомненно, были женщины их собственной, чистой крови. Однако в ничтожно малом количестве: Ночь предпочитала даровать им мальчишек, скупое пренебрегая дочерьми.

И даже если принцесса сотворит невозможное, она все равно неизбежно подохнет в скором времени. Даже помогать не придётся – никто в этом мире не жил так долго, как жнецы.

Только бы ему самому кто-нибудь не помог подохнуть.

Вместо одной-единственной победоносной ночи или шести месяцев, как планировала Империя, Павира преподнесла им совсем другой подарок – три года изнурительной, кро-

вавой войны.

Тысячи имперских жизней стали ценой этой горькой иллюзии. Безликие жнецы, чьё ремесло сводилось к быстрой и беспощадной резне, превосходили любых воинов на континенте, а тем более союзников – закованных в золочёные доспехи имперских рыцарей. Их полное отсутствие ума и блестящие латы лишь облегчали задачу тем, кто умел наносить удары в щели.

Однако даже они, непревзойдённые мастера теней, были неприятно удивлены, когда забирали тела павших братьев с поля боя.

Неорганизованные дикари, которые прежде хаотично и глупо сражались в мелких стычках в Ямах, внезапно явили миру пугающую военную тактику. Слаженно, шаг за шагом, словно научившись терпению, они начали вытеснять чужаков с границ Павиры. А затем и вовсе погнали их по территории Вольных земель, словно волки потрёпанное стадо овец, оставляя за собой лишь выжженные поля и тлеющие трупы, аккуратно сложенные в молчаливые пирамиды.

Худые, высокие бойцы в лёгких, развевающихся накидках поначалу казались воинам Долины неинтересной и лёгкой добычей – жалкой дичью, о которую не стоило даже пач-

кать клинки.

Но когда эти дикари схватились за копья да взяли в руки по два изогнутых клинка и с безумной, почти священной яростью закружились в смертоносном танце, исход всей кампании начал стремительно и необратимо меняться. Словно сама земля решила напомнить завоевателям, что не всякая кровь проливается легко.

Павирцы двигались неумолимо и безостановочно, сплетая вокруг себя живой стальной щит, из которого невозможно было вырвать ни одного бойца. Никто не мог приблизиться на расстояние удара – их строй оставался целостным, словно состоял не из плоти, а из острых шипов. Их выносливость превосходила всякое разумение, и хотя жнецы ещё могли бы справиться с этим упорством, скорость и реакция павирцев превратились в непреодолимую преграду для захватчиков.

В ближнем бою жнецов спасала лишь тёмная магия теней, которую они призывали с отчаянным хладнокровием. Имперцев же не спасало ничего. Их косили целыми шеренгами, словно бесполезную траву, и золото их доспехов лишь ярче сверкало под потоками собственной крови.

У Цины упорно не сходилась картина этой войны. Дикари не могли научиться так драться за столь короткий промежу-

ток времени. Будто кто-то направлял их клинки, кто-то тенью стоял за спинами, диктуя правила игры.

Он раздражённо сжал кулак, и на покрытых рисунками пальцах тупо занял старый след от укуса. Вдобавок ко всему, эта проклятая тварь, что ухитрилась стащить родовой перстень, оставив взамен кусок смердящей плоти. Без оберега приходилось тяжело, и на теле, что давно отвыкло от увечий, проступали новые шрамы.

Наследник Долины иногда возвращался к тому каменистому обрыву, пытаясь разгадать эту аномалию. Тело морoka, рассыпавшееся серым прахом, полное отсутствие искры души, бесследно исчезнувшая псина и этот въевшийся в ноздри запах...

Однако призрачный аромат в его мыслях быстро сменился вполне реальной гарью – плохие вести догнали наследника на полпути к родным землям.

Воины Триты, словно сорвавшиеся с цепи псы, обрушились на приграничные провинции Империи с яростной, почти одержимой жестокостью. Вдохновившись подвигами Павиры, они выжигали сытые, цветущие княжества дотла, оставляя после себя лишь чёрные поля, усеянные обугленными трупами, и дымящиеся руины, над которыми ещё дол-

го висел тяжёлый, сладковатый запах горелого мяса.

Трита, долго терпевшая имперскую возню у своих границ, объявила войну. Обезумевшие от ярости и унижения имперцы не желали сносить новые удары. Император ответил радикально и без промедления – созвал Великий Совет.

Закон был непреклонен: при звуке этого зова все цари и подвластные им князья обязаны были немедленно сложить оружие и явиться в священный храм Мира, дабы разрешить спор словом, а не сталью. Никто не имел права игнорировать призыв, не рискуя навлечь на себя гнев всех народов одновременно. Отказ от участия в нем означал не просто вызов – это было равносильно объявлению войны всему живому.

Для Цины это означало лишь одно: война с Павирой временно затихает. Ему придётся сбросить пропитанные кровью доспехи, чтобы, облачившись в тяжёлые парадные одеяния, сопровождать деда на этот фарс, именуемый миром.

Наследник Долины раздражённо повёл плечом, и в полумраке покоев его глаза сузились в холодные, кроваво–красные щели.

В храме Мира соберутся все: имперские павлины в золоте, которым придётся выказывать почтение; братья по оружию

из Вархи; древние, выродившиеся дома Саривии и владыка Павиры со своим отребьем...

Что-то в землях за пустошами начало меняться, и Цине это до бешенства не нравилось.

А ведь именно там, за ядовитой дымкой мёртвых земель, скрывалось от всего мира древнее и благоденствующее государство.

Три года. Ничтожный, мимолётный срок для живущих тысячелетиями созданий. Но для Асгетт, запертой в безмолвии здешних земель, годы тянулись безумно, невыносимо долго.

Бессмысленное кровопролитие за границами пустошей она совершенно не понимала. Наполняло гордостью лишь то, что воины Венца были неописуемо слаженны и превосходны в бою.

Великая Цэсса с гербом огненного стихийного исполина, принадлежавшего отцу, царю Вхару, намертво укрепила рубежи Павиры, облачившись в одеяния союзников и взяв чужие стяги.

Пустынные воины по праву считались вторым из самых страшных и безжалостных клинков. В раскалённых землях

они изо дня в день сражались с порождениями песков, выползавшими под покровом ночи. Бесстрашные, закалённые зноем, эти несокрушимые бойцы стали для Павиры главным щитом.

Первым же разящим клинком Венца считался Катрат. Его глухие леса были окутаны удушливыми туманами, а топи делали эти края абсолютно непроходимыми. Здешние дебри взрастили существ, которые в своей свирепости были куда опаснее малахоров из касаритовых рек.

Девы с пастью, полной острейших зубов, прямо во время боя легко меняли облик, превращая тонкие руки в длинные когтистые лапы. Они заживо рвали плоть врагов, насылая кошмарные, сводящие с ума видения на каждого, кто осмеливался взглянуть в их золотые глаза.

Женщина, заменившая ей мать, была родом именно оттуда. Древняя, словно само мироздание, она растила Асгетт вместе с её названной сестрой, Сабари.

Творения Иблиса с длинными, ослепительно белоснежными волосами, мать и дочь – как и всякая женщина из Катрата, – обладали тем качеством, которое могло затмить любую чужеземку. Они были способны попросту сожрать конкурентку. В еде эти лесные создания привередливостью не

отличались.

Дорогая матушка стала учить Асгетт взывать к дару Великого Древа с того самого дня, как та уверенно встала на ноги. Дитя ещё не говорило, но уже училось охотиться и красться бесшумно, словно дикая кошка. Абсолютная небрезгливость к плоти и крови стала закономерным итогом их совместной жизни.

Не меньше повлиял на её жизнь и Дарий – наследник плодородных равнин, где носились беспощадные ветры и вольные кони.

Княжеский сын, совсем молодой, всего–то четыреста лет от роду, был одним из самых близких наставников девочки. Именно у него Асгетт, заврожённо наблюдавшая за тренировками, переняла эту фанатичную любовь к копьям.

Теперь же во главе одного из легионов, преследовавших чужаков в Вольных землях, стоял именно он.

Первая сталь Просторов обладал качеством, внушающим союзникам благоговение. Высокий, статный, с идеальной осанкой рождённого в седле всадника, он нёс себя с истинным достоинством.

Дарий всегда предпочитал свободные одежды, даже в бою – наряды глубокого чёрного цвета из благородных тканей и тяжёлый летящий плащ, скреплённый на одном плече круглой серебряной брошью. Его длинные чёрные волосы шёлковым полотном рассыпались по спине, обрамляя лицо, словно высеченное искусным скульптором, а в глазах чистого зелёного цвета сквозило величие.

Но за этой обманчивой утончённостью скрывался превосходный воин, получивший образцовое воспитание.

Он сражался длинным, идеально сбалансированным копьём, лезвие которого пело в руках, выкашивая ряды противников на дистанции, недостижимой для их мечей. В движениях не было хаоса или грязной ярости – каждый выпад, каждый разворот оружия казался выверенным, благородным, почти церемониальным жестом.

Его магия полностью подчинялась этой безупречной дисциплине: удушливый зелёный смог, который он призывал по одному щелчку пальцев, расстилался по земле идеальным, плотным ковром. Ядовитая дымка была способна мгновенно заволакивать поля, забивая лёгкие всего живого и выжигая врагов изнутри.

Но в нынешней войне воинам Венца подобная сила не тре-

бовалась – они оберегали тайну своего существования и сокрушали противников исключительно сталью.

А теперь, сидя в парадном зале дворца Ца'трии в тяжёлом резном кресле и слушая доклады, Асгетт ловила на себе явные, недвусмысленные знаки внимания всадника. При виде его благородных жестов она лишь незаметно закатывала глаза, едва сдерживая ехидную улыбку.

Царица действительно как в воду глядела – Великий Совет был созван.

Дарий, как и всегда, холодный и собранный в своих тёмных одеждах, восседал от Асгетт по левую сторону.

А по центру, вальяжно и тяжело откинувшись на спинку, расположился её отец.

Неудивительно, что её мать когда-то ослушалась бабку и завладела этим демоном.

Вхар, царь Цэссы, дышал неподъёмным, царственным зноем. В его облике не было ни капли утончённого аристократизма Дария – только давящая, сытая роскошь самого богатого южного дома.

Одеяние царя, состоящее из свободных бежевых тканей, было распахнуто на груди, открывая мощный смуглый торс. Длинные каштановые волосы ложились на плечи тяжёлыми волнами.

Он любил золото и носил его с вызывающим, варварским извращением: бесчисленные тонкие цепи путались у него на груди, запястья закрывали массивные резные наручи, а пальцы с чёрными, острыми когтями были сплошь усыпаны перстнями. Взгляд глаз, залитых раскалённой медью, был

отягощён кошачьей полудремой. У них с Асгетт был одинаково хитрый разрез век, да и нрав во многом совпадал.

Вот только характер у отца был абсолютно несносным.

– Где твоя бабушка? – возмутился он, и глубокий, вибрирующий голос эхом разнесся под высокими сводами залы.

– Не бабушка, а Асеки Иблис бен Касарит, – не поворачивая головы, ровным тоном поправила Асгетт, рассматривая свои ногти.

– Я так и сказал, – отец раздраженно качнул головой, отчего золотые серьги в ушах негромко звякнули.

На самом деле он уважал божественную суть царицы. Но в песках правил иной бог. Вхар буквально являлся порождением этой силы, созданным из чистого, первобытного огня — сыном беспощадного, карающего пламени пустыни.

И потому ему изначально было свойственно пренебрежение к чужим авторитетам.

В этот момент тяжелые двери залы бесшумно разошлись, и в помещение плавно всплыла Висса в своем традиционном белоснежном платье и красном плаще. Подол плаща, чер-

ный, как корни, мягко скользнул по полу.

– Хвала великому Иблису, явилась! – шумно выдохнул Вхар. – Я тут почти закончился, пока ждал тебя.

– Когда ж тот день придёт, когда ты закончишься, – холодно и иронично отозвалась царица, даже не замедляя своего шага. – Одно меня искренне радует в твоём здесь нахождении – это собрание закончится быстро. А не как обычно, на рассвете второго дня.

Висса остановилась у подножия тронов и окинула царя Вхара золотым взглядом:

– В одном помещении с тобой больше двух часов может провести только самый сильный духом. И это, заметь, если ты вообще рот открывать не станешь.

Вхар лишь оскалился в ответ, сверкнув идеальными длинными клыками, и подался вперед:

– Сильна ли ты духом, старуха?

– О, помилуй. Я и часа не выдержу. – парировала царица, и на её губах заиграла тонкая ухмылка. – Нервы с возрастом не к черту. Не мне тебе рассказывать.

– С вашими собраниями... Думал, приду позже, как раз закончите, а вы даже не начали.

Массивный, седовласый великан Ликой вошёл в зал грохочущей по мрамору поступью, явно пребывая в скверном расположении духа. Начищенные до блеска доспехи тускло отсвечивали в полумраке, а аккуратная серебряная борода сердито топорщилась.

Следом за ним, бесшумно и грациозно скользя в тени отца, шла Митэя – двоюродная кузина Асгетт и единственная дочь князя Илеи. Княжна была одета в струящееся лёгкое серое платье.

Её глаза пронзительного, кристально-голубого цвета обрамляло золотое каймление, а локоны венчали голову точно драгоценная корона. Серебряный медальон на тонкой шее мерцал в такт дыханию, выдавая скрытую внутри магическую искру, способную превратить любого в вечный лёд.

Ликой окинул взглядом присутствующих, остановил взор на наставнике Асгетт и ослабился.

– Дарий, дорогой! Как хорош, а, Владыка? – громогласно обратился названный дядя к отцу.

– Хорош, – лениво подтвердил Вхар, перебирая кольца на смуглых пальцах

– Да-а-арий, – протянул Ликой, вальяжно подходя ближе.
– Так ты мне уже нравишься, ни дать ни взять. Сколько душ забрал у горного хребта?

– Я не считал, Князь, – ровным, бархатным голосом отозвался Дарий.

Он даже не шелохнулся под этим давящим авторитетом. Его зелёные глаза оставались совершенно спокойными.

– Привратница! – рявкнул Ликой, оборачиваясь к затенённому углу залы.

Из тени бесшумно выступила служительница Иблиса. Окутанная в ритуальные золотые одежды, она сверкнула скрытым взором и безэмоционально, холодно отчеканила:

– Четыреста пятьдесят три. Но должен был забрать больше.

– Ну ты посмотри на него. Жеребец! – князь Илеи восхищенно хлопнул себя ладонями по окованным сталью бедрам.

– Ещё и скромный! Не хотел на фоне других бахвалиться.

Дарий приглушенно, устало вздохнул, слегка качнув головой, отчего длинные шелковистые пряди темных волос скользнули по плечам.

– Князь, я начинаю тебя бояться, – невозмутимо заметил он, хотя в тоне прорезалась тонкая ирония. – Мне уже в моменты уединения твой оскал из кустов мерещится.

Ликой громогласно рассмеялся, и этот треск ломающихся костей в голосе заставил задрожать золотые подвески в ушах царя Цэссы.

– Кстати говоря, этот племенной наследник Просторов отказался от... от скольких девиц он отказался?

– От двадцати двух, – бесстрастно отозвался ровный голос привратницы из-под капюшона.

– От двадцати двух! – взревел Ликой. – Там такие кобылы породистые были, что только поводья держи да ноги свесь, сами куда нужно поскачут. А этот всё на дикую и необъезженную смотрит, вместо того чтобы ей в рот... удила вставить. Двадцать две!

Асгетт, сидевшая в своем кресле, медленно прикусила изнутри губу, пряча ядовитую ухмылку. Она прекрасно понимала, в чей огород сейчас был брошен этот камень.

Митэя, наблюдавшая за отцовским спектаклем чуть поодаль, лишь едва заметно хмыкнула, скрестив руки на груди.

– О, прошу, не обращайтесь на меня внимания, – Дарий тихо и обреченно прикрыл ладонью глаза, понимая, что Князя уже не остановить.

– Умён, высок. Воспитан! Слышали такое слово? – Ликой зашагал по залу, активно жестикулируя тяжелыми руками. – Чистейшая, кипящая древняя кровь, но при этом спокоен, умеет укрощать свой нрав. И горяч, если нужно укротить чужой! Один из лучших воинов, что наравне сражался с лучшими и учился у лучших. Хоть и силён как тот... этот самый, при этом не-е-жен. Или что там вам, девкам, ещё нужно? Да будь я девицей, я бы прям тут ему отдался!

– А как же любо-о-овь? – со смешком протянула Митэя, расслабленно оттолкнувшись от колонны.

Она прекрасно знала о холодном равнодушии своей младшей кузины ко всем этим ухаживаниям и намеренно пыталась увести опасный разговор в другое, шутливое русло.

– Любовь? – Ликой резко остановился, и его седая борода воинственно дернулась. – Что от твоей любви останется, когда ты будешь детей рожать своему ободранцу, или кого ты там мне присунешь? Наследников, что на него как отражение водной глади похожи будут. Ждать будешь его в постели, пока он под звёздным небом других трахает и сказки им о любви рассказывает. Те сказки, что он до этого рассказывал тебе. Тут сказочников по молодости – воз и телега, и не маленькая. Один лучше другого, хоть басни пиши. На ходу выдумывали, да так складно, что сами Боги верили.

Князь весомо припечатал ладонью по рукояти своего оружия:

– Клятва! Вот это уже совсем другой разговор. А похоть сказочника, что так любит дарить мимолётное в обёртке любви, покинет его уже к утру. Так что же у тебя останется в итоге? Пыль.

– А если у него естество не такое? – задорно поинтересовалась Асгетт, издевательски вскинув бровь и косясь на стремительно бледнеющего от безупречного воспитания Дария.

– Какое не такое? – искренне возмутился Ликой, округлив свои глаза. – Великие боги, да оно у всех одинаковое! Или

думаешь, где-то есть волшебное?

Вхар на своем троне не выдержал и громогласно, раскати-сто расхохотался, отчего тяжелые золотые цепи на смуглой груди заходили ходуном.

Асгетт же стиснула зубы, изо всех сил стараясь сохранить царственное выражение лица, хотя внутри неё так же клоко-тал дикий смех:

– Ну, может, там не дуб вековой, а прутик ивы? – не уни-малась она. – Как же таким наследников делать, коль так?

– Вы ведь, иблисовы дочери, так скачете этих наследников делать, что аж волосы назад! – громыхнул Ликой, всплеснув руками. – Не догонишь, не найдёшь. Сук примотает. А если уж КТО-ТО снизойдёт до продолжения рода... ну-у... как-то намолим мы уже тех наследников. Вот все соберёмся и намолим!

Князь сделал весомую паузу, картинно оглядев притих-шую залу:

– Если бы я сейчас говорил как отец сына, соверши мой отрок подобные деяния, я бы сказал, что он... ИДИОТ! Но как отец дочери, я говорю, что надо брать! Потому что ТА-

КОГО идиота мы больше нигде не найдём.

– Прямо сейчас брать? – ядовито поинтересовалась Асгетт, переводя на него свои глаза.

– Прямо тут! Кстати о кустах... Всё у него там прекрасно. Так что можешь не переживать. Что смотришь? Для тебя старался, всю задницу ободрал, пока по репейнику ползал, – Ликой утробно рассмеялся, подмигнув наследнице Венца, – Вот такой. Жеребец!

– Вот такой, – внезапно подала голос царица Висса, выходя на середину залы и совершенно бесстрастно разводя ладони, показывая пальцами явно больший размер, – Что смотришь, зять? Мы в тех кустах, в которые ты меня за шиворот тащил по тому репейнику, вместе сидели. Пить меньше надо.

В главном зале Ца'трии на секунду повисла оглушительная, гробовая тишина. Вхар даже рот приоткрыл от такого откровения, а Ликой ошарашенно переводил взгляд с ухмыляющейся Виссы на замершего Дария.

– В упор не помню... – наконец пробормотал седовласый титан, растерянно почесав бороду – А ну-ка...

Князь Илеи шумно подался вперед, буквально наступая

на бедного наследника Просторов, намереваясь залезть ему в штаны.

– Стоять, – холодно и отчетливо отрезал Дарий.

Он наконец поднял голову, осадив наступающего на него одним лишь жестом руки. В голосе не было паники – только выдержка первой стали, привыкшего командовать легионами.

Ликой на секунду замер от такой дисциплины.

– Тишина! – звучным, не терпящим возражений голосом оборвала балаган царица.

Она плавно опустилась во главе массивного стола, и белоснежные одежды величественно расправились. Висса окинула присутствующих пронизательным взглядом, задерживаясь на каждом чуть дольше положенного.

– Великий Совет начнётся через два дня. Асгетт, сегодня ты отправишься в храм Мира. Кому-то из нашего дома необходимо присутствовать на вечерней молитве.

– Так как я на дух не переношу эти унылые песнопения, – добавила она, – подобное сомнительное развлечение отныне

часто будет входить в твои прямые обязанности.

Асгетт с таким чувством закатила глаза, что ей стоило немалых усилий вернуть их на место. Она даже откинулась на спинку кресла, будто сама мысль о храме физически её утомила.

– Не делай такое лицо, – Висса усмехнулась. – Оно у тебя всё равно недостаточно трагичное для мученицы.

Асгетт промолчала. Только медный взгляд её на миг стал острее, словно под тонкой кожей терпения уже проступило лезвие.

– Знаю, знаю, ты всю жизнь именно этого и желала, – царица хитро улыбнулась, обнажив острые кончики клыков.

– Стоять среди служительниц, слушать, как храмовые певчие тянут одну и ту же ноту до тех пор, пока душа не начнёт сама искать выход из тела... Мечта, а не вечер, – продолжил расписывать перспективы Вхар.

– Заодно погуляешь, развеешься. На отпрысков великих домов поглядишь. Вдруг приглянется чей-то... – Висса явно планировала закончить фразу не так, как подобает царице.

– Не начинай, – глухо и уныло прервал Вхар и устало потёр переносицу.

Разговоры о мужчинах, коих с завидным упрямством совали его дочери чуть ли не силой, начинали царя откровенно утомлять. Ему искренне нравился благородный Дарий. Более того, он лично тренировал будущего князя. Но при этом его вполне устраивала отрешённость девочки к противоположному полу. Успеет ещё влезть во все эти узы по самую шею.

Сама же Висса, которая в последнее время втайне начала подозревать свою драгоценную кровь в любви к девицам, после слов царя Цэссы решила благоразумно и очень красноречиво промолчать. Она лишь сделала крошечный глоток из своего кубка.

«Кровь густеет и требует новой», – отрешённо подумала Царица, глядя на зятя. Трагическим и жестоким доказательством этой истины послужила судьба матери Асгетт – Башши, чья жизнь оборвалась при родах. Это стало невиданным, оглушительным горем для рода.

Башши с самого начала знала, чем всё закончится. Два огненных рода, разница между которыми крылась лишь в ярости пламени. Две древние силы, что сплелись воедино – и

неистовым жаром дотла выжгли жизнь из той, что взрастила их общий плод. Дар провидения ясно показал ей грядущую смерть, но она всё равно зачала дитя, упрямо пойдя наперекор воле Виссы.

Царица понимала: раз дочь осознанно пошла на такую жертву, значит, так было предрешено самим Древом. Иблис никогда не дарил подобную силу просто так. Это было одновременно величайшим благословением и страшным проклятием.

Проклятием стала безвременная потеря обожаемого дитя. Даром – рождение внучки. Воистину, за всю историю в этих землях ещё не пробуждалось такой силы. Такова была непомерная цена её появления. Дети и так даровались потомкам Иблиса в муках. И чем дольше девицы противились продолжению рода, продолжая ждать столетиями лучшей табуретки, чтобы поудобней присесть – тем более кровавую дань они платили за потомство после. Царица больше не собиралась платить эту цену, и уж тем более не желала подобной участи для своей любимицы.

Но наследница доводила до раздражения, до желания схватить за плечи и развернуть к зеркалу: смотри же, дурочка, какое оружие тебе выдали боги.

Юное дарование, разумеется, гнушалась собственного дара. Взгляд скользил сквозь шелка, ленты, парадные украшения и чужие восторги – она выискивала любые намёки на очередную беду, в которую можно было влезть с головой. Митэя же, её старшая внучка, в этом плане была куда умнее.

Она прекрасно знала цену своей силе. Знала, как чуть склонить голову, чтобы серьги поймали свет. Как улыбнуться не слишком широко, но достаточно, чтобы молодой воин забыл, зачем пришёл. Как позволить ресницам опуститься на миг дольше положенного, как говорить тихо – так, чтобы мужчины сами наклонялись ближе и потом считали это собственной идеей.

Эта сила, по мнению Митэи, была не даром. Дар – это то, что можно растратить по глупости. Это был инструмент. Монета, которую принимали в любом зале, у любых ворот и почти в любой постели. И если уж судьба вручила тебе такое богатство, следовало тратить его как подобает.

Она бросила последний взгляд на внучку, поправила складку на рукаве и улыбнулась – мягко, почти по-матерински.

– Я всё подготовила, ступай. Взрослые ещё немного поговорят о делах.

Это Асгетт сделала с удовольствием. Она поднялась и, нарушая воцарившуюся в зале тишину, мерно зашагала к выходу. Тяжёлые двери беззвучно сомкнулись за спиной.

В прохладных коридорах дворца пахло вечерней свежестью и едва уловимым, кисловатым ароматом Великого Древа.

Желания присутствовать на песнопении не было, а перспектива дышать одним воздухом с высокородными иноземцами вызывала искреннее негодование. А вот разыграть из себя неотесанную дикарку из Павиры придаст этому светскому лицемерию хоть какой-то смысл. В животной дикости они, в конце концов, были почти родственниками.

В голове промелькнула шальная мысль: почтит ли их своим присутствием тот жнец из Ям? Лицом он, конечно, не вышел, но вот вид со спины оказался на удивление недурён. Надо обязательно прихватить с собой его любимый перстень – исключительно ради поддержания светской беседы.

Асгетт коротко встряхнула пепельными волосами, отгоняя кровожадное предвкушение.

Игры подождут.

Спину ровнее. Пора выполнять свой долг, принцесса.

Глава 4

Пространственные переходы ордена Хранителей работали безупречно.

Без вспышек, грохота, торжественных завихрений воздуха, которыми любили хвастаться маги помельче. Они размыкали саму ткань мироздания – тонко, аккуратно, почти вежливо, словно отодвигали перед гостем тяжёлый полог.

Ещё секунду назад над головой шумела раскидистая крона Великого Древа, а в следующее мгновение в лицо дохнуло вековой прохладой пантеона.

Холод здесь был особенный. Не зимний и не подземный – храмовый. Настоянный на камне, благовониях, старом золоте и тысячах молитв, которые веками впитывались в стены.

Асгетт невольно задержала дыхание.

Перед ней раскрывался главный зал священных чертогов: высокий, строгий. Колонны уходили вверх так далеко, что терялись в сумрачной голубизне сводов. Между ними висели длинные полотнища с вышитыми символами древних богов

– неяркие, выцветшие от времени, но оттого лишь более весомые. Под ногами тянулся пол, испещрённый тонкими прожилками серебра; в линиях угадывались то корни, то реки, то трещины на старой карте мира.

Другим властителям, чтобы попасть на Великий Совет, приходилось проделывать путь куда менее изящный. Они

стягивали войска к границам, выслушивали оскорбительно вежливые расспросы на контрольных рубежах, исходили желчью перед закрытыми заставами и, сжав зубы, ждали высочайшего позволения Хранителей на активацию сложной системы переходов. Послы мерзли в пограничных павильонах, маги спорили с храмовыми писцами о печатях и допусках, а воины бряцали оружием ровно до тех пор, пока не вспоминали, что на землях храма Мира даже цари обязаны говорить тише.

Но для Венца из пяти ветвей эти законы не писались. Они не просили дороги – им её открывали. Не потому, что боялись. Во всяком случае, не только поэтому.

Отношения между дочерьми Иблиса и Хранителями храма издавна были тёплыми, почти родственными; настолько древними, что никто уже не помнил, где в них заканчивалась дипломатия и начиналась кровь или клятва. Их связывали старые войны, забытые договоры и имена богов, которые в разных землях произносили по-разному, но всё равно узнавали с первого звука.

Как и всякая, коей предстоит носить сан Асеки Иблис бен Касарит, Асгетт уже посещала священные чертоги раньше.

В детстве – чтобы склонить голову там, где требовал обы-

чай. Позже – чтобы проявить должное уважение к древним богам, которые, если говорить прямо, были её богами.

Тут они были не главными. Не первыми. Не теми, чьи имена произносили в доме перед рождением, смертью и войной. Тут её боги были лишь тенью. Но всё же достаточно почитаемыми, чтобы не отворачиваться от их алтарей.

Древо Иблис – божество жизни и душ, что однажды расцветут вновь. Его ветви держали над миром золотой свод, его огнево густой смолой текло в крови потомков, а его цветы раскрывались там, где душа была готова вернуться.

Не той же самой – нет, такие глупости оставляли храмовым утешителям, – но очищенной, перемолотой временем, обретшей новый корень, имя, плоть.

А под Древом, в темноте, куда не доставал ни солнечный свет, ни милосердие молитв, уходили корни Касарита.

Касарит был богом смерти. Не величественным. Его ядовитые корни держали тех, кто уже никогда не возродится: души предателей, душегубов, клятвопреступников и тех несчастных, чья сущность истончилась настолько, что новый цветок из неё уже не мог подняться.

Там, в чёрной глубине, смерть не карала и не прощала. Она удерживала.

И в этом, пожалуй, заключалась вся суть веры Иблис бен Касарит: жизнь не отрицала смерть, а смерть не враждовала с жизнью. Древо тянулось вверх только потому, что корни уходили вниз. Цветение было возможно лишь потому, что под ним лежала тьма, принимающая всё, чему больше нельзя возвращаться.

Хранители же, как и вся Трита, молились сёстрам-богиням – Ведающей и Карающей. Одной, что знала сокровенное и помнила забытое. Другой, что приходила следом, когда знание уже не могло спасти. Они верили истово и без тени сомнения: в их жилах течёт кровь богинь, и сами они – прямые их потомки.

В храме их имена произносили с благоговением. В Трите – с голодной, фанатичной преданностью.

Но истина лежала гораздо глубже: сёстры не стояли над Древом и не были богинями в том смысле, в каком их призывали величать. Они сами были детьми Древа – его порождением, волей и кровью.

Вернее сказать – дочери Иблиса и были ими.

Не избранницами. Не отражениями божественной воли. А живым продолжением – плотью от плоти Древа, памятью его и судом.

Хранители же, как и все иные, обитавшие за пределами пустошей, были травой, взошедшей на почве, вскормленной под тенью Иблиса. Увы – большая часть этой травы давно обратилась сорной: растущей вдали, жадной до света, но утратившей память о корне.

Народы Венца, напротив, были ветвями и листьями, густо усеявшими могучую крону. А стволом, держащим всё это величие, оставалась сама царица.

И даже если великое Древо однажды начнёт умирать, гниющие листья без остатка отдадут свою силу ветвям, а ветви – исполинскому стволу. Но если и он обратится в труху, в самой глубине, под надежной защитой древних корней, уцелеет один крошечный росток. И даже на мертвой, выжженной дотла земле он когда-нибудь обязательно взойдёт.

У каждого своё место.

И потому, входя под своды храма Мира, Асгетт всегда склоняла голову безупречно низко. Почти достаточно, что-

бы скрыть усмешку.

Здесь молились её богам.

И, в некотором смысле, ей самой.

Но всё же каждый раз, ступая в святилище, она чувствовала одно и то же: раздражающее, почти детское желание выпрямиться, поправить рукава и не дышать слишком громко.

Эти стены умели напоминать даже самым гордым, что до них здесь уже молились, предавали, клялись и прощали. И будут делать это ещё долго после того, как очередной Великий Совет превратится в пару сухих строк в храмовой летописи.

Невыносимо долгая ночная молитва закончилась лишь на рассвете, но оказаться в своих покоях Асгетт удалось далеко не сразу.

Лишь ближе к полудню, когда храмовый комплекс окончательно ожил, Хранители лично провели принцессу через тайные переходы. Они намеренно миновали общие залы и галереи – те места, где высокородным гостям полагалось чинно сталкиваться друг с другом под присмотром десятка лишних глаз.

Её разместили в самых роскошных покоях, скрытых от посторонних и утопающих в прохладе белого камня, шёлке, золоте и благовонном полумраке.

До официального начала Совета оставался один день, и девица могла бы наслаждаться всеми благами храма Мира в абсолютном уединении.

Если бы, конечно, не один наглый спутник.

Божество увязалось за ней вопреки всем правилам приличия, здравого смысла и, вероятно, сразу несколькими священным запретам. Он счёл забавным прийти в храм, где молились ему и его детям, – и теперь развлекался тем, что с видом оскорблённого гостя находил недостатки буквально во всём.

– Вино разбавлено, мясо пережарено, а от ароматических масел в чашах у меня разовьётся чесотка, – пожаловался он, ковыряя когтем дорогую резьбу на стене. – В касаритовых реках грязь и то была душевнее.

Асгетт скользнула взглядом по блюдам.

Насчёт мяса она была полностью согласна. Принцесса предпочитала, чтобы оно ещё немного бегало по тарелке –

или хотя бы убедительно делало вид, что недавно могло. Эту пересушенную подошву есть было попросту невозможно. Благо, еда им требовалась не так уж часто.

Бог тем временем поддел крошечный завиток резьбы, отколол его с тихим хрустом и задумчиво рассмотрел.

– И кто это делал? – спросил он с искренним отвращением. – У мастера были руки или храмовые обеты запрещают пользоваться пальцами?

– Потерпи. Скоро придут имперцы. Выберешь себе кого-нибудь пожирнее и успокоишься, – Асгетт, стоявшая перед огромной кроватью, устало вздохнула.

Перед ней, на бархатной подставке, уже покоилась ритуальная маска – тяжёлая, глухая, полностью скрывающая лицо. Тёмный металл почти не отражал свет, лишь тускло ловил дрожание свечей по краям. Узкие прорезы для глаз казались слишком строгими, а внутренняя сторона пахла старой кожей.

Древний, нерушимый закон был прост: до официального объявления Великого Совета, все без исключения правители, князья, наследники и свита обязаны были носить закрытые одеяния и маски.

Никаких лиц, гербов, родовых цветов, узнаваемых украшений. Никто не имел права знать, кто именно проходит мимо по коридорам дворца, молится в соседней нише или стоит за спиной у окна.

Лишь во время ритуала всё становилось явным.

Маски клали на длинный стол в середине зала, одну за другой, и только тогда называли свои имена, земли и регалии. До этого мгновения в храме существовали не личности, а тени будущих переговоров – равные, безликие и, как надеялись Хранители, достаточно сдержанные, чтобы не вцепиться друг другу в горло раньше времени.

Служители говорили, что этот обычай учил смирению. Принцесса же полагала, что причина была куда проще: так храм избегал кровной мести, случайных дуэлей и драк до того, как властители успевали сесть за стол переговоров. Под маской можно было пройти плечом к плечу с врагом своего дома – и узнать об этом лишь тогда, когда убивать его становилось уже крайне невежливо.

Времени в запасе оставалось достаточно, и Асгетт решила посетить купальни. Ей жизненно необходимо было охладиться: едва она увидела, какие именно вещи царица велела

собрать ей в дорогу, по телу тут же разлилось обжигающее пламя.

Докатившись до крайней степени злости, Асгетт всерьёз обдумывала возможность ходить вовсе без одежды. В этом, по крайней мере, было бы больше честности, потому что от присланных тряпок не было ровным счётом никакого толка.

Одеяния, бережно уложенные в дорожные сундуки, были сотканы из тончайшей, невесомой и пугающе прозрачной белой ткани. На первый взгляд – храмовая скромность, чистота, благочестие. На второй – издевательство, достойное царицы.

Свободные рукава, струящиеся юбки, умопомрачительно глубокие вырезы и неприлично высокие боковые разрезы, оголяющие бёдра при каждом шаге, – эти платья почти ничего не скрывали. Ткань льнула к телу от малейшего движения, подчёркивала изгибы, ловила свет и становилась ещё прозрачнее там, где приличие требовало хотя бы капли милосердия.

Асгетт посмотрела на одно из платьев, зажатое в пальцах.

Если закон храма Мира предписывал носить закрытые одеяния, то царица, очевидно, решила истолковать это тре-

бование как можно более творчески. Формально ткань присутствовала. Практической пользы от неё не было никакой.

Кажется, она слишком хорошо разгадала затею. Коварная бабка, признававшая только собственные законы, явно рассчитывала, что в таком виде внучка станет главным развлечением дальних коридоров храма. Если её там не пустят по кругу, то точно будут провожать взглядами и мысленно раздевать, хотя царица и без того почти избавила всех от лишней работы.

Одна из служительниц ордена Вита'е Арбрис, сжалилась и даровала несчастной собственный ритуальный плащ с капюшоном – плотный, грубый, грязно-соломенного цвета.

Из всего этого безобразия он стал единственной вещью, которую Асгетт готова была признать пригодной для жизни. Платья же она продолжала перебирать с таким выражением лица, будто Висса прислала не дорожные одеяния, а личное оскорбление, заботливо сложенное в сундуки.

– Поганая бабка! – яростно прошипела Асгетт, отбрасывая в сторону очередную тонкую тряпку.

Белая ткань невинно вспорхнула в воздухе, скользнула по краю ложа и осела на пол почти прозрачным облаком.

– Не поганая бабка, а Асеки... – начал Бог Касарит, развалившийся на диване с видом существа, которому чужой гнев заменял хорошее вино.

Он улыбался во весь рот – широко и совершенно счастливо.

– Я так и сказала! – отрезала Асгетт, даже не повернувшись.

Она ещё несколько мгновений смотрела на содержимое сундука, будто пыталась взглядом поджечь жалкие лоскуты вместе с замыслом царицы, а затем резко перевела глаза на божество.

– Ты можешь её сожрать?

– Могу, – божество заинтересованно приподняло голову.
– Костлявая, правда... Но если очень сильно желаешь...

– Желаю.

Схватив ритуальную маску и накинув на голое тело шёлковый халат, который просвечивал на свету как решето и, разумеется, был белым, Асгетт взглянула в зеркало.

Свободная, струящаяся ткань молочным туманом легла на плечи. Глубокий вырез едва прикрывал грудь, а очертания наготы проступали сквозь шёлк так отчётливо, будто Висса лично позаботилась и об этой мелочи. Даже наброшенный сверху грубый плащ не спасал положение: полы халата при каждом шаге издевательски скользили по телу, заставляя рычать от досады.

Едва она переступила порог, служительницы храма вызвались проводить принцессу до самых дверей и настойчиво, с приторными улыбками принялись зазывать на сегодняшнюю вечернюю молитву. Асгетт отнекивалась всеми правдами и неправдами.

Наконец избавившись от настырных провожатых, она с облегчением выдохнула, твёрдо решив, что просидит в воде до тех пор, пока не покроется чешуёй или не превратится в жабу – лишь бы её больше никто не трогал.

Купальни встретили благословенной прохладой. Огромные чаши из белоснежного мрамора были до краёв наполнены чистейшей водой, над которой поднимался едва заметный пар, пахнувший диким лотосом и мятой.

С тихим стуком опустив маску на бортик, сбросив плащ

и ненавистное просвечивающее одеяние, Асгетт плавно скользнула в воду. Холод сомкнулся вокруг тела мягко и властно, забираясь под кожу. Запрокинув голову, она закрыла глаза и почувствовала, как отступает раздражение, уступая место покою.

Кажется, прошла целая вечность, и вокруг заметно стемнело, когда она решила наконец выбраться – или, скорее, не очень грациозно выползти. Освежающий, резкий запах мяты намертво впитался в кожу и волосы.

Коротко выжав тяжёлые пряди, Асгетт накинула на влажное тело длинный халат и небрежно завязала его узлом на талии. Но едва она, потянувшись за маской, замерла – за спиной неожиданно раздался тихий голос.

– Здравствуй, дитя.

Асгетт резко обернулась.

«Это всё потому, что ты мало молишься, бесстыдница», – ехидно пропел внутренний голос.

Он прозрачно намекал, что отбить колени на нудной ночной молитве сейчас было бы настоящим спасением, а не наказанием.

Высокая фигура в серой мантии стояла и преграждала дверь.

– Что за юное, прекрасное создание? – гостыя стояла на месте, не делая попыток приблизиться. – Интересно, чья же это кровь?

– Лиха лесного, – нагло отрезала Асгетт.

Ей сейчас хотелось бежать, как перепуганной горной козе, оставляя за собой характерный след, но гордость и остатки здравого смысла удержали на месте.

Ну конечно. Тени Первозданных.

Кто же ещё.

Государство Трита никогда прежде не откликалось на зов Хранителей. Эти святые признавали только собственные храмы и обычно по чужим обителям не шлѣлись. Их мало кто видел воочию, зато наслышан был каждый о ходивших в народе слухах: о белоснежной, как мел, коже, словно каждая из этих дев вылеплена из воска; о полупрозрачных, выцветших зрачках, в которых давно остыл любой огонь желанія. Их голоса – хрупкие, шуршащие – напоминали сухой вереск, скользящий по столетней бумаге.

И главное – они умели смотреть на свежую кровь так, будто в тѣмной влаге уже читали выписанный судом приговор: сколько осталось ударов сердца, сколько вдохов, на какую чашу склонится чья-то жизнь.

Пиявки.

У неё на них будто имелась врождённая непереносимость. Она чуть склонила голову, изображая почтение настолько оскорбительно, насколько могла.

Накинув маску безразличия, она чуть вскинула подбородок и заговорила, намеренно растягивая слова:

– Неужто это сами тени? Те, что по собственной воле пришли в здешнее место греха, а нерушимой верой своей до краёв наполнили эту недостойную обитель? Чем же заслужено подобное благословение?

Она сделала паузу, чувствуя, как бешено колотится сердце, и хлёстко добавила:

– Что вы вообще тут делаете? Заблудились?

– Великий Совет обязывает присутствовать всех, – раздался скрипучий голос другой женщины, явно старше первой.

Она медленно, с величавой неторопливостью выступила не пойми откуда, будто тень арки сгустилась и обрела плоть.

Её мантия была чёрной. Высший сан теней – Раа'си Ра'ми.

– Чудо, не иначе, – издевательски протянула Асгетт и всплеснула руками, ничуть не заботясь о том, что халат при этом опасно съехал с плеча и едва не позволил груди лично поприветствовать святых. – Нужно немедленно вписать столь великое событие в золотые трактаты. Помнится, у служительниц Вита'е Арбрис есть целых четыре свободных часа в сутках. К чему им праздный сон? Теперь они могут с пользой потратить ночные часы на молитву, восхваляя поистине знаменательный день.

– Каков нрав, – голос Раа'си Ра'ми проникал в самые потаённые уголки купален. – Неудивительно, ведь невиданный прежде союз, словно боевой клич, течёт в этих жилах. Великие дома так любят бахвалиться своей родословной, но по сравнению с этим густым вином их кровь – лишь подкрашенная, разбавленная вода.

Она медленно приняхалась к замершему воздуху.

– Кисло-сладкий яд, упрямство могучих ветров и, полагаю, сами богини, которые крепко вплели свои хитрые нити в это наследство. Очень опасная смесь. Но это лишь растёкшиеся капли, застывшие внутри гравировок на лезвии. Сам же клинок выкован совсем из иного материала – его основа скрыта в тонком стане.

Женщина сделала плавный шаг и чёрный подол зашуршал по мрамору. Она улыбнулась, едва заметно – не губами, а голосом.

– Основа – в своенравии и мятежном характере. А на дне глаз, что словно омут затягивают, неоспоримым правом повелевать всем, на что упадёт взгляд, таится само дикое огнево, что есть сердцевина. И горит это пламя не маленьким костром, а неукротимым лесным пожаром.

Она склонила голову – медленно, с пугающе безупречной учтивостью.

– Приветствуем. Для нас честь.

На губах Асгетт расцвела острая улыбка.

– А вы проницательнее, чем кажется на первый взгляд, – протянула она, окинув чёрную фигуру медным взглядом. – Неужто в ваших краях ещё осталась истинная сталь, а не только тупое, негодное железо?

Раа’си Ра’ми тихо усмехнулась. В этом звуке не было обиды – лишь признание удара.

– Как ни прискорбно это признавать, очень мало. Оттого

она и столь ценна. Но смею заметить, ваш кузнец куёт непревзойденно.

– Чтобы стать по-настоящему хорошим клинком, наша сталь сама выбирает мастера, что приложится к ней, – ответила Асгетт.

– Сталь воистину превосходна, и не наглядеться, сколько ни любуйся, – продолжала Раа'си Ра'ми.

– Сталь, что не принимает удары, а наносит их первой. Как, впрочем, недурна и наша сталь, что не боится ни сколов, ни сокрушительных ударов. Та самая, первозданная сталь, которую всё ещё можно отыскать среди дрянных клинков.

Асгетт начала в ускоренном порядке воскрешать в памяти все уроки тётки по словесному фехтованию:

– Ваши клинки – это множественность тел при единстве идеи, лишенной творца. Ибо вложена в это оружие лишь одна, пусть и прочная, но бездушная сталь. Словно отражение одного в бесконечности многих, они не имеют ни изящества формы, ни удобства рукояти. Какой клинок ни возьми, он заставит плечо ныть от непослушания, а твердая рукоять оставит лишь кровавые мозоли. Так к чему же девичьей ладони оружие, что не принесёт удовольствия?

В повисшей тишине шорох ткани прозвучал неожиданно резко.

– Девичья ладонь попросту ещё не знала столь грубой силы, – женщина в сером, что до этого безмолвно стояла у двери, начала медленно подходить ближе. – Ей неизвестно, как привыкнуть к тяжести такой стали, ибо это придёт лишь с опытом. А отсутствие драгоценных камней и мягкой кожи на рукояти просто не радует взор, что наверняка привык к «изысканной» красоте.

Принцесса медленно, выдерживая дистанцию, стала обходить массивную мраморную чашу по кругу.

Тихие шаги эхом отражались от каменных стен, пока она старалась оказаться как можно дальше от двух неотступных святых. Девушка искоса поглядывала на воду в купели, подумывая о том, чтобы попросту утопиться – лишь бы избежать продолжения этого разговора.

– Девичья ладонь предпочитает оружие, что ляжет продолжением руки, словно верный союзник, а не мучительным бременем, с которым нужно через силу свыкаться. – лениво парировала Асгетт.

Она небрежно повела плечом, всем своим видом демон-

стрируя смертельную скуку, пока халат предательски прилип к спине, смазывая весь эффект высокомерия.

– Как отратно, что этот мир всё ещё полнится сталью. Уверена, вам уже совсем скоро начнут настойчиво предлагать все эти... изящные, маленькие и тонкие стилеты, что, несомненно, идеально подойдут под столь крохотную девичью руку, радуя её послушанием и лаская ладонь. Даже швы в устье ножен не растянут. Тут явно нужно что-то побольше. – тень Первозданных явно потешалась. – Так утолите же наше любопытство. Какой клинок в союзе с вашей рукой принёс бы вам удовольствие?

– Вы мне начинаете нравиться. Но я не планирую размышлять о подобных союзах ещё десятки лет, ибо с удовольствием моя рука пока вполне неплохо справляется сама. И вам размышлять об этом, право, не стоит. – Асгетт держала удар с самым невозмутимым видом.

Параллельно она лихорадочно пыталась сообразить, что ближе: дверь или окно, в которое можно было бы выйти с минимальным ущербом для достоинства и халата.

Хотя, да боги с ним, с тем халатом. И с достоинством тоже.

Просто выйти. Немедленно.

– Даже наш суровый клинок можно обучить искусству приносить не только боль, но и удовольствие. В тёплой девичьей руке он смог бы стать немного податливее, послушней... – женщина в серых одеяниях шла за ней по кругу, нарочито медленно сокращая дистанцию.

Запутанность увёрток в речах уже пробила свод и уверенно стремилась к небесам. Асгетт остановилась, вздохнула и смирив собеседницу откровенно скептическим взглядом:

– Позвольте поинтересоваться, а за всю историю мироздания хоть один ваш клинок стал немного податливее и послушней в тёплых руках ваших девиц?

– Нет, увы. Девичьих рук-то у нас... почти и не осталось, – притворно вздохнула тень Первозданных, ни на секунду не выходя из образа, – Да и клинки предпочитают рукам лишь девичьи ножны, в которых они твердеют. Но вот в ваших руках... Но ежели пожелаете ощутить эту истинную твёрдость стали, и вы вольны вставить клинок в свои ножны.

– Как бы ножны от удовольствия по швам не пошли.

Асгетт неожиданно для самой себя начала получать извращенное удовольствие от этого странного диалога. Кровь

вскипала в жилах, а паника стремительно растворялась в диком азарте.

– Ножны растянутся, со временем. По размеру того клинка, что в них войдёт. Нужно лишь немного смирения, за ним всегда следует награда. – тень Первозданных произнесла это с таким непроницаемо-благочестивым видом, будто зачитывала выдержку из священного писания.

– Поверю на слово. Ах, госпожа, как умело вы направляете скромные девичьи мысли в сторону греховных помыслов, – Асгетт издевательски приложила ладонь к груди, изображая крайнюю степень смущения. – Как же приятно встретить того, кто способен доставить удовольствие не только своим большим клинком, но и правильно подвешенным языком. Редчайшее умение для обделенных такими талантами краёв. Надеюсь, вы передали этот дар своим потомкам?

Она выдержала паузу, наслаждаясь произведенным эффектом:

–И как же отратно, что великие мастера всё ещё делают поистине подходящие и смиренные для этой стали саркофаги. По размеру. Даже растягивать не придётся, ибо изначально они рождены принимать эти большие клинки во всю их грозную длину. Так пусть же они там и хранятся. Желатель-

но – никогда оттуда не вылезая.

– К чему ей оружие, когда она способна сечь словом. – с хриплым смешком подала голос Раа'си Ра'ми.

– Хоть смирением предки и обделили, благоразумно отдав всё нам, но вот непокорного огня влили с избытком. Спасибо, что уделили нам время, – тихо и с явным удовольствием подытожила тень Первозданных, плавно склонив голову.

– Я бы вам поклонилась, да прошу простить, спина болит после долгой ночной молитвы, – Асгетт наконец дошла до дверей, оборачиваясь к ним в последний раз. – Боюсь, соверши я такой поклон, назад меня не сможет разогнуть ни один великий клинок, даже если он весьма стремительно войдёт в мои ножны. Госпожи.

Маску и плащ, заблаговременно подхваченные, она натягивала прямо на бегу, выпорхнув из купален так стремительно, словно шальная муха, что долго билась о стекло и наконец-то нашла открытые ставни.

«Иди и молись. Сию же секунду». – билась в голове единственная здравая мысль, пока Асгетт неслась по темным коридорам.

И молиться желательно до самого начала Великого совета. Исключительно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Глава 5

«Ах, сколь же беспощаден он – оазис безупречной красоты и бесстрастия. Каждое его слово, нареченное истиной, брошенное с надменным изяществом, – это яд, медленно растворяющий чужую волю. Он возвышается над толпой, облекая презрение в ленивые, тягучие движения чувственных губ. Если уж язык так умел, то на что же способны сильные руки и искусные пальцы, когда они перестанут быть праздными? Глупый ягнёнок выглядит лишь жалкой жертвой в этом храме высокомерия и в игре амбиций. Вот только... не слишком ли уверенно этот "агнец" ступает на алтарь? Что... если за кроткой маской невинной овечки прячется совсем иной зверь? Ведь порой, в момент наивысшей нежности, когда ворс кажется нежнее шёлка, из тишины рождается оскал. А под мягким руном может таиться терпеливый хищник, чьи клыки куда острее любых слов. Слова не предварят этот укус – он просто оборвёт вдох, вскрывая горло там, где ждали ласки.»

Отрезвление пришло вместе с прохладой дальних галерей. Асгетт постепенно замедляла шаг, на ходу затягивая завязки плаща.

Она направилась к молитвенному залу по полутёмным переходам, искусно обходя шумные компании прибывших гостей Храма. Окутанные полумраком помещения кишели фигурами в закрытых личинах. Приезжие сбивались в тесные стайки, чтобы взахлёб сплетничать и делиться первыми впечатлениями от съезда.

Прошмыгнув мимо очередной кучки высокородных дев, Асгетт за эти недолгие секунды услышала столько важных тайн, что едва сдержала едкий смешок под непроницаемой маской. Из шушуканья она во всех подробностях узнала, как выглядят и какие анатомические изъёмы скрывают под полами одеяний молодые наследники запредельных земель; кто из заграничных принцесс слывёт первой красавицей, у какой из них благородная стать давно уступила безжалостному времени, и ещё множество совершенно пустых, глупых мелочей чужого бытия.

«Им бы с теньями Первозданных пообщаться, те им такого понарасказывают», – мысленно хмыкнула Асгетт.

Свернув с главного маршрута, принцесса углубилась в дальний конец храмового комплекса. Здесь, в пыльном сумраке глухих коридоров, не было ни единой живой души, – по крайней мере, так ей казалось.

Она двигалась совершенно бесшумно, лишь сырая ткань халата под плащом едва слышно шуршала, то и дело распахиваясь при каждом шаге.

Из темноты за спиной донеслось:

– Служанка.

В другой ситуации Асгетт бы и ухом не повела, проигнорировав оклик. Но прислуги в этих чертогах отродясь не водилось – это во-первых. Храм находился под присмотром исключительно сестёр Вита'е Арбрис и ордена Хранителей. Ей стало уж очень любопытно, какая ещё, к Бездне, служанка ухитрилась тут нарисоваться. А во-вторых, – почему она чуяка не учуяла?

– За мной, – говор был неприятный, привыкший повелевать.

Крупный мужчина сделал шаг вперёд, уставившись на неё в упор сквозь прорези своей маски. Он явно обращался к принцессе.

Асгетт на всякий случай оглянулась через плечо. «Он что, ослеп?»

– Ты! – незнакомец раздраженно рявкнул, нарушая гробовую тишину коридора. – Видишь здесь кого-то ещё?

Озадаченно проморгавшись, она рассматривала массивную тушу наглеца. В его облике крылось что-то неправильное, и это «что-то» выходило далеко за рамки обычной невоспитанности.

Асгетт в который раз прокляла неумное любопытство – и в очередной раз перед ним капитулировала. Ладно, служанка так служанка. В такие игры она ещё не играла.

Шагнуть в неизвестность оказалось делом пары секунд – идти пришлось недалеко. Когда массивные двери за спиной с глухим стуком захлопнулись на тяжёлый засов, а дорогу назад моментально перегородили двое рослых мужчин, Асгетт даже бровью не повела под маской.

Лишь сухо и ёмко подытожила у себя в голове: «Вот и помолилась».

Глядя на женщину, склонившуюся у ног развалившегося на диване внушительного незнакомца в самом конце тёмного помещения, Асгетт уже мысленно присоединялась к этой неистойой безмолвной исповеди. И делать это она будет до

самого начала Великого Совета, – смиренно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Вот только под этим таинством она подразумевала нечто совсем иное.

В отрезанном от посторонних глаз помещении стоял душливый, тошнотворный смрад. Запах дорогого хмеля мешался здесь с тяжёлыми выпарами пота. На глубоких, обитых тёмной кожей диванах вальяжно расположились гости из чужих земель со скрытыми лицами.

Судя по надменному поведению, Асгетт выпало сомнительное удовольствие созерцать элиту могущественного рода - боги разбери какого государства. Невоспитанные аристократы даже не соизволили представиться. Наплевав на нерушимые каноны, добрая половина этих чужаков уже предалась разврату.

Там же, на низком длинном столе из резного камня, что стоял посередине зала, трое пьяных господ остервенело, со звериным хрипом овладевали какой-то девицей. Та не сопротивлялась, но и удовольствия явно не получала – лишь тихо хныкала под одобрительный гогот собравшихся.

Мужчина на мягкой обивке праздно наблюдал за проис-

ходящим хаосом, пока какая-то шлюха покорно доставляла ему наслаждение, судорожно вцепившись пальцами в его колени. Асгетт кожей ощутила, как из-под тёмной маски на неё, точно на свежее мясо, уставился скучающий взгляд.

Он сделал едва заметный жест.

– Пусть развлечёт нас, – обратился он к подвластному стражу. – Прежние уже поднадоели.

Прикидываться душой Асгетт искренне любила – а может и являлась ею, поди разбери, где кончается притворство и начинается истинная глупость. С дурочек в этом мире спрос меньше. Поэтому она изо всех сил старалась сохранить самообладание.

Этот низкий, скрежещущий голос она узнала сразу. Жнец из Ям. Ей сегодня везло, как никогда в жизни. Осталось только о саму Бездну споткнуться, чтобы завершить этот идеальный день.

Жест ладони, обтянутой чёрной кожей, заставил оболочку марионетки прийти в действие. Тот, кто привёл девушку, подошёл и одним движением расстегнул её плащ – ткань тихо сползла на пол. А в следующий миг он грубо схватил её за горло и швырнул на столешницу. Словно прорезая про-

странство, он тут же навис сверху, прижимая пленницу спиной к холодному камню.

Раздались мерзкие смешки – голодные взоры собравшихся, скрытые под литым металлом, жаждали зрелища.

Что-то эта игра переставала быть забавной. Проклиная в душе себя и бабуку с её прозрачными одеяниями, Асгетт пыталась понять, что ей делать.

Закричать, подобно безумной? Сквозь массивные двери её никто не услышит. Позволить себя опорочить? Ну нет, на такое она не подписывалась. Наплевать на все запреты, поддаться гневу и попросту поджечь тут всё? Была вероятность спалить за компанию половину святилища. Вместе с гостями – со всеми высокородными гостями! – и служителями.

Но когда покрытая жёсткими мозолями ладонь громилы бесцеремонно скользнула под тонкий, струящийся шёлк халата, Асгетт обдало приливом брезгливости. Злость всё же хлынула по венам раскалённой лавой, мгновенно выжигая остатки контроля. Этот первобытный порыв вмиг смел всё лишнее, расплавил сомнения, и в висках запульсировала кристально чистая мысль, грохочущая знакомым, скорым на расправу отцовским голосом:

«Вот видишь, как замечательно! Все померли – и никаких проблем».

И тут же поверх этого гула скользнуло иное предостережение. Остужающее. Отозвавшееся мягким тоном любимого дяди:

«Ты – клинок в бархатных ножнах, девочка. Не хочешь пачкать лезвие – бей плашмя».

Нельзя из-за гнева выпускать то, что таится в ней. Для всех собравшихся здесь у неё припасено кое-что другое. Из её горла, вибрируя от сдерживаемой мощи, вырвался первый напев – тихий, зловещий, балансирующий на грани глухого, утробного рыка.

Слово в слово, как когда-то учила матушка Кула:

Черной реченьки вода

И темна, и глубока

Унесло тебя течение

Далеко от берега...

Громила замер. Песню он не услышал, хоть и звучала она рядом с его мордой. Но хорошо почувствовал. Правда, Асгетт рассчитывала на куда более впечатляющий исход – как минимум на конвульсии или кровавую пену у рта.

Окружающие притихли, отрываясь от своих непотребств. Жнец остался неподвижен, но едва ли теперь испытывал прежний покой. Сила её магии, словно когтями, проскреблась в его черепе. Он явно сообразил, что служанка послала ему ментальный удар.

Воспользовавшись секундной заминкой, Асгетт приподнялась на локтях и резким движением сорвала маску с нападавшего. Белки его глаз полностью затопил густой, маслянисто-чёрный туман, напрочь стирая зрачки. Вот оно что. В чужой плоти уже прочно обосновалась знакомая паскуда – этот жнец в любой бочке затычка.

– Мечта, а не вечер. Всё в точности как отец и пророчил, – прошептала Асгетт.

Пухлые губы дрогнули и растянулись в оскал. Она сня-

ла свою личину, отбросив её на стол, сделала глубокий вдох и запела вновь. Голос набрал чудовищную силу – воздух в комнате зазвенел, наливаясь давящим, осязаемым гулом.

Бездонный яд в её глазах

Лунный сад на сияющей коже

Шепчут губы не уходи

Прильни головой к моей груди...

Освобождённый гипнотический взгляд мгновенно пригвоздил марионетку к месту, окончательно подчиняя тело власти её колдовского взора. Асгетт зарылась пальцами в жёсткие, сальные волосы на затылке воина, ощутив всю тяжесть его покорно склонившейся головы. Она продолжала петь баюкающим полушёпотом, в котором сквозила опасная нежность:

В сладкий сон он уйдет без следа

О супруге забыв навсегда

Холод пальцев ее как лед

Поцелуй искушение и мёд...

Подавшись вперёд, она навалилась на воина всем телом и силой заставила его колени подогнуться. Громила тяжело, словно набитая песком тряпичная кукла, сел на холодные плиты пола, увлекая Асгетт за собой. Эта близость не имела ничего общего с нежностью. Её учили совсем иному искусству: ласкать любой слух сладкими речами, а не дарить ласки телу. Физический контакт был лишь мостом. Настоящая битва развернулась внутри.

Что Асгетт действительно хорошо умела, так это перекраивать чужой разум, наводя там собственный порядок. В глубине пленённого сознания магия жнеца мгновенно ошетинилась в ответ, сопротивляясь вторжению. Две чуждые, несоизмеримые силы столкнулись в безмолвном поединке, но исход был предreshён: в этом разуме мог остаться только один победитель.

Опущенная оболочка окончательно обмякла. Массивное тело с глухим стуком рухнуло на пол, а остекленевший взор уставился в потолок.

В этот же миг по залу прокатилась волна судорог. Порочная зная разом задергалась, хрипя и отчаянно пытаясь вернуть контроль над собой. Каково это – чувствовать, как внутри черепной коробки закипает и плавится собственный мозг, превращая связные мысли, гордыню и воспоминания в серую кашу?

Цина резко мотнул головой. Сука не просто вышвырнула его из тела марионетки, а нагло забила острые раскалённые иглы прямо в его разум. Прошедшая минута казалась целой вечностью, а каждое мгновение отзывалось в висках тяжёлым пульсирующим молотом.

Помутневшим взором он прошелся по залу. Имперская свита и привезенные ими куртизанки, словно разом прибитые обухом по голове, повалились на пол – с диванов, столов и с постов у дверей. Все до единого. По всей видимости, подниматься сегодня они больше не планировали.

Грубым движением Цина оттолкнул обмякшую между его ног шлюху, так и не принесшую никакой пользы. Не спеша запахнув полы одеяния и скрыв обнажённую плоть, он начал

подниматься. Расправились широкие плечи, и могучая фигура, окутанная осязаемыми тёмными волнами поднимающегося гнева, начала стремительно заполнять собой всё пространство.

Но в глазах всё по-прежнему плыло.

«Неплохо сходил в гости к имперцам скуку развеять, — мрачно подумал он. — Тебя разнесли на твоей же территории. Прими поражение».

Только в последнее время его слишком часто щёлкали по носу в его же играх. Терпение, копившееся веками, окончательно иссякло. Плевать на правила. Эту дерзкую служанку он собирался разорвать на куски.

— А ну-ка иди сюда, — угрожающе прорычал Цина.

Асгетт нарочито медленно повернулась к жнецу, попутно скользя взглядом по помещению: сборище бесстыдно раскидалось по полу в самых нелепых позах.

«Пить меньше нужно. Словно неразумные дети, ей-богу»

Её глаза запылали, а на губах блуждала одержимая улыбка. Молниеносным движением она выхватила стилет из но-

жен лежащего на полу воина, легко вскочила на стол и пошла по каменной столешнице навстречу жнецу, размеренно сокращая дистанцию под его почти слепым ликом. Она ещё не закончила песню:

Он всё борется, но тонет в ней...

Она ступала вперёд, глядя сквозь влажные пряди волос. Её взгляд был прикован к его высокой фигуре. Тонкие пальцы медленно, ласково поглаживали шероховатую рукоять оружия.

Переступив через тело голой женщины, бесчувственно растянувшейся на столе, Асгетт раздражённо подумала: «Ну ты посмотри на него... Стоит как каменный, хоть бы пошатнулся!»

Внутренние резервы, увы, были не бесконечны. Нужно было подойти ближе. Ещё ближе. Прикоснуться к нему.

Голос разума кричит

Давай убей...

Плавно, словно змейка, соскользнув со стола, она приблизилась к одурманенному противнику. Упёрлась ладонью в его широкую грудь и со сконцентрированной силой толкнула назад, заставляя опуститься на мягкий диван. Он тяжело дышал, до скрежета сжимая челюсти под маской и отчаянно борясь с волнами наваждения, которое Асгетт непрерывно посылала в его сознание.

Силён, выродок. Внутренне ругая себя за то, что так плохо постигала дар Древа, она понимала: подчинить его не удастся. В этой закалённой боями голове порядок не навести – её явно слишком усердно и долго крушили ещё до её появления на свет.

«Ну ничего, и пустая голова может болеть», – эта мысль заставила ухмыльнуться.

Оседлав жнеца, Асгетт грациозно опустилась и крепко сжала его колени. Нарочито медленно, дразняще, она запустила ладонь под ткань: тонкие пальцы скользнули по шее, огладили тугие канаты вен и оттянули ворот тёмного одеяния, чтобы оголить кожу.

Цина, уже почти покорившийся непреодолимому веле-

нию её колдовства, что сквозь самую кожу овладевало его волей, взвился. В нём боролись ярость и вынужденное наслаждение. Его вело, словно под узду. Пальцы стальной хваткой впились в девичьи бёдра. Он грубо притянул её к себе, лишая малейшей возможности отстраниться. Швы жёстких перчаток безжалостно врезались в её нежную плоть, оставляя горящие красные борозды.

Асгетт лишь скривила губы, чувствуя, как поводок слабеет. Погрузив весь зал в ночной сон, она не могла справиться всего с одним наглецом. Приходилось греть себя мыслью, что жнец делал именно то, что она милостиво ему позволяла. От досады тем временем захотелось вцепиться в его глотку.

А кто, собственно, запрещает?

Песня продолжилась:

Клыки блеснули

И вонзились с болью...

В один миг Асгетт отпустила его волю, и со всей яростью, по-звериному, вгрызлась в шею. Цина утробно зарычал от

неожиданной вспышки боли. Схватив эту дикарку за длинные волосы, он рванул их назад, пытаясь оторвать её от себя, но та присосалась намертво. Казалось, эта безумная планировала сожрать его заживо, упиваясь вкусом крови.

Утолив эту мимолётную жестокость, Асгетт наконец перестала терзать израненную плоть и приставила к горлу жнеца стилет. На её губах остался металлический привкус, а по татуированной шее прижатого к дивану мужчины медленно потекла багровая струйка, исчезая под воротом одеяния. Сталь холодила кожу у самого кадыка, заставляя его замереть и ловить каждое её движение.

Прильнув к уху жнеца, едва касаясь устами мочки, она тихо, ласково и пугающе интимно прошептала последние строки:

Смешался вкус

Страсти с нежной болью

В глухой реке чужих не примет дно

Он станет прахом под зловещей властью

Оставив кости там, где так темно...

Таковы были правила. Песню всегда нужно доводить до конца.

В огромном помещении, где недавно гремел пьяный хохот, висела оглушительная тишина. Они остались вдвоём. Ну и эти — там, на полу.

Асгетт больше не пыталась призывать свою магию — при-
томила. Но жнецу об этом знать вовсе не обязательно. С
него на сегодня хватит, а то ещё чего доброго войдёт во вкус.

Тело под ней содрогнулось. Грудь мужчины загнанно
вздыхалась, пока он сжимал в кулаке намотанные волосы и
по-прежнему придерживал её другой рукой снизу — даже по-
чти бережно.

«Фу, какая дрянь, — Асгетт изо всех сил боролась с иску-
шением сплюнуть на пол. — Говорил же мне отец: не бери в
рот всякую скверну».

Поборов этот позыв и слегка наклонив голову набок, она

посмотрела сверху вниз на тяжело дышащего жнеца в маске и поинтересовалась:

– На ком я сижу, позвольте узнать?

– На наследнике Каменной Долины, госпожа–а... – прошипел Цина с сочащейся издёвкой, разумеется, и близко не признавая за ней этого статуса.

Он без колебаний назвал свой титул, прекрасно понимая: служанка отсюда своими ногами уже не выйдет.

Демонстративно, неохотно Цина убрал забытую ладонь с её задницы. Следом разжал пальцы, выпуская серебряные волосы, но напоследок резко дёрнул руку, вырывая с корнем несколько прядей. Девка даже не пискнула.

Он отчаянно боролся с закипающим гневом. Его тело всё ещё мелко потряхивало, а взор никак не желал фокусироваться. Цина пытался разглядеть её лицо сквозь прорези своей тёмной маски, уставившись в эти медные, хитрые омуты.

Желание убивать рвалось наружу, готовое окутать его чёрным мраком, но ледяная сталь, прижатая к горлу, успокаивающе советовала не дёргаться.

Он мог бы без особого труда перехватить её запястье и выбить оружие. Вот только с подобными фокусами ему ещё не доводилось сталкиваться за все три столетия жизни. И потому оставалось лишь выжидать, чтобы успеть заткнуть рот этой суке до того, как она вновь завоюет свою проклятую песню.

Слишком много сил ушло на битву за оболочку марионетки. А теперь приходилось воевать со своим собственным рассудком, возвращая ему контроль и ясность. На самом дне оскверненного разума едва теплилось чуждое, вязкое влечение к женскому теплу – слепой позыв, словно занесённый извне. Мысли казались истерзанными, будто по ним глубокими бороздами прошелся тяжелый, безжалостный плуг.

– Какая честь, – ядовито протянула Асгетт, ни на толику не отводя лезвие стилета от его горла. – И как же быстро его устами я была вознесена до госпожи. Глядишь, ещё немного тут посижу, и сама дочерью какого-нибудь царя стану.

Она тихо, дразняще рассмеялась, и этот мягкий смех прозвучал в замершем пространстве как откровенная пощёчина.

Асгетт искусно держала лицо, но внутри всё встрепенулось. Осознание того, на ком именно она сейчас восседает, ледяной спицей прошило череп, едва не выдав её внезапную

тревогу.

Наследник Долины.

«Вот же дерьмо!» – мысленно выругалась она, сильнее сжав рукоять стилета, чтобы пальцы не задрожали.

– Не знаю, как насчёт дочери царя, но если вы, госпожа-а, – Цина вновь выплюнул это обращение с показным почтением, – ещё немного поёрзаете на моём члене, то точно в скором времени станете женой преемника Шаха.

Под литой личиной спряталась улыбка, и едва ли она была нежной. Взор его наконец начал проясняться, прогоняя туман, и перед ним предстало поистине интересное зрелище.

Эта бестия была красива. Эдакая запретная реликвия, обитающая в стенах храма. «Знал бы раньше – давно посетил бы эту святыню. Пожалуй, даже уверовал бы. Кому они там вообще молятся? Каким-то богиням? Дайте две».

Его взгляд, жадно и словно вопреки воле ведомый чужим призывом, скользнул по её гибкому стану. Он очертил тонкую талию и замер на высокой груди, почти полностью обнажившейся после их недавнего, отчаянного столкновения

у его шеи. И в этот момент догадка наконец озарила его потрепанный рассудок – на нём сидела вовсе не служанка.

– Ух. Жена самого преемника, – Асгетт коварно сощурила глаза и подалась вперёд.

Она бесстыдно и плотно прижалась к жнецу. Раз уж увязла по уши в болоте и упорно продолжала идти на дно, стесняться было поздно. А терять уже нечего.

– Какие же чудеса ваше естество умеет творить. Однако дозволено ли будет узнать: пробудилось ли в будущем властителе Каменной Долины что-то столь же выдающееся, как и его пресловутое, подобное камню достоинство?

А размеры противника действительно поражали.

– Точно не каменное терпение, – ответил Цина, и его низкий голос завибрировал, – всякое видел, но чтобы столь прекрасная девица скрывала такое изящество под маской – впервые. Все служанки тут настолько хороши?

– Сходи ещё полови, – предложила Асгетт, наклонившись ближе к его непроницаемому лику, ничуть не заботясь о халате, уже сползшем на манер юбки. – Доселе не доводилось созерцать, чтобы высокородный наследник трусливо скры-

вался в чужом теле. По красивому личику выбирал, потому что твоё красоты никогда не знало, жнец?

Приговор она подписала себе ещё в тот момент, когда вошла в эти двери, так что теперь можно со спокойной совестью развлекаться.

– Такними мою маску, девочка, взгляни. Может, тебе и это, далёкое от прекрасного лицо понравится? – он завёл ладонь между лезвием и своим горлом.

«Уже оценила, премного благодарна», — мысленно фыркнула Асгетт, с огромным трудом подавив желание закатить глаза. Этот напыщенный индюк даже не подозревал, что свою квоту на созерцание его физиономии она уже исчерпала в трущобах.

Цина медленно отводил сталь в сторону. Его логика была проста и, как ему казалось, безупречна. Если бы эта девчонка действительно могла, она бы уже давно выжгла ему мозг или отделила его голову от плеч. Но она медлила. Значит, - попросту не могла. Это приятное открытие невольно разожгло в нём тёмное, порочное желание проверить пределы её внезапной беспомощности.

Можно было бы попробовать овладеть ей тенями, пода-

вив волю и превратив в послушную куклу, но это лишало процесс всякой улады. Цина предпочитал, чтобы жертва оставалась в ясном уме, чувствовала каждый оттенок страха, каждую каплю боли и отчётливо помнила, кто именно был в ней. Физически он превосходил её в разы, а ломать чужое сопротивление по старинке, вручную, всегда было его излюбленной забавой.

Вторая ладонь скользнула выше, нагло и уверенно исследуя каждый изгиб её тела. Пальцы по-хозяйски сомкнулись на груди, сильно сжимая её обнажённое, податливое тепло. Бёдра чуть приподнялись, намеренно, и он сильнее толкнулся навстречу, заставляя кожей почувствовать, как сильно она на него действует.

– К чему же калечить будущего Шаха, милая, если мы можем подарить друг другу наслаждение? – вкрадчиво прошептал он.

– О, поверьте, господи-ин, – процедила сквозь зубы Асгетт, напрягая руку, которая сжимала стилет. – Вам уже более чем достаточно.

Лишь коротко усмехнувшись, Цина перехватил свободную руку Асгетт, что всё это время упиралась ему в грудь, и зафиксировал в стальной замок. Не оставляя девочке ни

единого шанса на сопротивление, он силой принудил её ладонь опуститься вниз и прикоснуться к плотной ткани, которая опасно натянулась от бешеного желания.

– Разве может плоть того, кому достаточно, быть такой твёрдой? – за маской Цины расцвела ухмылка.

Не дожидаясь ответа, он вырвал оружие и швырнул его прочь. Железо в отместку скользнуло по шву перчатки, прорезав кожу и оставив на ней тонкую алую линию.

– Поосторожнее, великий Шах, не стоит кусать то, что не сможешь проглотить, – голос Асгетт стал ниже, почти бархатным, – Потом сплёвывать придётся.

Она попыталась высвободить перехваченное запястье, но куда уж там.

Кисть, заключённая в его волчьей хватке, сжалась вокруг пульсирующего средоточия с такой отчаянной яростью, будто она действительно хотела оставить в его памяти самые незабываемые ощущения.

Оставила. Жнец издал низкий, протяжный стон, от которого по её спине медленно прокатилась волна холодных мурашек. Этот звук был настолько сытым, порочным и откоро-

венным, что Асгетт едва удержала бесстрастную мину, хотя внутри всё перевернулось.

«Он совсем одуревший», – мелькнуло у неё в мыслях. Её дар, по всей видимости, по своему усмотрению подействовал на этого змея, и теперь у неё решительно всё шло как-то не так.

– Как бы тебе не пришлось сплёвывать, девочка, – хрипло пообещал Цина.

Он быстро, словно терпения больше не осталось, откинул маску в сторону и тут же впился в её губы. Зубы с силой ударились друг о друга, а дыхание смешалось в рваном, судорожном ритме, став общим.

Обычно он брезговал прикасаться к чужим устам, но сейчас желание оказалось сильнее привычки. Цина жёстко направлял девичью руку, полностью подчинив её движения. Он заставлял ласкать и удерживать себя через ткань, одновременно сминая её губы и зарываясь ладонью в волосы, пока она отчаянно пыталась отстраниться, упираясь свободной рукой в его грудь.

Острая боль расцвела во рту, мгновенно наполнив его солоноватой жидкостью. Цина отпрянул, сильнее сжимая де-

вичье запястье на своей плоти.

Эта дикарка прикусила ему язык.

Тёмные капли стекали по его волевому подбородку, оставляя неровные полосы. Выдержав паузу, она плавно провела ноготком по его нижней губе, собирая багровую росу.

«Даже жалко несчастного, – мелькнула мысль. – Видимо, ему настолько редко греют постель, что бедняга совсем потерял голову от моего скромного дара. Никакой выдержки».

– Вот так сплёвывать, господин? Или... всё же лучше глотать? – склонив голову к плечу, совершенно невинно поинтересовалась Асгетт, похлопав длинными ресницами.

Вместо ожидаемой вспышки ярости последовало нечто куда более некомфортное. Цина перехватил её кисть так крепко, что хрустнули суставы. Не разрывая зрительного контакта, он медленно провёл кровоточащим языком по перепачканной подушечке её пальца. Эта почти греховная нежность, с которой он смаковал собственную кровь, ясно давала понять: пугать его болью было так же бессмысленно, как пытаться утопить рыбу.

Цину эти попытки борьбы возбуждали. Любая другая на

её месте уже давно корчилась бы на полу со свёрнутой шеей. Но эта... эта так легко не отделается. Смерть в её случае стала бы актом величайшего милосердия, а жнецы милосердием отродясь не страдали.

Он насильно перехватил оба тонких запястья одной широкой ладонью, намертво сжимая их.

— Глотай, — его низкий голос вибрировал, а коварная улыбка обнажила ряд ровных, испачканных кровью белоснежных зубов.

По скромному мнению Асгетт, там всё ещё катастрофически не хватало клыков. Но даже без них картина служила идеальной иллюстрацией того, что прелюдия окончена и начались настоящие проблемы.

Он вновь подался к её устам, и в этом поцелуе больше не было пощады. Язык проникал глубже, настойчивее, заполняя её рот вязкой влагой. Прервавшись лишь на краткий миг, Цина зубами рванул жёсткую перчатку, и нагло, с размаху, ударил ладонью по её округлым ягодицам, заставив девочку вздрогнуть от такой вопиющей, но весьма бодрящей фамильярности.

Она укусила вновь, остервенело, с явным намерением на-

нести увечья. Однако Цина и не думал играть в благородство. Он укусил в ответ – резко сомкнув челюсти до влажного треска порванной кожи, намеренно смакуя вкус её крови на своих губах.

«Вот же тварь», – с искренней ненавистью подумала Асгетт.

– Мне сломать тебе пару рёбер, чтобы ты стала покладистее? – в тон ей, совсем невинно поинтересовался Цина, продолжив исследовать её рот.

Шёлк жалобно зашуршал, когда он проник под ткань. Проведя ледяной рукой по вспыхнувшей от удара коже, он скользнул ниже, под самые бёдра. Цина сжал их с такой жестокостью, что на теле моментально начали наливаться лиловые синяки, до боли оттягивая плоть.

Злобное шипение девицы стало для него лучшей наградой: он стремительно добрался до лона и, словно клеймя её, с нажимом принялся вычерчивать круги на самом нежном месте, превращая её уязвимость в изощренную пытку.

Асгетт мысленно составила целый список того, кем он является и какие части тела она ему оторвёт. Она до белых костяшек сжимала кулаки, запертые в его хватке, и изо всех

сил упиралась в его твёрдый живот. С тихим, задушенным стоном она тщетно попыталась приподняться, стремясь спасти сокровенное от наглых действий. Ублюдок лез туда, где его совершенно не ждали.

И вот теперь по её венам хлынуло настоящее, первобытное огнево.

С трудом заставив себя разорвать поцелуй, Цина оставил её влажные, измазанные кровью губы и прильнул к набухшему соску. Жадно вбирая плоть под отборные ругательства, он прикусывал и терзал её, пока в нос ударял дурманящий аромат мяты, исходящий от девичьей кожи. Отпустив грудь, он повел языком по шее, к подбородку.

– Какая ты стала горячая... Нравится? –

насмешливо выдохнул он и вновь вцепился в её губы, полностью игнорируя полыхающие гневом глаза и готовое сорваться с языка новое оскорбление.

«Нравится, прям пылаю. Буквально, – думала Асгетт, примеряясь, какую его часть тела поджечь. Руки опасно нагребались. – Интересно, а в Каменной Долине водятся евнухи? Или этот станет первым?»

Словно из-под дивана выползла тёмная фигура в мантии

ордена Хранителей и беззвучно возникла за спиной жнеца.

Длинная, неестественно гибкая рука, будто отдельное живое существо, медленно скользнула по его плечу. Чужеродное движение на теле заставило Цину выругаться про себя и отпрянуть от девицы, обрывая этот насильственный поцелуй.

– Вот это вы разошлись, детки, – раздался сзади совсем недобрый мужской голос.

Цина хотел развернуться, но незнакомец позади него действовал на опережение. Сильный захват молниеносно сомкнулся на его горле, а локтевой сгиб, словно стальной хомут, вдавился в кадык, наглухо перекрывая доступ к воздуху.

– Советую не двигаться, щенок, – голос за спиной тихо прошептал прямо в ухо. – Я сегодня очень злой...

– О, я вполне сама справлялась, – Асгетт ухмыльнулась.

– О, я заметил. Чего ж меня не позвала? Мне, может, тоже хотелось? – поинтересовалось божество, с откровенным весельем оценивая из-под капюшона всё это безобразие.

– На этих коленях больше нет свободного места, – уточ-

нила она, глядя на дорогого друга и позволила себе расслабиться.

Мысль о том, что ей не придётся потом выслушивать вершение родни из-за спаленного дотла храма, очень грела душу принцессе.

– Тоже мне проблема. Я сзади пристроюсь. – божество провело длинным языком по щеке пленника, заставив того дёрнуться и напрочь позабыть о недавнем возбуждении. – Сзади жнеца, разумеется.

Окинув взором валяющиеся на каменных плитах тела, божество резюмировало:

– На безрыбье и рак рыба.

Явно выбрав клинком в глаз и признавая полную капитуляцию, Цина медленно разжал пальцы, освобождая запястья девицы, и послушно приподнял ладони. Его взгляд оставался прикован к девушке.

– Оставь, – спокойно произнесла Асгетт, плавно слезая со жнеца и возвращая ему его же недавние слова: – К чему калечить будущего Шаха, если мы уже доставили друг другу столько наслаждения?

Соскочив с него на пол, она по-дружески хлопнула наследника Долины по колену, словно между ними только что произошла обычная, вполне приятная встреча.

– Хорошего вечера, господи-ин. – за улыбкой сверкнули клыки – Думаю, мы сможем благоразумно забыть это маленькое недоразумение и впредь не доставлять друг другу лишних проблем?

Она игриво подмигнула мужчине, небрежно накинула висящий на поясе халат на плечи и, развернувшись, направилась к выходу, позабыв о плаще служительницы. На нём мирно спал тот, кто привёл её в это прекрасное место.

Бог Касарит отпустил жнеца, и пока тот пытался вспомнить как дышать, с лёгкой грацией перелез через спинку дивана и, спустившись на пол, будто ничего не произошло, неторопливо двинулся следом за Асгетт.

Цина откинулся назад, обессиленный, но, невзирая на неудачу, с явным удовлетворением на лице. Хранитель храма Мира явился очень некстати и девчонке несказанно повезло. А над ним нависли очень большие проблемы.

Узнай дед, который прибудет поутру, что его внук тут де-

лал, – и на Цину обрушится кара. Не за деяния – за то, что не сумел скрыть следы без лишней огласки. Но девице удалось по-настоящему его заинтересовать и оттеснить вглубь тревоги о последствиях. А в этом мире мало что могло вызывать у него подобное чувство.

Цина хрипло проговорил, не отрывая взгляда от уходящих спин:

– Скажешь своё имя и род?

– Ты у всякой служанки имя спрашиваешь, жнец? – спросила Асгетт у самой двери, обернувшись на прощание.

– Только у тех, кого жажду наблюдать со спины, пока буду вжимать в постель, – голос Цины звучал низко и надтреснуто.

Он едва заметно наклонил голову, принюхиваясь к тяжёлому воздуху.

Атмосфера в зале стала настолько плотной, что дышать сделалось практически невозможным. И дело было далеко не в порочном удовольствии от удушья.

Божество в мантии Хранителя, застывшее рядом со своей

любимицей, не сдвинулось с места. Но его вывод по этому поводу превратился в силу, что наотмашь хлынула в помещение, принося с собой невидимые утопленные души из касаритовых рек.

Щенка сейчас хотелось долго и упорно бить лицом об камень пола. До последнего удара сердца. А после – упокоить в чёрной ядовитой воде.

Не обращая внимания на привычную тягостную ауру Бога, Асгетт, привыкшая оставлять последнее слово за собой, смолчать не смогла. Слабости выходцев Каменной Долины знала каждая собака – их непримиримую ненависть ко всем грязнокровкам и дикарям.

Она заглянула в его горящие красные глаза и, искусно пародируя бабкин тон, произнесла:

– Прошу простить, господи-ин. Но у павирских женщин нет ни имени, ни рода, – и тут же отвесила поклон такой глубины и почтения, какого от неё не достаивался ещё ни один живущий.

Едва разогнувшись после болезненного спазма, стянувшего спину, Асгетт бросила на мучителя последний взгляд. Она не отказала себе в удовольствии сполна насладиться тем, как

будущего Шаха – искренне мнившего себя абсолютной вершиной пищевой цепи – брезгливо передёрнуло. Его губы скривились от чистейшего, неконтролируемого отвращения.

Развернувшись, она с лязгом отодвинула тяжёлый засов и выскользнула навстречу спасительной прохладе пустых коридоров, стремительно меряя их широкими, совсем не аристократичными шагами. На ходу вытирая кровь с подбородка оторванным лоскутом шёлка, Асгетт отчаянно молилась богам. На всякий случай всем сразу: и ныне здравствующим, и давно почившим, и даже тем, чьи имена приличным девушкам знать не полагалось. Лишь бы остаток этой бесконечной ночи обошёлся без новых, ещё более грандиозных катастроф.

– Ты где вообще шлялся, друг мой дорогой? И откуда, позволь спросить, эта мантия? – с неподдельным любопытством спросила Асгетт, смерив взглядом балахон, который явно был снят с чьего-то плеча.

– Вел душеспасительные беседы с главой ордена, – благочестиво возвёл очи горе Касарит. – Кто ж мог предположить, что ты даже в обители праведников найдешь кому отгрызть язык? А мантию я одолжил, деточка. Исключительно для того, чтобы спасти твою бесценную задницу от лишних вопросов.

Он придвинулся ближе, заговорщически понизив голос:

– Лучше поведай главное: как он тебе? Хорошо постарался?

Из-под накинутаго капюшона на неё косился наглый, лучащийся любопытством взор, словно владыка загробных рек внезапно решил переквалифицироваться в деревенскую ку-мушку.

О чём именно бессмертный мило шептался с хранителем, принцессу волновало меньше всего. Наверняка опять о туманных возможностях божеств обрести полноценную плоть. Сил на светские беседы у неё совсем не осталось, равно как и малейшего желания обсуждать свои сомнительные успехи на весьма специфическом любовном поприще.

– Иди в бездну, – огрызнулась Асгетт.

Пьянящее послевкусие от недавнего триумфа над чужим эго стремительно выветривалось, оставляя после себя лишь липкое, почти осязаемое раздражение. И, что злило Асгетт сильнее всего, её собственное тело оказалось отвратительным предателем. Оно с маниакальной точностью хранило фантомные следы каждого грубого прикосновения и каждо-

го обжигающего вздоха жнеца – всё то, что разум сейчас отчаянно, но безуспешно пытался выжечь каленым железом.

«Вот какие у нас теперь пристрастия, ваше высочество? – внутренний голос ехидно отозвался, смакуя каждое слово. – Не от того ли это, что в нежном возрасте ты слишком часто падала с деревьев головой вниз?»

– Вот только в Бездне меня ещё не было, – весело хмыкнул Касарит, ничуть не уязвлённый её грубостью. Кажется, откровенное хамство он воспринимал как приглашение к беседе. – Ты мне другое скажи: чего это он сидел аки блаженный? Ты ему мозги одурманила, или он просто от твоих манер так впечатлился?

– Так случайно получилось, – процедила Асгетт, чувствуя, как голос начинает срываться на рык.

– Ну, раз уж ты так удобно на него уселась, надо было сразу и понести от него, – выдало божество совершенно будничным тоном, словно они обсуждали виды на урожай брюквы.

Девушка вкопалась в пол так внезапно, что шедший по пятам бог с размаху впечатался ей меж лопаток и удивленно крикнул. Медленно, словно ожившая статуя мщения, принцесса развернулась к своему не в меру болтливому попутчи-

ку.

– Эта ледяная, паршивая кровь... – процедила Асгетт, и в её голосе явственно послышался скрежет стали, прозрачно намекая, что сама идея подобной селекции вызывает у неё желание кого-нибудь расчленить.

– Как в сухую землю зайдёт, – совершенно бесцеремонно и жизнеутверждающе перебил Касарит, откровенно упинаясь её перекошенной от возмущения физиономией.

Смерив нахальную речную пиявку тяжёлым взглядом, в котором читалось детальное расписание грядущих казней, Асгетт молча двинулась дальше по стылому коридору, чекая шаг с такой яростью, будто вознамерилась проломить каменные плиты.

Единственное, чего она действительно сейчас страстно желала, – оказаться за надёжно запертыми дверями купальни. Побыстрее смыть с себя чужие запахи, липкие ощущения прошедших часов и забыться во сне до самого рассвета. Завтра она нацепит улыбку, стойко пересидит этот Великий Совет и навсегда замурует в самых дальних уголках разума любые воспоминания об этом ползучем гаде.

Стремительно идя к своим покоям, Асгетт вбивала это в

собственную голову, удар за ударом, словно толстый гвоздь
тяжелым кузнечным молотом.

Глава 6

Цина так и не смог сомкнуть глаз. Оставив имперскую свиту отдыхать в глубоком, хотя и принудительном обмороке, он без тени внутренних терзаний покинул зал. Наследник Долины вернулся в свои покои, искренне рассчитывая на заслуженный отдых. Местные Хранители почему-то не спешили выламывать ему дверь за нарушение священных правил, но сон не шёл вовсе не из-за трепета перед орденом. Плевать он хотел на их правила и грядущие разбирательства. Истинная причина крылась в голове: медленно и неотвратимо нарастала раскалывающая череп боль. Наглядное доказательство того, что игры с разумом той павирской девки не прошли для него даром.

К утру, когда в храм прибыл его Шах, Цина находился уже на грани. Следуя за дедом в зал Великого Совета, наследник едва сдерживал глухой рык. Он был готов убить первого встречного просто за то, что тот слишком громко дышал - настолько невыносимым стал этот мерзкий, пульсирующий шум, прочно обосновавшийся внутри. Но худшее было впереди: этот внутренний гул превратился в настоящую пытку, стоило им наконец переступить порог зала заседаний, где собрался весь цвет этого раздражающего мира.

Чертог, которому сегодня предстояло принять Великий Совет, поражал своим масштабом. Под его вековыми сводами без труда могло бы укрыться население целого города. Вдоль массивных стен тянулись ряды резных кресел, предназначенных для многочисленной свиты тех великих домов, что стояли во главе государств и княжеств.

В самом сердце этого колоссального пространства покоился монолитный стол невообразимых размеров, изогнутый безупречной дугой с одним лишь узким проходом. А прямо в центре этого рукотворного кольца возносились кверху каменные ступени. На них уже замерли Хранители храма Мира, которым сегодня предстояло стать живым воплощением беспристрастного разума, призванного умирять чужую гордыню.

За столом постепенно собирались венценосные особы: цари и их вассальные князья, наследники и советники. Здесь концентрировалась сила, готовая расколоть мир, – те, кому суждено было обвинять, и те, кому предстояло защищаться.

Империя, обуемая гордыней и не желавшая дожидаться официального начала Совета, с вызовом бросила на каменную твердь целый перечень требований к Павире. И точно такой же бескомпромиссный список лег перед послами Три-

ты.

Теперь два толстых свитка безмолвно покоились на гладком камне. Никто из присутствующих даже не помышлял сорвать с них сургучные печати: все искренне боялись удушиться в бескрайнем полотне имперских претензий.

Единственным соседом этих зловещих документов было оружие – фамильные клинки, кинжалы и ятаганы, которые по незыблемому уставу храма грозным стальным рядом выстроились перед своими хозяевами. Правители лично отвечали за покорность приближенных. Каждый из них был обязан проследить, чтобы его свита безропотно рассталась со сталью. Ведь если в этих священных стенах прольется хотя бы капля крови, кара падет на головы самих властителей. В ту же секунду Хранители перестанут быть милосердным голосом разума, обратившись в безжалостных судей.

Все представители великих домов предстали перед Советом без доспехов. Под простыми тканями плащей скрывались изысканные наряды, а под ритуальными масками – лица, искаженные потаенной злостью и благородной скукой. Ни сакральный закон, ни закрытые одеяния не могли сдержать лавину взаимной ненависти. Словно дворовые псы, извечные враги безошибочно находили друг друга по одному лишь запаху.

Пока половина имперской свиты, едва воскресшая поутру после ночного забытья и тщетно пытающаяся вспомнить хоть что-то, с яростным упорством изрыгала витиеватые оскорбления и пустую браваду, Трита демонстрировала поистине святую непоколебимость. Посланники Триты хладнокровно, размеренно и, уже в сотый раз, в малейших подробностях разъясняли оппонентам, куда именно и с какой скоростью им надлежит отправиться.

И лишь немногочисленная свита Павиры, состоящая всего из трёх безмолвных фигур, замерла в абсолютной неподвижности. Окутанные гробовым молчанием, они терпеливо ждали, когда фарс уступит место истинному началу.

Затянувшееся безмолвие павирской троицы Цина списывал на первобытную дикость: эти животные, очевидно, попросту не владели всеобщим наречием.

Цина сидел, презрительно щурясь на беснующегося соседа. Вот бы Империя наконец сподобилась познать этот поистине великий дар – помалкивать. Внутри головы словно начали ворочаться валуны, с каждым чужим криком набирая скорость. Стараясь не делать лишних движений и изо всех сил сдерживая рвущийся наружу нервный тик, он из-под прикрытия маски наблюдал за собственным Шахом. Равель,

вносил в эту симфонию пыток свой неповторимый вклад – невыносимо раздражающе барабанил пальцами по столешнице.

Ненавидел. До кровавой пелены в глазах ненавидел всю эту пададь из Павиры и Триты с их грязной, плебейской кровью – отбросы, с которыми ему сегодня придется делить один стол.

Ненавидел этот Храм, куда ступил впервые в жизни, с его молитвами и ложными божествами, перед которыми его заставили склонить голову при входе, и перед которыми наверняка заставят преклонить голову при выходе. Ненавидел Империю с её глупыми, недалёковидными решениями – ведь именно из-за них они все оказались в этом месте.

Но истинным источником его желчи была одна шлюха. Та, вожделением к которой он вчера был пьян. «Невинность» оказалась дрянью высшей пробы. И осознание того, что эта девка обвела его вокруг пальца, жгло изнутри куда сильнее, чем все унижения перед местными идолами.

Её среди павирской свиты не оказалось. Цина тщетно силился изгнать воспоминания ушедшей ночи, но те настырно лились в помутившийся разум. Наваждение наконец-то развеялось. Теперь гадину хотелось исключительно прирезать,

и больше совершенно не хотелось поиметь. Она испачкала собой и своим происхождением его самолюбие. Как подобная диковина, наделенная столь сильным даром, умудрилась уродиться среди безродных дворняг, его не заботило – видимо, раз в столетие и сухая палка цветёт.

Он просто ждал, изо всех сил цепляясь за остатки самообладания. Оно должно было стать его броней — надёжной защитой от собственной импульсивности и непреодолимого порыва выхватить клинок, едва эта павирская тварь переступит порог. Желание пригвоздить её к полу и распять заживо пульсировало в висках в такт нарастающей мигрени. А мысль о том, чтобы щедро осквернить священную обитель, манила его, заставляя пальцы судорожно сжиматься в кулаки. Храмы ведь изначально и строили для того, чтобы приносить в них жертвы.

Цина протяжно, болезненно застонал, откинув голову на жесткую спинку кресла и зажмурил глаза.

– Что с тобой, мальчик? – дед наклонил к нему голову, и сквозь прорези его маски блеснули алые глаза.

– Все в порядке, мой Шах, – Цина с трудом разжал кулаки, пальцы которых уже онемели и болели от напряжения.

– Сейчас все присутствующие здесь равны, нравится нам это или нет. Усмири себя, – дед говорил едва слышно, но его тихий голос казался древним, точно сам камень этих стен.

Правящий Шах выказывал относительную снисходительность к чужой крови. Он не сомневался в собственном величии, считая себя выше всего сущего и когда-либо жившего, однако не опускался до того, чтобы предаваться долгим размышлениям о чьём-то там происхождении.

Ему было плевать. И это высокомерное безучастие доводило Цину до бешенства. Будь он на месте Равеля, с его силой и прожитыми веками, давно бы уничтожил всю мерзость, что обитает вокруг.

– Они никогда нам не станут равны, – губы под его маской скривились, когда мысли невольно сорвались вслух.

Шах вцепился в запястье внука, заставив того поморщиться. Тон главы рода был полон горького разочарования и скрытой угрозы, обещающей серьезные неприятности.

– Молчать. Забылся, мальчишка? Или страх потерял? Придётся напомнить: ты не дома.

Цине хотелось зарваться, оскалиться. Только вот показы-

вать зубы деду могло стоять этих самых зубов. Иерархия была неоспоримой. Когда преемник станет Шахом, его потомство будет так же склоняться и подставлять загривок для заслуженной трёпки.

– Я вас понял, мой Шах, – Цина вынужденно наклонил голову.

Старик выпустил его руку. Неторопливо откинувшись на спинку кресла, правитель Долины добавил ледяным тоном:

– Блуд с имперскими девками накануне помолвки с принцессой – глупый просчёт. Оставь свои мысли о шлюхах, хотя бы пока мы не закрепим этот союз или не разорвем его. Я достаточно ясно выразился?

Цина покорно кивнул. И правда. Хватит думать о шлюхах.

– Начинаем, – голос одного из Хранителей прогремел по залу. – Всем занять свои места.

Ругань наконец утихла, и свита послушно заняла кресла вдоль стен. За столом переговоров установился порядок: по восемь мест было выделено для делегации каждого государства – строгий, веками не менявшийся регламент.

Все, кто должен был сегодня воссесть здесь, встали в полный рост. В зале воцарилась тишина.

Собравшиеся замерли, ожидая заветного слова Хранителей, позволяющего снять маски – не перед лицом врагов или союзников, ведь их имена и истинные лица предназначались исключительно богам, незримо взиравшим на них из темноты под куполом.

Прошла минута. Пять. Десять. Тишину начал пререзать недовольный ропот, глухо доносившийся из-под масок.

На местах, где полагалось стоять представителям Триты, не хватало двоих. Делегация Павиры и вовсе отсутствовала в полном составе – лишь их безмолвная свита спокойно восседала в дальнем конце чертога, не шевелясь.

В огромном помещении начала стремительно повышаться температура – ярость сотен мужчин физически раскаляла воздух. Делегации великих домов закипали от бешенства из-за наглого отсутствия тех, кто должен был представлять обвиняемые государства.

И пока в зале проклинали их души, сама Асгетт шла следом за только что прибывшей матушкой, разглядывая её спину. Ей отчаянно хотелось обогнать женщину, которая вне-

запно стала невыносимо медлительной.

– Нас наверняка уже ожидают, – тонко намекая на необходимость ускориться, выговорила она.

Кула развернулась и одним плавным, быстрым движением поймала подбородок принцессы, заставив её поднять голову.

– Привыкай, Иблис бен Касарит. Та, кто рождена править, всегда приходит последней. Чужое ожидание – не твоя забота.

Лик Кулы был лишён возраста и живых эмоций. Под её золотыми глазами залегли темные тени ритуальных отметин, а на лице застыло жуткое и одновременно изящное украшение – острые наросты, напоминающие тонкие ребра и лапы насекомых, выходили будто из скулы и виска, оплетая ухо.

Её шея была заключена в воротник из переплетенных костей и окаменевших сухожилий. Это ожерелье словно прорастало сквозь плоть, заменяя собой кожу. Волосы – прямые, мертвенно-белого цвета – были зачесаны назад и удерживались тонким, едва заметным обручем.

– Они не моя паства, матушка, – тихо ответила Асгетт.

Она невольно залюбовалась этой дикой девой. Платье Кулы было изрезано на длинные лоскуты и при каждом шаге ткань наглядно являла окружающим, чем женщина отличается от мужчины.

Кула никогда не стеснялась наготы. Напротив, в гробу она видала все приличия, предпочитая при любой возможности сбрасывать одеяния и нагишом бегать по лесам. Так было куда удобнее охотиться.

Матушка отпустила лицо Асгетт, на котором красовалась тонкая металлическая нить, пересекающая переносицу. Все эти украшения – строгие традиции Катрата. Подобные цепи символизировали связь с предками и покорность законам крови.

– К счастью, – сказала Кула, считавшая, что выше дочерей Иблиса только небосвод. – Тебе такие паршивые овцы в

стаде не сдались.

Обхватив ладонь дочери, она повела её за собой. Проявилась почти кошачья нежность: на ходу матушка мягко ласкала её пальцы, украшенные массивными золотыми кольцами. Те переходили в длинные изогнутые металлические когти, плотно облегавшие фаланги.

Они вышли в широкий коридор, ведущий к массивным дверям зала, где вот-вот должен был начаться Великий Совет. Здесь их уже поджидали с белоснежными плащами и золотыми масками. Венец явно не намеревался следовать общим правилам и надевать такие же обрядовые атрибуты, как и все остальные. В честь чего это?

Накидки держали те, кого царица Висса отправила для поддержки Павиры: тётушка Артра и её старший брат Миракс, приходившийся Асгетт родным дядей. Лучше этой парочки на дипломатическом поприще говорила разве что сталь.

Что же до Кулы... Асгетт не сомневалась: та шла на Совет лишь ради одного сценария. Если переговоры зайдут в тупик, она просто превратит этот зал в пиршество и сожрёт всех до единого.

– Милая, а чего-то более... скромного не нашлось? – Артра недовольно оглядела платье племянницы, задержав взгляд на змее, обвивавшей её талию.

– Это твоя мать выбирала, – Асгетт изящно покружилась, заставив цепи на запястьях тихо звякнуть, демонстрируя все прелести наряда.

Платье было сшито из лёгкой ткани – безупречного, чистого белого оттенка. Вырез на груди переходил в плавные драпировки, подчёркивая хрупкость плеч и шеи. Высокий разрез, берущий начало от самой талии, при каждом шаге дразняще уходил вниз, оголяя бедро. И всё же этот наряд, по сравнению со сквозящими лоскутами Кулы, выглядел почти целомудренно. Матушка успела просветить её - подобный фасон был привычным делом для женщин Павиры. Что ж, с устоями приходилось мириться – даже если эти самые устои держались буквально на паре булавок и добром слове.

– Прекрасное платье, – мгновенно подвела к итогу Артра,

покосившись на брата из-под золочёной маски. Сомневаться во вкусе царицы, который почему-то внезапно стал извращённым, она не посмела. По крайней мере, вслух.

– И правда, замечательное, – тактично подтвердил дядя Миракс. Он мысленно порадовался, что маска скрывает его изумленно взлетевшую к самой линии волос бровь. – Ма-тушка, как всегда, удивляет своим поистине царским вкусом.

У дверей замер сам владыка Павиры в окружении советников, с ног до головы закутанных в такие же белёсые одеяния. Но по-настоящему Асгетт удивило другое: прямо за ними неподвижно высились две тени Первозданных. На фоне светлой толпы они в своих чёрно-серых мантиях казались провалами в пустоту.

– А эти две что тут забыли? – Асгетт шагнула ближе к тётушке, едва слышно прошептав.

– Сегодня мы все на одной стороне, – тихо проговорила Артра. – На стороне тех, кого будут обвинять. И потому войдём вместе. Надевайте накидки.

Взглянув на теней Первозданных, Артра поджала губы. Они с братом уже успели поговорить со святыми. Те впи-

лись, словно сомнения в душу. Разговор удовольствия не доставил, слишком уж хитры и назойливы были эти женщины.

Но идея выступить единым фронтом была здоровой. Столь дотошный и упрямый альянс гарантированно вымотает Совет, заставив всех присутствующих свернуть обсуждение как можно быстрее.

Сама же она изо всех сил старалась не выдавать тревогу, которую поселили в её разуме эти святые.

– Какая приятная компания сопровождает нас под ликами Богинь, – главная жрица Раа'си Ра'ми в черной мантии отвесила церемонный поклон.

– Мы тоже безмерно рады встрече, – проговорила безмерно радостная Артра, подходя к дверям, из-за которых уже доносилось возмущение. – Что ж, приступим.

Ровно в тот момент, когда представители Великих Домов уже мысленно потянулись к оружию, створки дверей с грохотом врезались в стены. Судя по силе удара, вошедшая следом фигура в белом открыла их пинком.

Позади неё в зал неспешно прошествовали еще девять силуэтов. Двое из них были укутаны в мантии теней Перво-

зданных, остальные – в такие же белоснежные плащи. Похоже, этим не совсем достопочтенным господам забыли объяснить здешний устав. Впрочем, не Цине было судить невежд: на все эти предписания он клал ровно то же, что и вновь прибывшие.

Подойдя к столу и заняв место представителей Павиры, фигура небрежно сбросила накидку и стянула с лица маску. Тяжёлый металл с резким звоном ударился о каменную столешницу, заставив слабодушных вздрогнуть. Оглядев присутствующих пронзительным взглядом, гостя не просто села, а устроилась в кресле точно на законном престоле и надменно произнесла:

– Снимайте уже маски. Или вы намерены заставить нас ждать вечность?

Незнакомка оказалась женщиной – не дурна лицом, молодая и давяще высокомерна. От её тона собственная спесь Цины на мгновение пошатнулась.

«А так можно было?» – озадаченно подумал он.

Представители Империи, возмущенные присутствием нахальной бабы за столом на сугубо мужских переговорах, едва не взорвались от негодования. Однако по-настоящему всех

озадачило другое – молчание Хранителей. Ни единого замечания, ни тени упрёка. И хотя этот орден никогда не выбирал сторону, их немое одобрение подобной дерзости заставило многих усомниться в их хваленой беспристрастности.

Следом подтянулись остальные. Заняв предписанные места в древнем кругу, они единым жестом сбросили тяжёлые ритуальные облачения. На свет явились пять мужчин и ещё четыре женщины – абсолютно безоружных.

Последние были единственными представительницами своего пола во всём этом колоссальном пространстве, если не считать храмовых служительниц, Вита'е Арбрис, скрывающихся во мгле нефов. Именно на этих дев сейчас в немом шоке взирали собравшиеся.

По залу прокатался тихий, свистящий выдох удивления. Советники Империи переглянулись, словно ожидая, что своды храма вот-вот рухнут от подобного святотатства.

Однако центром всеобщего притяжения стали двое: женщина в причудливых шейных украшениях и юная сереброволосая девица. Золотые когти и тонкая цепочка, тянувшаяся змейкой по прелестному лицу, приковывали к себе взоры.

Сама же она равнодушно окинула взглядом чертог и за-

мерла, глядя в никуда сквозь полуопущенные ресницы, демонстративно игнорируя чужое липкое любопытство. Но если эта особа казалась чем-то экзотически съедобным - тем, что хотелось попробовать, - то сидевшая рядом с ней женщина выглядела существом, способным перекусить каждым в этом зале – неторопливо, не оставив даже костей.

«Тварь, до чего же хороша», – мысль ударила под дых, заставив Цину на мгновение замереть. Он пытливо, с почти болезненным восхищением скользил взглядом по лицу, изучая её черты при полноценном, ярком освещении.

Припухшие, искусанные им же губы. Эти едва заметные россыпи веснушек на карамельно-золотой коже... Этот омут по-настоящему медных глаз, усыпанный крапинками чистейшего золота, в которых хотелось утонуть прежде, чем вырвать их напрочь. Слепящее желание пустить ей кровь неохотно отступило в тень. Ровно настолько, чтобы позволить хищнику вдоволь насладиться красотой своей жертвы.

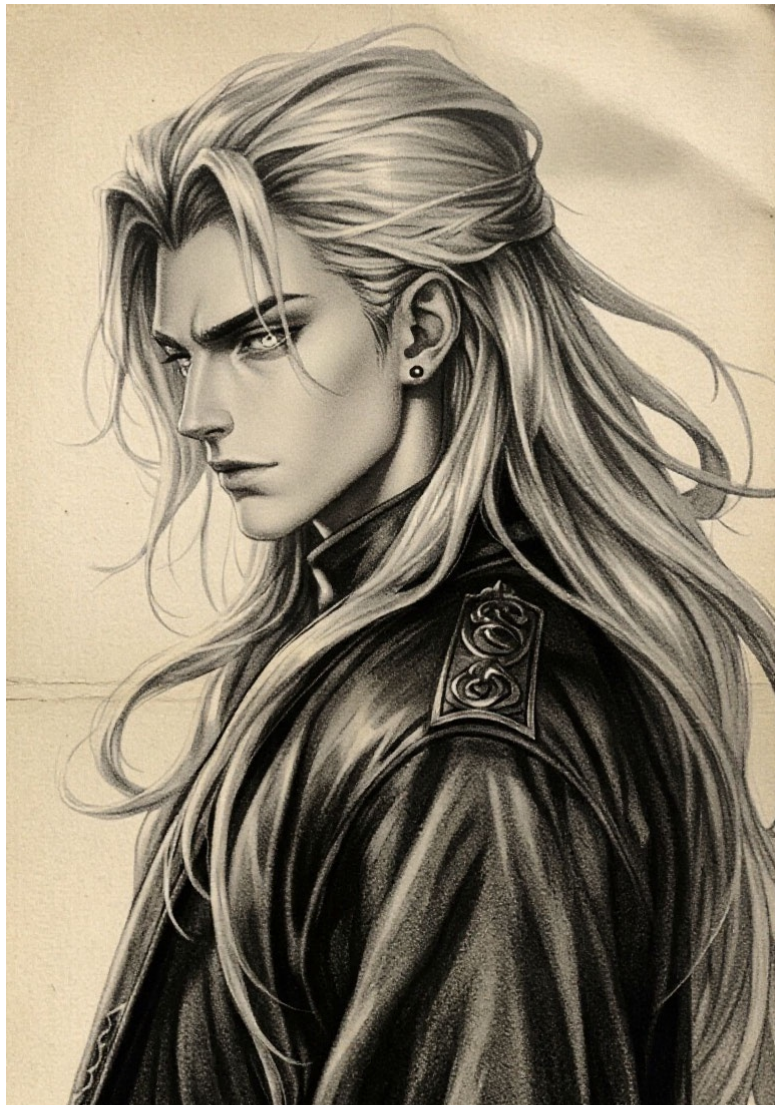
Из всей делегации Павиры на ногах остался лишь один мужчина. Цина напрягся, стоило ему внимательнее присмотреться к чужаку. Знакомый отлив прядей, узнаваемые черты – сходство было слишком очевидным.

Воспоминание о мягком весе девичьего тела на его коле-

нях и о том, как эти самые волосы скользили по пальцам, заставило сильнее стиснуть челюсти.

Высокомерная гостя, первой ступившая в зал, этот незнакомец и девка с золотой нитью на лице – все они явно были мазаны одной кровью.

Высокая фигура мужчины излучала суровую грацию. Длинные волосы, небрежно перехваченные на затылке, волнами спадали на широкие плечи. Он замер вполоборота, облаченный в строгий темный мундир, чья мрачность разбивалась лишь холодным блеском наплечников. Однако всё это меркло перед его ликом: узкие, пронзительные глаза светились диким янтарным огнем, словно у затаившегося зверя.

Тяжелую тишину разорвал безупречно поставленный голос:

– Мое имя Миракс. Сегодня я буду говорить от лица властителя Павиры, Сура.

Из его узких, жёстких губ этот короткий манифест прозвучал невероятно притягательно. Мужчина плавно опустился в кресло по правую руку от правителя и едва уловимым, величественным жестом велел Хранителям начинать.

Имперская сторона тут же разразилась протестами – почему безродный выскочка смеет говорить за владыку этих земель? Однако этот выпад все проигнорировали. Самые сообразительные и искушенные в интригах умы быстро осознали глубину нанесенного оскорбления. Варвары не просто демонстрировали пренебрежение этикетом. Они презирали чужую культуру и принципиально отказывались ломать языки о всеобщее наречие, считая его грязной скверной, недостойной их уст.

Владыки стали поочередно представляться: они открывали лица, распахивали накидки, а затем занимали свои места вместе с приближенными. Делегация Вархи восседала рядом с имперцами, безмолвно демонстрируя им полную ло-

яльность.

Эти прирожденные палачи мало чем отличались от самих жнецов – безжалостные, лучшие в своем деле наемные убийцы, способные бесследно сливаться с темнотой.

Делегация Саривии, пришедшая из залитых солнцем земель, напротив, то и дело бросала изучающие взгляды в сторону Павиры. По логике вещей, им не должно было быть до происходящего ровным счётом никакого дела: столетиями, сквозь кровь, разруху и пепел чужих войн, древнейшее царство сохраняло абсолютный, незыблемый нейтралитет.

Однако теперь, судя по тому, каким взглядом наследный принц Саривии буквально пожирал серебровласую девчонку, впервые в истории назревало нечто немыслимое.

А то, что Трита уже спелась с Павирой, было очевидно даже последнему идиоту. Тени Первозданных молчаливо доказывали это своими ухмылками.

Эти святые вовсе не были уродливыми чудовищами, какими их расписывали в слухах. Напротив, они манили взор. Но крылось в их облике, в текучей пластике движений нечто настолько странное и жуткое, что по спине любого воина пробегал холодок, заставляя инстинктивно и брезгливо пе-

редёргиваться.

– Мы слушаем Империю, – слова прозвучали сухо и бесстрастно, тяжело скатившись по холодным каменным ступеням, где возвышались Хранители.

Грузная фигура Императора качнулась, когда он наконец оторвал взор от правителя Павиры и едва заметно кивнул своему советнику.

Это был до омерзения противный, тощий мужчина, задрапированный в роскошные, кричащие ткани. В его высокий воротник были вшиты редкие камни кальяса, чей блеск подчёркивал статус владельца. Стоило женщинам Павиры заметить эти драгоценности, как их губы одновременно растянулись в таком устрашающем, хищном оскале, что чиновник моментально растерял всю храбрость. Он поспешно отвёл глаза, решив больше не смотреть на этих неофитов цивилизации – задача почти невыполнимая, учитывая, что он должен был обращаться непосредственно к ним.

Уголок губ Цины дрогнул в презрительной усмешке.

«Надо же, как глазки загорелись, – высокомерно подумал он, наблюдая за ней. – Интересно, как быстро эта девка раздвинет ноги перед первым встречным, который осыплет её

подобной роскошью? Наверняка прежде, чем последний камень коснётся её тонкой шейки».

По правде говоря, он всегда был уверен, что цена павирских баб куда ниже. Цина с показным пренебрежением скользнул по девице оценивающим взором и тут же резко отвернулся, мрачно вперившись в имперцев. Он мысленно поклялся больше не удостаивать дикарей ни единым вниманием.

Пустой звук, а не клятва.

Вопреки доводам рассудка, взгляд предательски, с каким-то мазохистским упрямством возвращался к ней. А эта дрянь за всё время даже не соизволила повернуть голову в его сторону. Всё её внимание было приковано к смазливому принцу Саривии. И, судя по искрам этого безмолвного, едва уловимого диалога, они уже успели мысленно раздеть друг друга и прийти к выводу, что вполне соответствуют взаимным ожиданиям.

«Вот же блядство», – мысленно сплюнул Цина.

В груди ядовитым варевом закипала ярость. Этот лощёный наследничек явно имел и средства, и власть, чтобы осыпать дикарку всеми благами мира, возведя её на самые

немыслимые вершины.

Цине было плевать на её возвышение. Пусть забирает. Но только после него. Желание было первобытным и грязным: грубо присвоить, сломать эту надменность прежде, чем до её кожи дотронутся выхоленные ручки этого мальчишки. От одних лишь мыслей о том, как он овладеет этой безродной девкой, раздутое эго с треском рвалось по швам.

Внутри шла ожесточённая война между тошнотворным отвращением и пульсирующим вожделением. Его поражало, как же быстро острая неприязнь мутировала в животную жажду. Ей хватило лишь лица и тела, чтобы в прах растоптать устоявшиеся принципы и вековые предпочтения.

Из этого наваждения его вырвал дребезжащий, фальшиво елейный голос имперского советника. Собрав остатки мужества и стараясь смотреть исключительно на Хранителей над головами павирцев, тощий вельможа наконец заговорил, оглашая волю своей короны. Каждое его слово так и сквозило скрытым ядом, раня слух своим притворством.

Из его уст лилась искусная скорбь: он вещал о бедствиях Империи, терпящей урон от рук дикарей, чья власть простёрлась над Вольными землями. Торговые пути перерезаны, караваны блуждают в обход, а гордая имперская армия

предана не земле, а огню и поруганию. Однако в этой речи не нашлось места правде.

Разумеется, он не проронил ни слова о том, что эту кровавую войну развязала сама Империя. И уж тем более – что на Вольных землях величественное государство промышляло торговлей бойцами для арен, беззащитными женщинами и детьми.

Грязная изнанка политики, которую сочли сущей мелочью для присутствующих.

Миракс вполголоса переводил владыке Павиры самые абсурдные и любопытные моменты имперской речи. Сур, длинноволосый молодой мужчина, когда-то наверняка был красив. Теперь же его лицо напоминало карту жестоких сражений: оно было усеяно шрамами – от тонких серебристых нитей до грубых багровых рубцов, стягивающих кожу у самой скулы.

Голос Миракса звучал ровно и монотонно, но в глубине его глаз плясали искорки мрачного веселья.

Артра устало тёрла переносицу, пытаясь утихомирить Кулу. Та искренне не понимала, зачем терпеть, если можно не терпеть. В её звериных глазах застыло недоумение пополам

с раздражением – эмоции, слишком простые и честные для этого зала. Тётушке стоило немалых трудов объяснить ей, что ломать хребет имперцам прямо сейчас – далеко не лучший дипломатический ход и нужно немного подождать.

Трита на этом фоне казалась скалой – неподвижной, невозмутимой: она лишь терпеливо ждала момента, когда советник перейдёт к прямым нападкам на них. Но имперец вещал без остановки – его голос, тягучий, словно патока, заполнял Чертог, обволакивая собравшихся липкой пеленой пустословия, и конца этому потоку не предвиделось.

А впереди ждала ещё более изнурительная пытка – свитки с официальными требованиями, чей исполинский объём внушал искренний ужас. Они громоздились на столе, точно надгробные плиты, и один лишь вид этих туго перевязанных пергаментов заставлял Кулу тихо, но очень многообещающе рычать сквозь зубы.

Асгетт, в которой наследный принц Саривии своим немигающим взглядом успел прожечь настоящую дыру, наконец-то соизволила обратить внимание на настырного поклонника. Стоило ей повернуть голову и встретиться с ним глазами, как глубоко внутри вдруг что-то звонко щелкнуло. Словно сорвало старый, заржавевший замок. До неё отчётливо дошло: именно в эту самую секунду в ней проснулся

совершенно новый интерес к мужчинам. Правда, исключительно к лучшим из них, если уж не кривить душой.

У него были правильные пропорции лица, четко очерченные губы и безупречная, волевая челюсть. Контраст между его ореховыми волосами, загорелой кожей и светлым, пронзительным взглядом завораживал. Тяжёлая золотая парча парадного костюма сидела на принце идеально. Покручивая массивное кольцо на пальце, он не разрывал зрительного контакта ни на секунду. А затем уголки его губ дрогнули в едва заметной, мягкой улыбке, и он чуть склонил голову – это был безмолвный, будоражащий знак одобрения.

– Какая хорошая кровь. Древняя, – с едва уловимым сладострастием выдохнула Раа'си Ра'ми.

Перед взором предстало лицо женщины, прожившей не один век, но сохранившей то, что время не решается разрушить, а лишь гравировать благородными линиями. Седые волосы обрамляли бледную кожу, а высокие, острые как клинки скулы придавали облику царственную суровость. Тонкие губы были сжаты в бескровную линию. Глубоко посаженные, непроницаемо тёмные глаза смотрели сквозь присутствующих, словно прозревая самую суть мироздания.

В её застывшей маске – одновременно холодной полу-

улыбке и бесконечной печали – сквозила вековая мудрость и читалось бремя неведомых знаний и мрачных тайн, которые живым лучше никогда не будить.

– Этот клинок нелёгок, дитя... Но если твои пальцы лягут верно, он будет рубить по твоей воле, – она продолжала вкрадчиво шептать.

Раа'си Ра'ми, восседавшая бок о бок с принцессой, безошибочно проследила за её взглядом и не удержалась от мудрого комментария. Жалкое блеяние имперского советника жрицу совершенно не занимало. Эта политика казалась ей лишь мышьиной вознёй; на всё, что вершилось под сводами храма, у неё имелась своя собственная, непреложная и святая истина.

– Думаете? – голос Асгетт сочился откровенной язвительностью, когда она приподняла бровь, бросая вызов старшей.

– Уверена, – женщина ответила без малейшей заминки. Её губы дрогнули, и по лицу скользнула едва заметная улыбка – быстрая и бесшумная, словно ночной ветер, перебирающий пески дремлющих барханов.

Она перевела внимательный взгляд на делегацию Каменной Долины. Там, среди суровых мужей, царило глухое, да-

вящее молчание. Они сидели неподвижно, словно были высечены из той же безжалостной горной породы, что и их неприступные крепости.

– А вот эти клинки уже не перековать... Их не исправит ни пекельный огонь, ни само время, – негромко продолжила Раа'си Ра'ми. В её тихом шёпоте вдруг явственно послышался лязг металла, скрежещущего по граниту. – Но именно среди них можно сыскать самую острую и безжалостную сталь, которая с одинаковой лёгкостью пустит кровь и врагу, и своему владельцу.

Асгетт принципиально не смотрела в сторону жнецов, отгородившись от них невидимой стеной, но слова жрицы пила жадно.

– Жизнь такова, дитя, – меланхолично подвела итог Раа'си Ра'ми и плавно, словно отползающая рептилия, отстранилась от девушки. – Чтобы заполучить оружие, беспрекословно послушное твоей воле, его придётся выковать самой, в собственном пламени. А потому не примеряйся к рукояти. Мерь по глубине своих ножен. Больно будет в любом случае. Весь твой выбор сводится к одному: стиснуть зубы и перетерпеть эту боль единожды или же позволить чужой стали терзать тебя бесконечно.

Липкие, навязчивые мысли о ножнах и крови, посеянные жрицей, отступили, когда тётушка решительно поднялась со своего кресла. Очередной пассаж имперца прошёл мимо ушей, но воинственный настрой Артры намекал: невидимая черта только что была пересечена. Кажется, они с Кулой всё же сошлись во мнении, что пора начать убивать.

– Что ты несёшь, советник? – властный, грохочущий голос тётушки ударил по ушам присутствующих.

С неё явно хватит. Лимит выдержки был исчерпан до дна. Раз уж вся эта разодетая публика так жаждет небылиц, Артра с превеликим удовольствием выйдет на сцену и устроит им представление. Главной и единственной её целью сейчас было полное уничтожение источника этого отвратительного голоса, который выедал ей мозг.

– Истину. Сядь на место и молчи, женщина, – с презрением выплюнул Император, словно на язык ему попала грязь. Его расплывшееся, полное лицо исказила гримаса отвращения к чужой дерзости.

– Истину? Во всём потоке, что грязной рекой излился из рта вашего подданого, не проплыло ни единой чистой истины, – Артра изящно развела руки, и её светло-русые локоны волной посыпались по спине, – Что ещё ждать от мужчин, в

коих телах из двух голов, хорошо если работает хотя бы та, что снизу.

От такой неслыханной наглости у присутствующих перехватило дыхание, и зал сковало оцепенением.

Шах выразительно изогнул густые брови и с легкой, почти одобрительной усмешкой качнул головой: Павира определённо умела впечатлять.

Багровея от ярости, над столом начал медленно подниматься сам Император. Его глаза метали молнии – он готовился обрушить всю мощь своего монаршего гнева на потерявшую страх нахалку.

– Сядь, Государь, – голос правителя Саривии ударил как хлыст, заставив владыку осечься. – Ты неужто с женщиной воевать собрался?

– Золотые слова. Неужели для великого властителя здесь не найдется дичи покрупнее? – с откровенной издевкой протянул Миракс.

– Хранители, это же уму непостижимо! Чтобы какие-то немытые дикари и их распоясавшиеся женщины смели... – срываясь на жалкий визг, проголосил советник. Он затрав-

ленно озирался, отчаянно ища защиты у хозяев святыни.

– Сядьте на место. Оба, – этот голос не был просто громким, он обладал архаичной мощностью. Зычный, рокочущий бас самого главы ордена храма Мира обрушился на зал, мгновенно раздавив лепет имперца и впечатав присутствующих в кресла.

Речное божество непостижимым образом возвышалось прямо на центральном пьедестале главного Хранителя. Как подобный абсурд вообще мог произойти, Асгетт понятия не имела и, если уж на чистоту, знать совершенно не желала. В уме она истово молилась Иблису лишь об одном: чтобы настоящий лидер ордена оказался жив.

К Касариту же взывать не было ни малейшего смысла. Какой прок молить о милости, если вот он – стоит собственной персоной и нагло ухмыляется из-под глубокого капюшона, явно наслаждаясь происходящим?

Асгетт подалась вперёд, опершись ладонями о гладкую столешницу. Игра началась. И она, не раздумывая, делала ставку на свою тётку.

Глава 7

– Не хватит и вечности, чтобы рассказать всё то, что хранит чаша, на дне которой золотыми нитями оседает первородная колыбель мироздания.

Слова Артры лились непрерывным потоком, не давая слушателям ни секунды на то, чтобы осмыслить масштаб услышанного. Она шла вокруг стола так близко к представителям великих домов, что задевала их кресла. Её голос не просто звучал – он тяжеломерно рокотал под высокими сводами.

Оглушительное эхо рикошетило от стен и с размаху ударяло в барабанные перепонки, начисто выжигая саму способность мыслить. От этой вибрирующей звуковой пытки Цина был готов завывать в голос. Он стиснул зубы с такой силой, что во рту появился привкус крови от крошащейся эмали.

«Святые Богини и Великие Боги, заткните её, умоляю», – эта судорожная, злая мольба исступленно металась в его сознании. Под этим акустическим гнетом весь его извечный цинизм временно капитулировал. Цина согласился бы уверовать в любого демона, лишь бы это прекратилось.

– Сосуд исписан ядоносными сказаниями, которые можно вплести, словно лозы, в любой диспут. А свитками, что заполнены великой мудростью, можно укутать все земли. Или же вызвать неподдельную тошноту даже у самых искушённых садовников, что так умело стелят ковры из ложных истин.

Воистину, к горлу Цина действительно подкатил дурнотный ком, рожденный этим невыносимым напряжением. Но даже сквозь эту муку он, вопреки собственным предубеждениям, вынужден был признать: для дикарки, чьё место в грязи, эта женщина демонстрировала слишком изощрённую логику. Это был заточенный, гибкий и таящий в себе угрозу ум.

Он скользнул потемневшим взглядом по фигуре серебряной девчонки, и губы его тронула кривая усмешка. Теперь он отчетливо видел корни её дерзости. Стало совершенно ясно, в кого она уродилась с такими длинными клыками и языком.

– Мне сполна дали испить из чаши, чтобы заполнить то, что пусто, тем, что не помешало бы. А после завернули в шкуру барана, из которой я впитала его крайне противоречащую здравому смыслу упёртость и, как вы уже поняли, отсутствие инстинкта самосохранения. Боги же одарили меня

весомой ссудой времени и, увы, интеллектуальным беспутством. И потому я сейчас трачу эту ссуду на кого-то вроде вас. Но не буду лгать, моя редкостно мерзопакостная натура не может упустить возможность получить удовольствие.

Страдания публики действительно приносили ей искреннее, почти порочное, упоительное торжество. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она физически впитывала каждой клеточкой кожи тот густой, вибрирующий воздух, который сейчас едва ворочался по залу.

– Но вот в чём вопрос: есть ли подобная ссуда у вас? Впрочем, это уже неважно. Ведь через полчаса от моей безостановочной мантры слабые духом сорняки в состоянии полной прострации и дурноты начнут спрыгивать с балконов Храма в надежде спастись. А через час тут останусь только я, мои благие намерения нести истину целую вечность и... гирлянда лозы. Из повесившихся на ней тел.

Теперь она говорила ровно, безжизненно, словно зачитывала приговор:

– И потому, во избежание непоправимого – что за два часа этого балагана уже кажется неизбежным – настоятельно прошу прекратить распылять из своего рта истину. Она, словно маяк, манит опьяневшие умы в удушающую ловушку, извра-

щённо забивая гортань и оседаая саваном отравы.

Артра коварно улыбнулась, продолжая обходить стол и направляясь к узкому проходу:

– Пыль коварной истины мне не страшна, во мне яда больше, чем в любом из вас. А шею своей лианой передуть у вас не получится. Умение бесконечно и томительно содрогать стены пустыми речами выработало полезную способность подолгу обходиться без воздуха.

Интересно, а каков предел вашего дыхания?

Встав в самом центре прохода, Артра оперлась на края огромного стола. Её правая рука с силой вцепилась в край стола с той стороны, где восседала Каменная Долина, а левая – там, где замерла Империя. Нависая над ними, словно судья, она поочередно одарила всех долгим, пронизывающим взглядом и продолжила говорить:

– Ибо если вы ещё раз сойдёте с поля переговоров и отклонитесь в сторону окутанных дурманом лесов... Я вам эту истину, словно соцветия цикуты, в самую глотку пропихну. Так глубоко, как ни один ваш мужчина со своим большим самомнением и маленьким стеблем никогда бы не смог затолкать. А от яда цикуты, словно от умелой любовницы, кою ваш гнилой цветник никогда не лицезрел, вы получите такое

немыслимое удовольствие, коего вам не сможет даровать даже самый искусный лист сансевиерии на бархатном пути в ваши сады наслаждения. Правда, посмертно. Но за эти ощущения, за эти мгновения...смерть – ничтожно малая цена, не так ли?... Истина, господа. Пейте. По капле.

Тени Первозданных взирали на Артру с родительской гордостью – так, словно именно они веками натаскивали её в изошрённом искусстве выжигать чужой разум кислотой ядовитого красноречия. Да и сам владыка Долины откровенно залюбовался этим зрелищем. В непроглядной глубине его древних, повидавших крах империй глаз мелькнуло нечто совершенно немыслимое... Уважение.

– Она высечена из того же камня, что и наши женщины, не находишь? – негромко, с затаённым восхищением обронил Шах, обращаясь к внуку, неотрывно следя за беснующейся представительницей Павиры.

– Чем же? – на лице Цины отпечатался настолько откровенный скептицизм, что его можно было потрогать руками.

Шах в ответ лишь хмыкнул и с размаху, увесисто шлёпнул его по ноге. Наклонившись к уху, старик обдал Цину горячим дыханием и понизил голос до хриплого шёпота:

– Яйцами, мальчик мой. Которые, сдаётся мне, будут покрепче и побольше твоих.

Коротко, беззвучно хохотнув, Шах обнажил зубы в довольной хулиганской ухмылке и заговорщически подмигнул своему преемнику.

Если уж Равель ставит в один ряд эту женщину с их матерями и сёстрами... Вывод напрашивался сам собой: старый властитель окончательно выжил из ума. Однако Цина совершенно не спешил предаваться скорби. Судя по тому, с какой скоростью его собственные рассуждения скатывались в Бездну, очень скоро он и сам составит компанию главе рода в этом коллективном сумасшествии.

Он мазнул цепким взглядом по лицам присутствующих, мгновенно считывая расклад.

С одной стороны – налитое дурной кровью, багровое лицо Императора, чьи желваки ходили ходуном от едва сдерживаемого бешенства. С другой – расслабленные, донельзя довольные ухмылки саривийцев, которые смаковали каждую секунду этого публичного унижения монарха.

Хранители же, проглотившие дерзкие выпады в адрес имперской короны, хранили безмолвие, а павирцы демонстри-

ровали полное бесстрашие. В их расслабленных позах читалась уверенность тех, кто уже прочитал последнюю страницу истории и знает исход всех будущих войн.

Взор Цины скользнул дальше и споткнулся о повелителя Вархи. Владыка шурился тяжело, по-волчьи. Так смотрит зверь, ожидавший растерзать беззащитную овцу, но внезапно осознавший, что перед ним из тьмы восстало шестилапое, клыкастое чудовище.

Он источал неправильную, искаженную ауру, от которой веяло хтонической жутью. Мозг Цины ещё не успел облечь тревогу в конкретные мыслеформы, а тело уже среагировало: мышцы натянулись, как корабельные канаты, а древние, первобытные инстинкты взвыли об угрозе.

– Что-то не так, мой Шах, – едва слышно выдохнул Цина, подавшись к деду ровно настолько, чтобы сказанное растворилось в воздухе, не достигнув чужих ушей.

– Знаю, – отрезал Шах глухим тоном, отсекающим любые расспросы.

Старик остался неподвижен. Ни дрогнувший мускул, ни изменившаяся мимика не выдали его внутреннего напряжения. Он продолжал держать зал в поле своего внимания, ка-

залось, полностью игнорируя внука. Но Цине этого было достаточно: он безошибочно понял, что дед тоже учуял в воздухе отчётливый металлический привкус надвигающейся бури.

Арта тем временем медленно оценила каждого в этом зале. Когда очередь дошла до делегации Вархи, губы женщины тронула мягкая, снисходительная улыбка – так мать смотрит на провинившееся, непутёвое дитя.

Замерев посреди прохода и приковав к себе всеобщее внимание, она обратилась напрямую к Павире и Трите:

– Цветы завяли, зубы показаны, – её голос прозвучал негромко, но разнёсся по всему залу. – Полагаю, настало время перейти к сути, не находите? Открывайте свитки.

Все присутствующие посмотрели на свёртки с абсолютно одинаковым выражением лиц и с одной-единственной мыслью:

«А может, ну его в бездну?»

Тётушка, выразительно закатив глаза к сводчатому потолку, решительным шагом миновала ступени Хранителей. Сорвав тяжёлую сургучную печать со свитка с требования-

ми для Павиры, она эффектно взмахнула руками, швырнув край пергамента вниз.

Задумка была поистине грандиозной, но реальность внесла свои коррективы. Окованные металлом края с оглушительным грохотом брякнули о каменные плиты, и свиток, словно живой, резво покатился через весь зал длинной ковровой дорожкой, упорно не желая останавливаться. Лицо тётушки, ошарашенно провожающей взглядом эту бесконечную бумажную реку, вытянулось и стало настолько комичным, что Асгетт пришлось до боли закусить губу, спасаясь от неуместного приступа смеха.

Вслед за первым свитком по каменным плитам с сухим шелестом пронеслась точно такая же простыня, предназначенная уже для Триты. Она легла параллельным курсом, усеивая пол текстом.

– И не отсохла же у кого-то рука столько... марать бумагу, – совершенно искренне и на весь зал поразилась Артра, задумчиво рассматривая масштабы исписанного пергамента.

Однако стоило Артре вчитаться в первые строчки, как её величественная снисходительность мгновенно испарилась. Глаза женщины сначала изумлённо округлились, а затем сузились, словно в этих строчках притаился её кровный враг.

Яростно шурясь, она едва ли не носом уткнулась в бумагу, отчаянно силясь расшифровать убористые каракули, нацарапанные издевательски мелким, абсолютно нечитаемым бисерным почерком.

На лицах представителей Триты синхронно отразилось точно такое же глупое, беспомощное замешательство.

А вот юный принц Саривии и вовсе с лёгким сердцем наплевал на строгий этикет. Проигнорировав предостерегающе вскинутую руку своего отца, он проворно нагнулся, юркнул прямо под стол и вынырнул уже с другой стороны.

Встав ногами аккуратно между раскатившимися свитками, он застыл над пергаментом. Секунду спустя гулкую тишину зала разорвал его смех – чистый, звонкий, мальчишеский и до безумия заразительный.

– Я искренне прошу прощения, – подала голос тень Первозданных, и её мягкий шёпот мгновенно разнёсся под сводами. – Не подскажете ли, любезные, чьё перо породило этот шедевр? Мы, признаться, понятия не имеем, что это за язык.

– Признаться, достопочтенная, сие безобразие и мне не под силу разобрать, – насмешливо, с лёгкой досадой протя-

нула Артра.

Сложив руки за спиной в обманчиво расслабленном жесте, она неспешно двинулась вдоль бесконечной бумажной простыни. Артра шагала так, словно прогуливалась по весеннему саду, при этом отчаянно высматривая в море нечитаемой писанины хоть что-то, отдалённо напоминающее знакомые буквы.

Асгетт нагло косилась в свиток Триты, уже прикусывая изнутри щёку, чтобы сдержать рвущееся наружу веселье.

Расслабленно откинувшись в кресле, она впервые за всё время перевела взор на наследника Каменной Долины. В этом взгляде читался откровенный вызов – дерзкий, прямой, лишённый даже намека на девичье смущение.

Преемник Шаха, казалось, только и ждал этого момента. Он ответил ей дерзкой, дразнящей усмешкой, откровенно упиваясь всеобщим замешательством. Желваки едва заметно перекатывались под кожей острых скул: он явно прилагал немалые усилия, чтобы сохранить хоть какое-то подобие серьезности и не выдать обуявшего его злорадства.

«Вот же змей, – подумала она, пока по её спине пробегала волна мурашек. – Откусить бы ему что-нибудь ради прили-

чия».

Разумеется, сама Асгетт ни секунды не сомневалась в том, какая именно плоть пала бы жертвой.

Строки вились по пергаменту на забытом, мёртвом наре-
чии Ночи. Его тайны знали только наёмники Вархи и жнецы,
веками делившие одну мать-тьму.

Мудрецы-Хранители, зарывшись в свои бездонные архи-
вы, несомненно, взломали бы этот шифр. Вот только на кро-
потливый перевод ушли бы долгие, мучительные недели. И
в этом крылась гениальность плана: по незыблемым законам
храма Мира, пока брошенный вызов лежал на столе, а спор
считался открытым, никто из присутствующих не имел пра-
ва сделать и шага за порог. Капкан захлопнулся, превратив
святыню в роскошную, душную клетку.

– Мы зачитаем вслух, избавьте себя от лишних тревог, – с
мерзкой, масляной ухмылкой протянул имперский послан-
ник. – Из уважения к вам мы выделим лишь ключевые пунк-
ты. Примите наши искренние извинения за это недоразуме-
ние.

Вельможа натянул на лицо маску притворного сожаления.

– Понимаете, мы были уверены, что вы... ну, скажем так, не обучены грамоте. А раз так, то какая разница, на каком языке составлен свиток?

Цина тихо хохотнул, мысленно отдав должное наглости своих имперских союзников.

Замысел Империи был сшит белыми нитями. Спектакль для дураков: этот чиновник зачитает пустяковые уступки – клочки земли, квоты на ресурсы, горстку рабов взамен погибших солдат. Они бьют на то, что никто не станет гнить в этом храме ради перевода и сверки каждой строчки.

На деле же в свитках крылись условия для тотального рабства Триты и Павиры, а вовсе не для мира. Кабала, в которую они должны были ступить добровольно. Неописуемо жестокие тиски, на которые Империя жаждала получить слепое согласие. Чтобы сразу после Совета, заключив союз с наёмниками из Вархи, победным маршем пройти по землям врага, оставляя после себя лишь моровую глушь. А если Трита и Павира рискнут созвать новый Великий Совет, этот свиток станет неопровержимым доказательством: враги сами подписались под своей участью.

Девять великих государств. Столько Империя уже сожрала с помощью этой уловки. Те соглашались на любой позор,

потому что им нечего было выставить против ненасытного чудовища.

Но у Павиры и Триты монета была другой – они пока сполна откупались сталью, всаживая её по самую рукоять в брюхо имперцев. Именно поэтому врагам пришлось так изощрённо исхитриться теперь.

Асгетт, все это время внимательно слушавшая имперца, с нежностью выводила невидимые круги металлическими когтями по столешнице. Тихий скрежет стали о древний камень заставлял ближайших соседей поежиться.

– Хранитель, подойди, – велела она. Её голос прозвучал негромко, но настолько отчетливо и властно, что не допускал ни малейших промедлений.

Главный Хранитель неспешно спустился по ступеням. Наклонившись, он бесцеремонно сгрёб руками мешающие шлейфы пергамента и потащил их за собой, словно ворох сухой соломы. Коротко, по-стариковски шикнув на саривийского принца, топтавшегося прямо на документе, глава ордена – а в действительности само божество – скалился во тьме капюшона.

Улыбка была настолько ликующая, что у него едва не сво-

дило щёки. В сознании бессмертного сладким эхом отдавался мотив молитвы, которую пели ему его дети:

Под сплетением древних древ
В царстве вечной немоты
Спит рогатый древний зверь
Царь преданий и черты
Души мёртвых он сзывает
И пасёт в чёрных волнах
Слог бессмертный берегает
Что чужд призрачным умам
Боже наш в веках забытый
Первый стих и корень жил
Путь во тьме глухой, сокрытой
Нам сквозь мрак ты укажи...

Тот, чьё рождение случилось на стыке первозданных эпох, знал природу каждого звука, ведь все языки рождались при нём. Неудивительно, что тайны мёртвого языка Ночи он открыл принцессе ещё в детстве.

Девочка бредила безликими жнецами, а потому она поглощала знания с таким рвением, что несчастное божество уже стократ прокляло своё решение.

Благо, корпеть над свитками, осваивая чтение и письмо,

маленькая паршивка категорически не желала. Куда больше ей нравилось просто чесать языком. Да и чем, в конце концов, ещё развлекаться будущей правительнице? Не крестиком же на холсте вышивать, ей–богу.

– Переведи только самое интересное, о великий Хранитель, – с явной, неприкрытой насмешкой тихо скомандовала Асгетт. Изящным движением она откинула мешающие пряди за спину.

– Вот так всегда ко мне и обращайся, – донесся из-под плотного капюшона довольный шёпот Бога. – И руку поцелуй для приличия.

– А больше тебе ничего не поцеловать? – ехидно изогнув бровь, поинтересовалась девушка. На её губах заиграла откровенно плутовская улыбка, далекая от этикета.

– Ну не при всех же, бесстыжая, – довольно прошипел Бог.

Он упивался растерянностью и паникой, которые медленно расплзались по залу от их тихой беседы. Воцарился абсолютный ментальный тупик – никто не понимал ровным счётом ничего. Сам глава священного ордена стоял, скорючившись полубоком и вполуприсядку у стола и увлечённо что-то втолковывал девчонке, активно тыкая пальцем в свитки.

Только представители Павиры сидели относительно спокойно. Их выдавало лишь едва заметное оцепенение, но они вполне держали лицо. Бедняги, они же до этой минуты понятия не имели, что прямо перед ними возвышалось их собственное божество.

– Позволено ли будет узнать, чем именно вы собираетесь заняться? – сухой, ровный голос Шаха нарушил повисшую тишину.

– Переводить собираемся, властитель, – небрежно бросила Асгетт, всем своим видом демонстрируя полнейшее равнодушие к его авторитету.

Старик источал угрозу. Высокомерный, с лицом из сухих глубоких морщин, похожих на скальные расщелины, он выглядел слишком статным для того, кто явно засиделся на этом свете на пару лишних тысячелетий.

Вслед за словами девушки представители Каменной Долины и Вархи разразились дружным, раскатистым хохотом, заставив имперскую свиту болезненно поморщиться. Смех был полон мужского превосходства. Они откровенно сомневались, что её скудного ума хватит на то, чтобы распутать тайны истлевшего, мёртвого наречия.

Цина никак не мог согнать с лица плотоядной ухмылки. Кажется, за этот день он исчерпал весь свой запас иронии, накопленный за все три века существования. В нём даже проснулось желание приручить её и заставить покориться их тайным знакам. Такая способная девчонка за несколько ночей в его постели без труда бы освоила основы.

– Я ни в коем случае не принижая глубоких познаний почтенных Хранителей, – заговорил Шах, когда смех поутих. – Наверняка глава ордена со временем выдаст нам вполне сносный перевод. Но к чему терять драгоценные дни? Не будет ли разумнее обратиться к совести и устам «Великой Империи»? Всё же, это именно они диктовали условия советникам Вархи от первого до последнего слова.

Божество попросту проигнорировало деда. Ещё бы он тратил своё драгоценное внимание на всякие старые мухоморы! А вот неестественно добрая, издевательская усмешка властителя Долины откровенно подействовала Асгетт на нервы. Не желая уступать, она натянула на лицо точно такое же притворное выражение и заговорила – плавно, на безупречном языке Ночи:

– Зачем нам просить о снисхождении Империю, если под боком есть Великая Каменная Долина? Скажите-ка мне, гос-

подин, – умышленно урезав титул великого Шаха до рядового обращения, Асгетт хлёстко, поочередно выделила голосом каждого замершего жнеца. – Во фразе «мы надругаемся над каждым жителем Павиры, от ущелья Руты до северных земель» каков, по-вашему, точный порядок действий?

Шах резко облокотился о стол, подавшись вперёд, будто пытался получше разглядеть девчонку. Наглая улыбка в миг слетела с его губ, и лицо старика превратилось в абсолютно непроницаемую маску.

Цина приподнял подбородок. В этот момент он предельно четко осознал: его снова где-то очень виртуозно и красиво развели.

– Я считаю огромным допущением, что здесь не указано, с кого именно воинство начнёт в первую очередь, – яд сочился из гортани Асгетт, переплавляясь в слова. – Кого же они предпочитают больше: стариков, женщин, младенцев? Или, может быть, мальчиков? Будьте так любезны, расскажите о вкусах солдат, господин. Вы-то наверняка знаете.

Представители Долины окаменели. Зал заполнил лишь свист воздуха, который они яростно втягивали ноздрями. Металл на столе принял зловещий, антрацитовый оттенок, покрываясь шевелящимися, живыми тенями. Делега-

ция Вархи заозиралась на своего владыку, но тот ответил лишь жуткой, перекошенной улыбкой. В его глазах плясала призрачная белая дымка, а взгляд обещал скорую и мучительную смерть.

«Отлично сработано, принцесса. Вызверивать чужаков и наживать смертельных врагов – твоя лучшая привычка», – мысленно съязвила Асгетт, отсекая себя.

В зрачках Цины в ту же секунду полыхнуло багровое пламя. Он медленно облизал сухие губы, охваченный странным, непривычным возбуждением. Плоть оставалась спокойной, но разум ликовал – девчонка вела свою партию искусно, шаг за шагом, доставляя ему подлинное удовольствие. Её речи дразнили. Эгоистичный ум, всегда деливший реальность по строгому принципу «есть только моё мнение и есть неправильное», мгновенно включился в игру и заработал на пределе возможностей.

Вместо ожидаемой вспышки гнева Шах вдруг разразился хриплым, каркающим смехом, от которого у многих по спине пробежал неприятный холодок.

Он небрежно обвел взглядом свою делегацию – напряженную, ошетилившуюся, словно стая гиен перед прыжком. Усмехнувшись, старик бросил им с нескрываемой поднач-

кой, безукоризненно выговаривая слова на языке Ночи:

– Ну что, великие воины? Поведайте же девице, чего застыли?

Челюсти нервно заходили ходуном, а пальцы сжались в кулаки. Вся делегация как по команде уставилась в одну невидимую точку, упорно играя в молчанку.

Никто не смел даже пискнуть. Открыто рассуждать о подобном в присутствии Шаха было бы самоубийством.

– Какие праведники, ты только погляди, – Шах с наигранным восхищением усмехнулся, цыкнув сквозь зубы. – Наши великие воины наверняка свято блюдут обеты безбрачия и ни в коем разе не марают руки развратом или насилием над незащитными. Истинные святые во плоти.

Старик выдержал паузу и медленно повернулся к преемнику:

– Так, может, хоть ты просветишь нас, внук? – голос его на последнем слове дрогнул почти ласково, но в этой ласке было больше угрозы, чем в оружии на столе.

– Сдаётся мне, мой Шах, что отныне вкусы этих мужей

сузятся исключительно до павирских прелестниц, – с приторной, обманчиво покорной улыбкой протянул Цина, многозначительно выделяя каждое слово.

– Вход строго по одному и только после окончания Великого Совета, – Асгетт манерно, с донельзя фальшивым смущением опустила пушистые ресницы. – Но при одном крошечном условии: кандидаты должны быть хотя бы немного симпатичнее, чем наследник Каменной Долины. А это, согласитесь, планка не то чтобы высокая.

Шах осознал, что проникается к ней несвойственной ему теплотой – словно к собственной внучке. Эта девчонка, с её острословием и строптивым нравом, определенно пришлась ему по душе.

Цина слегка подался вперёд и покачал головой. Эта девичья дерзость ударила в голову, опьяняя сильнее любого выдержанного вина. Сосредоточив на ней всё своё внимание и беззвучно артикулируя губами ответное, явно нецензурное обещание, он развязно откинулся на спинку кресла, всем видом показывая, что вызов принят.

Дикарка из Павиры не могла знать их языка. Значит, живые, кто её научил.

Эта внезапная догадка мгновенно перевернула всё. Вековые чистки Империи, капля за каплей выжигавшие древние династии, казались безупречными лишь на первый взгляд. Даже железная хватка завоевателей порой ослабевала. Это позволяло уцелевшим потомкам угасших королевств укрыться на задворках цивилизации — в Вольных землях или той же Павире. Именно там, на глухих окраинах мира, благородная кровь мешалась с грязью дикарей и отбросов.

«Она полукровка», — озарило его. Эту небольшую, досадную скверну Цина мог бы ей простить ради открывшихся перспектив. Дело оставалось за малым — выпытать у неё правду. Узнать, откуда она на самом деле вылезла и как теперь залезть туда самому...

Едва этот бесконечно долгий Великий Совет подойдёт к концу, он выследит её и загонит в ловушку в тёмных храмовых коридорах, где не будет лишних глаз. Впечатает спиной в шершавую стену, перекрывая любые пути к отступлению своим телом и устроит ей допрос, позаботившись о том, чтобы она не могла воспользоваться своей дурманящей песней. Долгий. Изнурительный.

До животного трепета жёсткий и ритмичный.

Цина уже физически ощущал чужое тепло и ту скользя-

щую испарину на обнажённых ключицах. Представлял, как сдавит ладонью её горло и сквозь тонкую кожу пальцами будет ловить каждое движение – то, как её гортань судорожно, на пределе сил сжимается, пытаясь принять в себя это навязанное вторжение.

И лишь иногда он милостиво будет освобождать её пленный, саднящий рот: только для того, чтобы она могла с хриплым, влажным стоном сделать вдох и выдохнуть ему в бедро рваное, покорное признание – ответы, которые так сводили его с ума.

Сознание лихорадило, подстёгиваемое вспыхнувшим желанием. Медленно выдохнув, Цина до предела обострил все свои чувства, безошибочно улавливая малейшие колебания в настроении собравшихся.

Он осязал немую злобу имперцев – их запечатленную в свитках речь Хранитель прямо сейчас монотонно зачитывал в священных чертогах. Цина замечал откровенный, почти неприличный восторг Саривии: их правитель увлеченно шептался с сыном, многозначительно кивая в сторону юной девицы. Улавливал и тот благоговейный трепет, с которым послы Триты взирали на павирских делегатов.

Но всё это померкло, стоило Цине переключить внимание

на правителя Вархи, а затем на собственный, покоящийся на столе меч.

«Что с тобой, Владыка? Одурманили? С чего вдруг ты так покорно проглотил язык?» – билось в голове тревожное подозрение. Пальцы невольно сжимались, мышцы вновь налились свинцовой тяжестью, предчувствуя скорую кровь.

Затаив дыхание, он напряженно вслушивался в каждое чужое слово, которое эхом отскакивало от вековых, безмолвных камней.

Глава 8

Мужчинам Павиры и Триты – кандалы и пожизненное рабство в каменоломнях. Женщинам и детям – показательное, ломающее волю насилие на площадях. Старикам – нож.

Свитки, что были скреплены тяжёлыми имперскими печатями, диктовали полное, безоговорочное подчинение земель, лишшающее их даже унижительного статуса колонии. Вольные земли подлежали тотальной зачистке: павирское воинство следовало выследить до последнего бойца и истребить. А также выкачать редкие ресурсы, оголить рудники и пустить по ветру пепел разорённых полей.

Всё это являлось лишь сухими тезисами. Император жаждал видеть новый мир, укрытый саваном непрекращающихся истязаний.

Цина примерно представлял, что скрывается за строчками чернил, и всё же такая извращенная, масштабная фантазия поражала даже его. Принести подобное на Совет, пусть даже надёжно укрытое за вязью мёртвого языка, граничило с безумием.

Он ни на миг не сомневался в конечном триумфе Империи. Пусть война затянется на десятилетия – её финал предрешен. Вот только свитки, к величайшему несчастью для завоевателей, Хранитель умудрился перевести. Императору, который привык брать врага за горло быстро и намертво, теперь придется познать игру вдолгую. И, кажется, он только что нажил себе лишних врагов.

Правитель Саривии с нарастающим ужасом осознавал: они могут быть следующие в очереди на заклание. Он чувствовал, как под тяжелой парчой парадного одеяния кожа леденеет от сковывающего страха. Чудовищные аппетиты соседей были ненасытны – эта гидра не успокоится, пока не поглотит весь континент до последней пяди земли, стерев саму её независимость из истории.

Теперь стало предельно ясно: любые мирные соглашения, пакты и скрепленные клятвами союзы с завоевателями – не более чем обрывки бумаги, дарующие лишь временную отсрочку перед неминуемой казнью всего народа.

– А хер им в рот положить там не написано? – поинтересовалась Асгетт.

Она даже не подняла головы, продолжая усердно ковырять ногтем камень стола.

Святотатственный вопрос был задан с такой детской невинностью, что, пожалуй, все в зале мысленно разделили её любопытство. Даже имперцы, к которым эта реплика относилась напрямую. Последние усердно делали вид, будто впервые слышат подобные требования, словно пергамент подменила сама проклятая бездна.

Кула ласково погладила дочь по волосам, закрепляя эффект от её слов:

– Наверняка написано. Обещаю, когда мы доберёмся до этой строчки, выполним имперское требование в первоочередном порядке.

– Благодарю, Хранитель, этого достаточно, – оборвала его Раа'си Ра'ми.

Жрица приподнялась. В наступившей тишине она властно провела ладонью по развёрнутым на столе свиткам.

– Не ищите себе врагов, словно любовниц по всем углам, у вас и так их уже достаточно. И будьте осмотрительны, когда сойдёте с изломанного хребта своей жертвы. Ибо последний противник, всё это время стоявший за спиной, полон сил и чистой ярости. Он – сама пустота, облеченная в сталь.

Она устремила взор на имперского правителя.

От волн чистой, необузданной силы, хлынувших от этой женщины, всем присутствующим в зале мгновенно стало дурно. Тяжёлый, пронзительный звон ударил в барабанные перепонки. Кровь бешено бурлила, будто стремясь разорвать сосуды и хлынуть наружу.

– Для вас эта распря лишь нужда. Его же право на игру – то суть, рожденная из хищного первородства, что пульсирует под кожей боевым кличем. – Раа'си Ра'ми говорила спокойно, но в её глазах бушевала буря.

– Враг, которого вы столь неосмотрительно пригрили на своей шахматной доске, прячет сталь за показной покорностью. Как подлинный вертоградарь, он знает по именам, лицам и вкусу всё, что дышит и растёт. И может без страха прикоснуться ладонью к дурной траве. Ибо истина в том, что не он её боится, а она – его.

Гордо вскинув подбородок, она изрекла непреложную волю, не терпящую возражений:

– Мира на твоих условиях не предвидится. И лучше бы тебе помнить, Император, как твои воины подыхали на соб-

ственных границах от нашей стали. И поверь, они продолжат гибнуть так и впредь.

– Советую вспомнить и о героизмах на наших рубежах, – вмешался Миракс. – Что же до Ям – нас мало заботят нужды жнецов и невозможность для Империи развернуть работу торговли. Вольные земли останутся под стягом Павиры. Так есть, и так останется.

Лицо Императора исказила жуткая, безумная улыбка, обнажившая кривые зубы.

– А вы не забываете, что я даже не начинал эту войну – девять десятых моих сил всё еще ждут приказа, – владыка посмотрел в глаза Раа'си Ра'ми. – Помимо крови и плоти, в глубоких подземельях Империи сидят на цепях создания, чья природа куда интереснее твоей, жрица.

О жутких тварях, которых Император собирал в свою коллекцию, шептались во всех уголках континента. Однако миролюбивый тиран редко спускал их на поле боя, жалея невинные жизни. В самом деле, к чему бессмысленно рвать тела несчастных на куски, если живой товар можно выгодно продать в рабство?

Поистине, безграничное милосердие и высшая степень го-

сударственного гуманизма. Но именно сейчас этот добрейшей души повелитель предельно ясно дал понять: время милосердия вышло. Он готов спустить всех своих кошмарных зверушек с цепей. В конце концов, питомцам тоже нужно размять лапы и вдоволь порезвиться на свежем воздухе.

– Оставьте души себе, мне они ни к чему. Дешевый и совершенно паршивый товар, – лениво бросил Шах, бесцеремонно врываясь в разговор. Он медленно качнул головой в сторону Асгетт. – Твоя дочь?

Кула напряглась. У нее и без того был отвратный характер, а от долгого пребывания в местах, где слишком много болтают, она и вовсе зверела. Когда же дело доходило до ее детей...

– Моя, – невозмутимым тоном отозвался Миракс.

И едва ли он лгал: он первым взял её на руки, первым поцеловал в макушку. Именно он дал ей имя, которое не успела подарить умершая мать. Пока овдовевший царь Цэсы едва соображал от горя, дядя сам баюкал дитя и искал ту, что способна заменить малышке родную кровь. Будучи младшим братом-близнецом погибшей, Миракс перенёс эту утрату тяжелее остальных. Он поклялся любить племянницу как собственного ребёнка – в память о Башши, и эту клятву

сдержал сполна. Её он и впрямь любил больше всего на свете, даже больше кровных сыновей.

– Отдать не хочешь? – произнёс Шах так ровно и обыденно, точно речь шла о покупке хорошей лошади на ярмарке.

– Мы связаны пактом, Шах! – Император рывком поднялся на ноги, его голос предательски дрогнул от закипающего бешенства. – Тебе не позволено заключать сепаратные соглашения с врагом!

– Свои обязательства в этой войне я выполнил сполна, – Шах тоже выпрямился во весь рост, упираясь кулаками в столешницу. Нависая над столом, он словно сминал Императора своей массивной фигурой и сверлил союзника тяжёлым, немигающим взглядом. – А вот когда Империя соизволит выполнить свои? М-м? Вот с чего тебе следовало начинать этот разговор. И не смей диктовать мне, что я могу делать, а чего нет.

Крыть Императору было нечем. Он откровенно тянул с обещанной помолвкой, цинично прикидывая, на чей член будет выгоднее насадить свою дочь, обделённую правом на престол. Точно так же, легендарная своим богатством Империя, поскупилась выплатить полную сумму за кровавую работу армии Долины. Война, которую имперцы планировали

как наиболее молниеносную в истории, обернулась для них дорогой бойней в грязи, где золото утекало сквозь пальцы быстрее, чем успевала сохнуть кровь на клинках врагов.

– Каков твой ответ? – голос Шаха прозвучал жёстко и требовательно, не оставляя пространства для маневра и не терпя отказов.

Старик вперил в Миракса неотрывный, давящий взгляд, и эта немая, хищная зоркость выдавала в нем того, кто готов в любой момент перерезать партнеру глотку.

Цина сидел неподвижно, подперев кулаком челюсть, с интересом разглядывая деда.

«У старика точно рассудок помутился», – усмехнулся он, но протестовать не собирался. Перспектива приручить эту девку манила его, будоража кровь порочным предвкушением. Нужно было просто выторговать её на выгодных для себя правах.

– Мы не продаём своих дочерей, Шах, – ответил Миракс, спокойно выдерживая этот испытующий напор. Голос его лился мягко, словно дорогой шёлк, но за этим дружелюбием скрывалась непреклонная воля.

«Расскажи это кому-нибудь другому», – мысленно хмыкнул Цина, прекрасно зная, что у всего в этом мире есть своя цена. Для него отказ Миракса был лишь началом торгов.

– Я не предлагаю банальную продажу... – попытался перехватить инициативу Шах, чуть нахмурившись и неторопливо поправив перстни на пальцах.

Равель чувствовал нутром, что девочку нужно заполнить, какой бы ни оказалась цена.

– Это одно и то же, – наотрез отсекла Кула, не дав ему закончить фразу.

Она подалась вперёд, и в её прищуре промелькнуло нечто настолько первобытное и зловещее, что наступившая тишина сделалась удушающе густой.

– К чему тебе девочка? – словно между делом вступил в разговор царь Саривии, откидываясь на спинку кресла и скрещивая пальцы.

Для него явно не было секретом, что жнецы из-за своей крови почти не способны дать потомство от чужеродных женщин. Любое дитя от такого союза было обречено ещё в утробе. Поэтому интерес Шаха сейчас выглядел крайне по-

дозрительно – ведь девица из диких земель не способна была принести даже того малого, что обычно ценилось в союзах: ни золота, ни статуса. Вопрос царя Саривии теперь звенел как обвинение в скрытых и опасных намерениях.

– Для созерцания. В Долине не растут красивые цветы, – произнес Шах с такой безупречной, почти правдоподобной печалью, что в нее действительно можно было поверить. – Неужто и ты возжелал в свои сады столь редкую диковину?

– Мы не покупаем чужих дочерей, – ответил властитель Саривии, и на его губах заиграла снисходительная улыбка. – К счастью, у нас достаточно собственных.

Цина со стороны наблюдал за этим обменом любезностями и внутри него всё сильнее закипал азарт. Пока старики мерились гордостью своих государств, девка по-прежнему оставалась ничьей.

– Боги, да пусть забирает! – Артра расплылась в широкой, предвкушающей улыбке, весело зыркнув на правителя Каменной Долины. – Даром отдадим, ещё и сверху приплатим.

Лишь привычно вздохнув, Асгетт продолжила своё занятие. Родственники бы и самой Бездне её продали, исключительно ради удовольствия лицезреть, как древнее зло будет

на коленях умолять о пощаде и просить забрать это чудовище обратно.

В зале на мгновение воцарилась оторопелая пауза: никто не ожидал, что в разгар тяжелейшего политического кризиса эта семейка начнёт откровенно забавляться.

– Принесите, – словно не обращая внимания на назойливый шум, скомандовал Миракс, коротким жестом отсекая лишние разговоры.

Из тех же дверей, что впустили Хранителей, безмолвно вынырнула вереница крепких носильщиков. Они тяжело, хрипло дышали, сгибаясь под непомерным весом исполинских сундуков, накрытых плотным, лёгшим глубокими складками рубиновым бархатом. С глухим, сотрясающим пол стуком они расставили свою ношу идеальным кольцом прямо в самом сердце зала Совета, у всех на виду. Медные скрепы на сундуках зловеще блеснули, заставив присутствующих податься вперед.

– Открыть, – упало в звенящую тишину короткое слово.

Стало отчётливо слышно наглое жужжание одинокой мухи, потирающей лапки где-то под сводчатым потолком. Рубиновый бархат с тихим, шуршащим вздохом спал на пол, и

зал коллективно ахнул: сундуки были до самых краев набиты чистейшим кальсом.

Вместо жалких, мутных осколков внутри лежали массивные камни, пульсирующие неземной, глубокой голубизной. От этого холодного свечения, затопившего зал, тени у стен сделались угольно-черными, а воздух над сундуками едва заметно задрожал, словно от невидимого жара.

Свита, жмущаяся у стен, жадно вытягивала шеи, всматриваясь в сокровище безумными, голодными глазами. Имперские вельможи оцепенели, застыв со слепыми, остекленевшими взглядами, а у главного советника при виде этого немыслимого достояния едва ли не капала слюна на расшитый воротник. Каждый в этом зале понимал: в сундуках лежало богатство, превосходящее горы имперского золота, — чистая, ослепительная власть.

— Ровно столько же мы даруем великой Империи сверху, если прямо сейчас на стол ляжет договор от Павиры и Три-ты, а вы его незамедлительно подпишете, — в голосе Миракса не было никакого торжества, лишь непоколебимая уверенность.

Собственное потрясение скрыть не удалось: Цина застыл, не в силах отвести взгляда от сундуков. Его глаза ещё нико-

гда не распахивались так широко – до ломоты в веках, до рези. В горле мгновенно пересохло, будто он разом проглотил горсть раскалённого песка, и язык прилип к нёбу, отказываясь шевелиться.

Кальс выглядел живым, пульсирующим и притягательным – в его сапфировых глубинах томились настоящие души. Они перетекали и беззвучно кричали, запертые в гранях, точно насекомые в янтаре. Те жалкие крохи камня, над которыми веками тряслась казна, и близко не излучали подобной магии. Откуда у них такие запасы?

Мысль билась в черепной коробке, точно пойманная птица, и не находила ответа. За это богатство можно было купить весь мир, причём вместе с обитателями – и сделать это дважды.

Взгляд его инстинктивно метнулся к девчонке. Мозг уже пытался высчитать её новую, поистине астрономическую стоимость. Но холодный блеск камней безжалостно развеял его амбиции: с такими ставками ему придётся просить саривийского принца войти в долю и скинуться по-братски. Сбережений Долины не хватило бы даже на то, чтобы выкупить право просто дышать с ней одним воздухом.

– Так что же? – Миракс наслаждался затянувшимся молча-

нием, медленно обводя взглядом замерших имперцев и намеренно затягивая их пытку. – Этого будет достаточно, чтобы с лихвой окупить все потери Империи?

– Достаточно, – тихо и хрипло признал Император.

Он нервно откашлялся, но его взгляд оставался прикованным к пульсирующим сапфировым глубинам, а в расширенных зрачках одержимым блеском отражалось это сияние. Гипнотический свет сокровищ мгновенно затмил и растоптал всю его гордыню, превратив могущественного владыку в безвольную марионетку, готовую предать всё ради одного прикосновения к этим камням.

Артра плавно, с кошачьей грацией выложила на стол заранее подготовленный пакт. Делегация Павиры прописала каждое слово ещё до того, как переступила порог храма. Трита же хладнокровно добавила свои условия под шумок, пока Хранитель усыплял бдительность зала чтением имперских свитков. Всё было оговорено, просчитано до секунды – идеальный политический капкан. И он сработал.

Император, одурманенный зовом кристаллов, даже не вчитался в текст. Один из Хранителей безмолвно шагнул вперёд и, взяв с заваленного оружием стола ритуальный клинок, поднёс его правителю. Дрожащими пальцами владыка

перехватил рукоять, покорно полоснул по ладони и тяжело припечатал окровавленную руку к пергаменту, навсегда скрепляя чужую победу своей кровью.

В зал доставили новую партию кальяса, при виде которой даже у бывалых воинов перехватило дыхание. На этот раз обошлись без сундуков: огромные глыбы, замотанные в грубое сукно, с тяжелым, оглушительным стуком опустились прямо на столешницы, заставив затрещать массивную мебель. Но когда покровы были сорваны, зал содрогнулся от ужаса.

Под полупрозрачной сапфировой толщей пульсирующего минерала застыли имперские воины. Их лица исказила немая агония – они ещё не успели до конца обратиться в камень, оставшись на границе между жизнью и вечным пленом. Сквозь кристаллическую плоть зловеще просвечивали жилы и широко распахнутые, остекленевшие глаза.

Тощий советник Империи издал сдавленный хрип и в приступе панического безумия принялся судорожно срывать с собственного воротника драгоценности, словно те внезапно начали жечь ему кожу. Его пальцы в кровь раздирали дорогую ткань, а сорванные камни со звоном раскатывались по полу.

– Они ещё не готовы, – негромко произнес Миракс, и на его губах заиграла тонкая усмешка, в сиянии кальса обнажив острые, неестественно белые клыки. – Придётся запастись терпением. Но вы можете предать своих людей земле, как и завещали ваши исконные обычаи.

Он медленно поднялся, и тёмная одежда бесшумно скользнула по полу. В абсолютной, парализованной ужасом тишине был отвешен безупречный, церемонный поклон:

– Договор исполнен. Отныне в мире нет никого богаче Императора.

Правда, теперь проклятые камни вряд ли кто-то решится купить. Но едва ли это было их заботой.

Асгетт, не удивлённая таким исходом, лишь стойко дожидалась, когда всё это закончится, и искоса поглядывала на владыку Империи. Словно надышавшись дурманящих курений, он замороженно и блаженно созерцал блеск кристаллов, полностью отрешившись от реальности.

Не сдержавшись, Цина взорвал тишину, жутко расхохотавшись во весь голос. Поднявшись с места, он торопливо стянул кожаную перчатку и прикоснулся к холодным, шероховатым граням кальса. Обнажённые пальцы скользили по

минералу, и восторг захлёстывал его с головой. У этих гениев извращённой войны определённо стоило поучиться. Они не просто заключили сделку – они заставили Императора выкупить собственную уничтоженную армию. Сработано было настолько чисто и изящно, что неодолимо хотелось зааплодировать, выражая своё почтение, но тяжёлый взгляд деда быстро остудил порыв – за подобную вольность можно было легко схлопотать по затылку.

Брезгливость определённо не входила в число добродетелей и саривийского принца. Он склонился над камнем, беспардонно цокая по нему фамильным кольцом и едва ли не обнюхивая. Глаза горели азартом исследователя, а цепкий, оценивающий взгляд скользил по кальсу, подмечая мельчайшие трещинки и переливы света, играющие на застывшем лице мертвеца.

В этот момент оба престолонаследника, забыв о придворном этикете и царской осанке, больше всего походили на уличных мальчишек, которые нашли на пустыре диковинную, блестящую игрушку и теперь наперебой прикидывали, как её разобрать.

– Ну что ж, раз условия оговорены, полагаю, пришло время расходиться? – неторопливо произнёс Миракс, обводя взглядом присутствующих.

Взор остановился на делегации Вархи, и благодушный тон мгновенно испарился. Лицо исказила суровая, жесткая маска, а в глубине глаз вспыхнул опасный огонь:

– Мы ведь со всем разобрались, не так ли, Владыка?

– Да-а, мы всё реши-или...

Звук не имел ничего общего с речью, и его невозможно было перепутать ни с чем, даже если слышал впервые в жизни. От этого скрежета по стенам зала с треском побежали иглы инея, а пламя факелов испуганно пригнулось к вековой кладке и в один миг окрасилось в грязно-серый цвет. Присутствующие замерли, скованные внезапной судорогой удущья, будто воздух из лёгких разом выкачали; сердца пропустили удар.

Так звучала Бездна. Голодная пустота, лишённая света и надежды.

Правитель Вархи резко дёрнулся. Голова с сухим, отчётливым хрустом наклонилась под неестественным углом, словно шейные позвонки были раздроблены в труху и облик владыки начал стремительно меняться.

Радужки подёрнулись мутной, белёсой пеленой, став похожими на бельма дохлой рыбы, выброшенной прибоем на берег. Он со свистом приоткрыл рот, точно из лопнувших кузнечных мехов вырвался воздух, и по подбородку, заливая расшитую грудь одеяния, густой струёй хлынула вязкая чёрная кровь. Она была почти смоляной и стекала медленно, тягуче, оставляя на коже глянцевые дорожки.

В то же мгновение просторный зал заполнил удушливый, тошнотворный запах – сладковатый смрад разложения.

За столом вспыхнул хаос. Присутствующие с грохотом повалили стулья, отпрянув от покойника, причем советники из делегации Вархи побледнели и попятились быстрее остальных – для них перерождение их владыки обернулось чистейшим кошмаром.

Среагировав первым и рванувшись вперед, Цина со скользким металлическим скрежетом выхватил собственный клинок с заваленной оружием столешницы, отчаянно призывая послушные ему тени. Чёрные сгустки тут же отозвались на зов, с яростным шипением расползаясь от его ног по каменным плитам.

В этот миг он как никогда остро, до боли в каждой жиле, ощутил дикое, животное желание выжить. Но не успел

он сделать и шага, как железная хватка деда сомкнулась на его запястье, будто стальные кандалы. Старик посмотрел тяжёлым, предостерегающим взглядом, приказывая не делать глупостей.

Шах знал: против Бездны сталь бесполезна.

– Для трупа он сохранился на удивление недурно. И сколько же времени ты уже гнездишься в этой падали, дрянь? – Раа'си Ра'ми даже не шелохнулась.

Её голос прозвучал ровно и бесстрастно, в нём не было ни единой ноты удивления или страха – лишь глубокое, брезгливое отвращение к существу, посмевавшему нарушить их покой. Она смотрела на изрыгающего вязкую кровь мертвеца так, словно перед ней сидел назойливый, грязный нищий, а не древнее зло.

Бездна бы их всех побрала, но потрясения не наблюдалось вовсе. Почти ни у кого. Асгетт и наследник Долины переглядывались, объединённые общим, на редкость идиотским чувством собственной неосведомленности. В этот миг их взгляды скрестились над столом, и в глазах обоих читалось одинаковое ошеломленное: «Ты тоже ни хера не понимаешь?».

Асгетт закрыла глаза и медленно начала считать про себя. Все. Всё. Знали.

Знали тени Первозданных, определённо догадывался хитрый Шах, знала её драгоценная родня и дорогой рогатый друг, что явно не веселья ради облачился в одеяние главы ордена. О, да даже правитель Саривии, судя по его лицу, чего-то подобного ожидал! Радовало во всём этом дерьме лишь одно: на лицах Императора, наследника Долины и делегации Вархи застыла точно такая же маска шока, как и у неё самой. Ну, хвала богам. Столько недоумков в этом пространстве – это уже какая-никакая, а армия.

На фоне безумия среди притихшей свиты Павиры наконец обнаружил себя истинный глава ордена Хранителей. Оказывается, Касарит его не сожрал – старик всё это время сидел в тени, вместе с двумя жрецами, и их пальцы, перемазанные ритуальной сажей, непрерывно складывались в древние, замысловатые знаки.

С тихим шипением символы проступали на стенах и полу, словно нашкодивший в золе кот в попытке улизнуть от метлы оставил отпечатки лап. Такие печати использовали лишь в одном случае – когда на жертвенниках храма заживо сжигали проклятых. Теперь эти знаки нерушимо отсекали твари из Бездны любые пути к бегству.

Древнее зло, сполна насладившись страхом, соизволило ответить.

– Да-авненько... Не-е ломай па-альцы, старик. Не-е помо-ожет, – проскрежетал искажённый голос.

Владыку Вархи разорвало на части. Без крика – тело просто с чавкающим звуком распалось на мельчайшие фрагменты, оросив стол багровой пылью. А из лужи крови, там, где он только что сидел, полезла чудовищная в своей невинности дрянь.

Маленькие, беленькие, обманчиво облачно-пушистые существа лавиной хлынули на опешивших. Твари молниеносно впивались в лица, как могильные черви проникая под кожу и выедавая расширенные от безумного страха глаза.

Зал содрогнулся от пронзительных, истошных криков. Запах свежей крови и вспоротой плоти мгновенно перебил смрад гнили.

Бездна забирала тела и необратимо оскверняла сами души, пережёвывала суть и выплевывала обратно. Поражённые не умирали, но и живыми их назвать было нельзя – они застряли в кошмарном лимбе. Она переделывала их изнутри,

паяла нервы с первобытным грехом, рождая своих покорных слуг заново.

Воздух наполнился оглушительным звоном: во все стороны брызнули снопы искр от стали, вхолостую бьющейся о прочные украшения и кости обращенных. Глаза нещадно резало вспышками наспех поднятых магических щитов. А высоко под сводчатым потолком уже зловеще за клубились, сплетаясь в единую тьму, бесплотные тени жнецов. Никто толком не понимал, что делать, но все пытались хоть как-то отбиваться. Лишь крошечная группа тех, кто явно ожидал подобного исхода, работала с выверенной слаженностью.

Пока Артра и Миракс прикрывали спины теней Перво-зданных, те яростно втискивали своей силой одержимые тела в светящийся, стремительно сужающийся контур из рунических знаков.

На внутреннем рубеже магического кольца слаженно действовали Хранители, глава ордена, воплощенный в его мантии бог Касарит и Кула, обратившаяся и подавлявшая одним своим видом. Високородная публика в зале оказалась перед непростым выбором: они искренне не понимали, кто теперь представляет наибольшую угрозу для их драгоценных жизней.

Рунические печати, увы, лишь сковывали врага, но уничтожить не могли. И всё же заговорщики перехитрили скверну, вовремя сообразив запечатывать мятежные души в кальс. По-видимому, они руководствовались нерушимым правилом: что вобрало в себя однажды, сможет вобрать и вновь.

«Великолепный план, но, сука, неужели нельзя было предупредить?!» — мысленно кипела от возмущения Асгетт, на четвереньках проползая под столом и в кровь отбивая колени в попытках не попасть под шальное заклинание. С высоких сводов зала стеклянным дождём на головы осыпались витражи, выбитые всплесками магии.

Представители Саривии и Павиры отчаянно пытались вывести свиты, спасая паникующую знать от блуждающих тварей, которые явно не желали угодить в круг.

Вынырнув из-под массивного монолита, Асгетт перехватила два клинка, чьи рукояти, увы, больше никогда не встретятся с ладонями своих хозяев. Зато их лезвия с удовольствием впьются в их осквернённые глотки.

Тело само вспомнило, как кружить с парными мечами — так, как когда-то учил её он. Этот смертоносный танец она не забудет никогда, как бы отчаянно ни пыталась. Отточенные

до автоматизма движения на раскаленных песках пустыни въелись в память, словно острые песчинки под нежную кожу.

Шаг. Взмах. Три тела, отравленные Бездной, грузно рухнули на пол. И... три тела с омерзительным хрустом вновь поднялись на ноги.

Попытка пробиться к их сознанию и подчинить волю тоже провалилась – слугам Бездны разум был попросту ни к чему.

У неё определенно что-то шло не по плану.

Наследник Долины резким движением схватил её за запястье, силой отшвырнув в безопасную зону за своей спиной. Единственный взмах тяжелого клинка со свистом разрубил два тела ровно пополам. Третье он рассёк вдоль. Оружие входило в плоть легко, как раскаленный нож в податливое масло.

После такого колоссального урона тварям пора бы окончательно улечься, но те почему-то совершенно не спешили упокаиваться. Густая дымка мгновенно спаивала разрубленные куски плоти воедино, абсолютно игнорируя и откровенно насмехаясь над бесполезным железом.

– Жнец, мы в полном дерьме, – мрачно проронила Асгетт,

глядя в его широкую, напряжённую спину. – Я категорически не хочу умирать девственницей! Сделай уже хоть что-нибудь, чего ты застыл?

Цина обернулся и посмотрел на неё с таким непередаваемым выражением лица, будто он только что покинул первобытную пещеру и впервые в истории столкнулся с женщиной.

– Я сейчас слегка занят, – процедил он сквозь зубы, с влажным лязгом снося голову очередному заново родившемуся. – Я совершенно не против оказать тебе помощь, но давай отложим твою насущную проблему с девственностью на потом. Желательно до того часа, когда нас перестанут пытаться сожрать.

Возмущённая Асгетт уже открыла было рот, собираясь доходчиво объяснить жнецу, что он полнейший кретин. Но закончить мысль не дали. Шах, совершенно не тратя времени на церемонии, стальной хваткой вцепился в их загривки и грубо отшвырнул назад, укрывая у относительно безопасной каменной стены.

Похоже, у этого старца и его внука были одни и те же внутренние склонности к абсолютной беспардонности.

В то же мгновение он вскинул руку, высвобождая сметающий всё на своём пути поток чёрной магии. Клубящаяся тьма ураганом prošлась по залу, буквально сдув наступающие тела обратно к границам круга.

Там Кула, уподобившись огромной inferнальной кошке, на удивление нежно перехватила пастью одну из извивающихся тварей за шкурку и, не обращая ни малейшего внимания на творящийся вокруг беспредел, деловито потащила брыкающуюся добычу к открытым сундукам с кальсом.

– Махать клинками толку нет. Не лезьте, – бросил Шах.

Давящий взгляд красноречиво пообещал: за неповиновение он лично переломает им кости. Убедившись, что приказ усвоен, он стремительно двинулся к мерцающему магическому кругу.

Но как только спина деда отдалилась, Цина резко подался вперёд. Его тени окутали их, словно кокон, и он яростно впился пальцами в плечи Асгетт, жёстко вталкивая её в холодную стену. Её завораживающий танец с парными мечами он уже имел удовольствие наблюдать во время кровавой бойни на границах Павиры.

– Кто ты такая, Бездна тебя побереи? – прошипел он прямо

ей в лицо.

Жнец был напряжен как натянутая до предела струна и поистине дьявольски зол. Настырные, роящиеся в голове вопросы сейчас съедали его воспалённый разум куда сильнее, чем окружающая их со всех сторон смертельная опасность. В этот миг он до дрожи в руках хотел воплотить свои недавние грязные фантазии: грубо подчинить эту девчонку и устроить ей допрос прямо здесь, на залитом чёрной кровью полу.

«Сука, да откуда же ты взялась на мою голову?» – бесился он, глядя в её невозмутимые глаза и тщетно пытаясь разгадать эту загадку.

– Только попробуй сделать так ещё раз, и я вырву тебе кадык, – ледяным тоном процедила Асгетт. – Я понятно изъясняюсь?

Задрав голову, она с вызовом смотрела в красные глаза, не испытывая ни капли страха. Её пальцы отбросили мечи и безжалостно сомкнулись на его запястье, а острые металлические когти легко распороли ткань рукава, предупреждая еще впиваясь в кожу.

Глубоко внутри неё закипала расплавленная медь, угрожая выплеснуться всепоглощающим пламенем. Принцесса

прилагала огромные усилия, чтобы обуздать свой дар и не сжечь этот зал вместе со всеми присутствующими к иблисовой матери.

Похотливая жажда бросить её на колени бесследно испарилась, вытесненная инстинктом самосохранения. Дикий, обжигающий яростью взгляд строптивицы заставил его примириться с фактом, что она никогда не подчинится чужой воле. Девка сомкнёт челюсти, отхватит всё под самый корень и даже не поморщится, сплюнув ошмётки плоти под ноги.

Воздух затрещал от зашкаливающего статического напряжения, заставив двоих отвлечься и резко взглядеться в кипящий хаос сквозь окутавшую их магию теней. Очевидная истина: они вчистую проигрывали эту битву. Осквернённые души с воем бились о барьер рун, яростно отвергая вечный покой в сундуках с кальсом. Изуродованные тела обращённых разрывало на части, и вырвавшаяся из них белёсая дрянь множилась, с бешеной скоростью поглощая свежие жертвы взамен уничтоженных.

Правителя Саривии заживо сжирали на глазах у его свиты и сына – безжалостно, в назидание за малейшую попытку сопротивления. Император теперь лишь жалко ползал по столу, не в силах приподнять собственную тяжёлую тушу: обе его руки были вырваны, а вместо глаз зияли сочащиеся

тьмой чёрные пустоты.

Имперского советника настигла не менее страшная участь – его размазало по полу, будто изувеченную плоть с чудовищной силой швыряли с высоты снова и снова.

Наблюдая за разворачивающимся вокруг кошмаром, Асгетт страшилась сорваться, потеряв контроль над бушующей внутри стихией и добить тех, кто и так из последних сил боролся за жизнь. Чтобы хоть как-то удержать себя в руках, она до глубоких, кровоточащих ран вонзала металлические когти в собственные ладони.

Цина, мысленно уже похоронив и деда, и всех остальных обречённых в этом зале, нервно провёл пальцами по волосам, смахнул с лица рваные пряди, а затем сгрёб девчонку за плечо и поволок к выходу. Точнее, к месту, где раньше находились массивные двери – теперь они валялись на плитах в виде щепок.

Нужно было срочно убираться отсюда. У него не было иллюзий: если уж Шах, тени Первозданных и Хранители не могут справиться с этой бесконечно плодящейся дрянью, то ему там делать точно нечего.

Дикарка упиралась изо всех сил, брыкаясь и пытаясь вы-

рваться. Здоровый прагматизм вопил, что по-хорошему эту сумасшедшую нужно оставить здесь – пусть сама разбирается с Бездной. Но какая-то иррациональная, не пойми откуда взявшаяся потребность не позволяла ему её бросить. Цина просто продолжал волочь её к выходу, уворачиваясь от летящих заклинаний и на ходу рыча сквозь зубы грубые, но отчаянные уговоры не делать глупостей.

Сейчас он берёт каждую каплю своей энергии и сознательно не призывал тьму, чтобы открыть портал – этот резерв сил был их единственным шансом выбраться из храма живыми. Оставалось лишь выбежать наружу и уйти на безопасное расстояние – так, чтобы ни одна изголодавшаяся тварь не успела присосаться, рассчитывая присоединиться в качестве незваного попутчика.

Едва добравшись до прохода, он уже мысленно прикидывал, как половчее закинуть строптивую девку на плечо, чтобы наконец прибавить шагу. Но замыслам не суждено было осуществиться: он с размаху влетел в очень высокую фигуру, внезапно выросшую на пути.

Отшатнувшись от неожиданности, Цина поднял голову и уставился в потемневшие, отливающие медью глаза. Незнакомец медленно, оценивающе перевел взгляд со жнеца, крепко сжимавшего девчонку, на неё саму.

Здесь, под безмолвными и строгими ликами богов, Цина интенсивно соображал, как выкрутиться. Он уже готов был вдохновенно лгать, уверяя этого мужчину – а это, без сомнения, был отец девчонки, ведь только познавший счастье отцовства способен смотреть с такой смесью ярости и обречённости, – будто юная девица сама вцепилась в него мёртвой хваткой. Но под этим давящим взором Цина не только не разжал пальцев, а напротив – стиснул ещё сильнее. Гордость не позволила уступить в безмолвной дуэли.

– Начинайте, что встали, – скомандовал властный голос откуда-то поодаль.

Взгляд Цины метнулся на звук, и он непроизвольно стиснул девчонку с такой силой, что та издала тонкий, обиженный писк. Всего в паре шагов от них, скрестив руки на груди, стоял второй мужчина, полуобнажённый. Его глаза были полностью залиты жидким, сияющим золотом, а волосы и черты лица с зеркальной точностью повторяли облик пищащей в его руках девицы.

Незнакомец с медными глазами, в которого Цина врезался секундой ранее, царственным жестом прервал затянувшуюся паузу и отдал приказ:

– Дарий, на тебе Асгетт.

Не успел наследник Долины даже запомнить имя, как перед ним возник ещё один, черноволосый молодой воин. Знаки рун на стенах и полу зашипели перед его поступью а пронзительные изумрудные глаза полыхнули холодной решимостью. Одним, не терпящим возражений движением он вырвал пленницу из внезапно онемевших пальцев Цины.

Заслонив её широкой спиной, он уверенно увлёк девицу прочь от опасного прохода. Остальные прибывшие – а их оказалось немало – хлынули мимо жнеца в зал, где вовсю бушевало кровавое пиршество. На застывшего никто не обратил ни малейшего внимания: для них он, судя по всему, был не крупнее муравья, случайно затесавшегося под ногами.

За спиной тут же раздался оглушительный визг тварей, что сознание на миг померкло, а из ушей толчками хлынула кровь. Разум ещё не успел зафиксировать эту вспышку боли, когда в лопатки тяжело ударило свирепое, обжигающее пламя. Мощная взрывная волна выбила воздух из лёгких и швырнула Цину ничком на холодные, растрескавшиеся плиты, придавив к полу невидимым прессом.

Древняя кладка не выдержала удара: массивные своды с грохотом и треском оседали вниз, а некогда нерушимые сте-

ны лабиринта коридоров на глазах истончались и превращались в прах, осыпаясь, словно песчаные замки под натиском штормового прилива.

А затем всё стихло. Навалилась оглушительная, абсолютная тишина, в которой растворились и крики, и грохот камней.

Глава 9

«В быстрых победах, купленных бесчестьем, нет ни благородства, ни улады. Истинная победа знает цену выдержке, предпочитая играть вдолгую, медленно иссушая напиток в красивом кубке, крепко держа его основание, лаская тонкими пальцами и властно очерчивая ребристые грани. Её же сосуд, при всей претензии на изящество, – дешёвая поделка. Грубая шлифовка краёв режет нежную кожу, выдавая посредственность мастера, а скол в основании крадёт каждую каплю. И не получить удовольствия от того, что никогда не наполнить и из чего никогда не напиться. А красота, которая не может удержать суть, неизбежно становится лишь россыпью острого мусора».

Дарий закрывал её собой, оттесняя к стене, подальше от содрогающихся колонн. Но когда их накрыло волной дикой, яростной отцовской магии, оба пошатнулись и тяжело осели на пол. Воздух превратился в раскаленное пекло. И в этом жару, сквозь грохот падающих сводов, в сознание вцепились воспоминания, которые она так долго и отчаянно пыталась похоронить. Память безжалостно швырнула её назад, в прошлое...

В свои шесть лет юное дарование целиком легло на плечи отца. Четырнадцать отборных вояк, не робевших перед царской плахой, со слезами молили избавить их от почётной роли её телохранителей.

Девчонка владела уникальным навыком: она ломала психику даже ветеранам: слабакам хватало часа, самые стойкие держались неделю. У Вхара наконец-то перестал дёргаться глаз – нерв просто сдался и отмер. Окончательно.

На этом фоне ему стало глубоко плевать на мёртвые земли и ядовитые болота, где его любимая доченька чуть ли не вила гнездо. Теперь дитяtko нашло себе ещё одну забаву: виртуозно испаряться из-под носа охраны и шляться по бескрайним пескам.

Но пустыня казалась безжизненной лишь на первый взгляд. Там скрывались создания, чей уровень коммуникации сводил на нет любые таланты малышки. У местных обитателей напрочь отсутствовал как речевой аппарат, так и чувство юмора – они предпочитали жрать жертв в неловком молчании и без долгих прелюдий.

И призвал царь воина, чьё имя было Кана. Тот был выходцем из проклятых, забытых богами земель на самом краю пустошей – мест, где из зыбучих песков, словно из штормо-

вых морских глубин, с хриплым клёкотом выныривали исполинские буревестники, пожирающие всё живое.

Кана не имел ни дворянского герба, ни родословной, но равных ему в бою не существовало, и вряд ли они скоро появятся на свет. Непревзойденный. Смертоносный.

Его дар внушал ужас: одного лишь взгляда хватало, чтобы с треском переломать врагу кости, порвать натянутые сухожилия или раздавить сердце невидимым кулаком прямо в грудной клетке. Он казался воплощением первозданного хаоса, запертым в оболочке абсолютно безразличного молчаливого бойца.

Вхар добрых три десятка лет был свято уверен, что он немой от рождения. Кана никогда не задавал вопросов, не ведал страха и приступал к исполнению приказов ещё до того, как царь успевал закрыть рот, без тени сомнения марая руки в самой чёрной и кровавой грязи.

Именно поэтому сейчас перед ним маячила должность главнокомандующего личной, элитной гвардией Вхара. Цена вопроса? Всего-то взять под свою безраздельную ответственность единственную царскую дочь. Сущие пустяки, всё равно что плюнуть в разинутую, полную бритвенно-острых зубов пасть буревестника.

Воину был нужен этот статус. Царю же позарез требовался монстр, у которого не поедет крыша от выходок его милого

ребёнка.

Кана жил уже больше тысячи лет. Ни дома, ни жены, ни потомства. Казалось, у этого древнего воина атрофировались любые потребности, кроме слепого служения.

Однако Вхар не зря носил свою корону: царь был дьявольски хитёр и проницателен. Он довольно быстро выяснил, что его, казалось бы неприступный боец, питает тайную, но пылкую страсть к дочери главы второго по величине и богатству рода в Цэссе, которая к тому же приходилась монарху двоюродной племянницей.

Чтобы назвать такую высокородную женщину своей, Кане отчаянно нужны были реальная власть и громкий титул. Ни один здравомыслящий отец не отдаст свою привыкшую к немислимой роскоши любимицу простому наёмнику.

В этом прагматичная Цэсса разительно отличалась от остального Венца, где знатных девиц готовы были выдать хоть за пустынного скарабея, лишь бы тот согласился взять их в жёны. А вот главнокомандующему, добившемуся исключительного личного расположения Вхара и ставшему официальным опекуном будущей властительницы, девушку отдадут без малейших раздумий. Более того, её семья посчитает такой союз величайшей честью.

Воин дал согласие и продержался дольше любого из своих предшественников. К исходу третьей недели, когда все дикие выходки разбились о глухую стену его равнодушия, Асгетт зашла в полный тупик: Кана не реагировал на провокации, не отвечал на тысячи изматывающих вопросов и оставался лишь безмолвной тенью за её спиной. Очень большой тенью.

На него не действовало ничего. Асгетт всё чаще ловила себя на мысли, что если начать отрезать ему конечности, этот истукан не только не издаст ни звука, но даже не поменяется в лице.

На третий месяц до Асгетт дошло, что её излюбленный трюк с побегом тоже больше не работает. Кане не нужно было гоняться за ней по барханам – он останавливал беглянку на полном ходу одним лишь взглядом, даже не поднимая руки.

Этот ходячий монолит позволял ровно то, что было санкционировано владыкой Цэссы. Ни шагу влево, ни шагу вправо. Эскорт до токсичных касаритовых рек и немедленная конвоировка домой. Шалости официально закончились, уступив место суровой армейской дисциплине.

Спустя год слегка подросшее и набравшееся ещё большей наглости дитя всё-таки ухитрилось улизнуть, желая воочию узреть пустынных тварей. План был идеален, вот только Кана отыскал беглянку неприлично быстро и попросту приволок обратно во дворец за шкуру.

Вхар балансировал на грани инсульта, но старался не орать. Видят боги, очень старался. Бить любимое чадо он не мог физически, но царский гнев требовал выхода, и вся его тяжесть обрушилась на того, кто «не уследил».

Асгетт начала пакостить с удвоенной силой, назло своему надзирателю, но Кана лишь молча и равнодушно принимал экзекуции за это хитрое создание.

И его тактика сработала.

К восьми годам в капризной детской головке внезапно случился приступ эмпатии и зашевелилось нечто похожее на совесть. Малышка вдруг осознала, что если она продолжит в том же духе, её личная нянька скоро попросту останется без головы.

Резонно рассудив, что этот телохранитель, в общем-то, не так уж и плох, юная интриганка сменила гнев на милость. Она свернула боевые действия, начав прощупывать почву

для переговоров.

Договариваться с тем, кто молчит, оказалось той еще задачей. Поэтому Асгетт пошла на хитрость: уговорила отца назначить Кану не только телохранителем, но и её личным наставником, наивно полагая, что звон стали заменит им слова.

Вот только Кана оказался на редкость дерьмовым собеседником: он бил очень больно. Воин сражался парными мечами, раз за разом заставляя свою подопечную буквально жрать песок.

Асгетт, до этого свято верившая в свою гениальность, быстро смекнула, почему раскидывала прошлых учителей – те до дрожи в коленках боялись поставить синяк дочери самого царя. Кана же не боялся вообще ничего. Зато именно этот беспощадный ублюдок заложил в неё ту самую базу, вбил на уровне рефлексов нужные движения и звериную реакцию, которая отличает живого воина от мертвого.

В десять лет Кана впервые позволил Асгетт выйти в настоящие пески. И впервые заговорил. Наследница огненной Цэссы буквально подскочила от неожиданности.

Его голос прозвучал подобно ветру, рождённому на скалистых вершинах. В нём не было суеты – лишь бескрайний, пугающий своей глубиной простор. Низкие ноты рокотали, точно далёкий гул в ущельях, выдавая первозданную, стихийную мощь. Каждое слово лилось свободно, перетекая из глухого, завораживающего шёпота в уверенный гул. Это был голос того, кто привык говорить с самой тишиной, – прохладный, властный, подчиняющий мысли и заставляющий вслушиваться в каждый обертон, словно в затишье перед великой бурей.

– Будешь витать в облаках – в этой пустыне и подохнешь, принцесса.

Такова была его первая мудрость, высказанная ровно в тот момент, когда он буднично добивал мечом клыкастую тварь. Ту самую тварь, которую девочка наивно сочла почившей и как раз собиралась через неё перешагнуть.

С того момента всё наконец-то встало на свои места. Нет, Кана всё так же предпочитал молчать. Но Асгетт внезапно открыла для себя особую, завораживающую прелесть этой тишины.

Она научилась ценить безмолвие ночной, звёздной пустыни, когда весь мир вокруг словно замирал, пока они сидели у потрескивающего костра. Ей нравились их длинные, понимающие переглядки сквозь танцующее пламя, в которых читалось больше, чем в любых словах. Увлекали и игры в карты, и его редкие, но меткие ответы на её колкие шутки, от которых на лице девочки разливалась искренняя улыбка.

Асгетт могла рассказать ему о любых переживаниях, не боясь услышать осуждения или пустые наставления. Могла уснуть в его тяжелом, пахнущем костровым дымом плаще прямо на остывающих песках, зная, что он чутко будет охранять её сон до самого рассвета. В этом молчании родилось нечто большее, чем просто привычка – там зародилось абсолютное, непоколебимое доверие.

Вхар был в неописуемом восторге от того, что ему больше не нужно регулярно пороть своего лучшего воина. За время этих экзекуций он настолько привязался к стоическому стражу, что почти признал в нём собственного сына.

Теперь Кану в обязательном порядке таскали на семейные обеды. Он присутствовал на них с мрачным энтузиазмом приговорённого, идущего на эшафот, но Вхар был непреклонен. Он резонно объяснял, что к высшему обществу нужно привыкать: на носу была помолвка, а там многочисленная и напыщенная родня невесты живо присядет на голову, если не уметь правильно держать вилку.

Перед ним теперь распахивались любые двери, на него щедро, словно из рога изобилия, сыпались богатые земли и громкие титулы. Но любой белой полосе свойственно заканчиваться резким, сокрушительным падением в бездну.

Отдельного внимания заслуживала Ульра, без пяти минут законная жена Каны. Кузина Асгетт никогда не отличалась кротостью: эта тщеславная особа и прежде смотрела на принцессу свысока, демонстративно плюя на субординацию. Она намеренно закрывала глаза на то, что Асгетт – не просто родственница, а будущая единоличная Властительница, чей трон Ульре никогда не суждено было занять.

Подобная наглость сходила ей с рук благодаря негласному покровительству Мору. Матриарх рода питала к родной внучке лютую ненависть, превосходящую даже неприязнь к её покойной матери и царице Виссе. Мору приводила в бешенство сама мысль о Венце, чьим покорным княжеством Цэсса должна была стать после восшествия Асгетт на престол.

Впрочем, царь Вхар быстро пресёк эти дворцовые игры и жестко указал своей матери её место. Защищая дочь, которую он любил до безумия, правитель не моргнув глазом отправил бы на плаху самую прародительницу.

Но Мора всё же успела нанести удар исподтишка: именно она уничтожила былую дружбу между Асгетт и Ульрой, вырвав с корнем любые теплые чувства между кузинами. Мелкая, но болезненная месть удалась.

Теперь же Ульра, став невестой главнокомандующего, регулярно капала сладким ядом сомнений на сердце жениха. И это сработало: Кана под благовидными предлогами самоустранился от обязанностей личного телохранителя принцессы. Отныне они виделись лишь в протокольной суе официальных собраний или в блеске шумных пиров. И там великий полководец, не раз бросавший вызов самой смерти,

с болезненной тоской опускал голову, не смея встретиться взглядом с той, кого клялся защищать.

Однако подлинная точка кипения была пройдена в день тринадцатилетия Асгетт. Именно тогда угловатый, нескладный подросток начал стремительно расцветать, превращаясь в прекрасную юную деву.

Её очарование мгновенно затмило всех признанных красавиц во дворце, и этого хрупкое, раздутое непомерной гордыней эго Ульры вынести не смогло – оно дало трещину. Не выдержав даже воображаемой конкуренции с подрастающей кузиной, взрослая невеста окончательно потеряла лицо и сорвалась в полномасштабную, неконтролируемую истерику, обнажив свою истинную, завистливую натуру.

Спустя годы Асгетт уже никогда не сможет вспомнить дословно всю ту омерзительную грязь, что выплеснула на неё кузина, подкараулившая её в неосвещенном коридоре дворца, пока в тронном зале гремел разгар её же собственного праздника.

Но в память, словно раскаленным тавром, въелись слова про её шлюху-мать, которая когда-то нагло, бесчестно увела царя из-под носа достойной, благородной женщины.

В мозг навсегда врезалось презрительное змеиное шипение о том, что принцесса всего лишь жалкая чужачка. Ей никогда не стать истинной дочерью огня и песка, и её законное место – там, под подолом бабки в далекой Ца'трии, откуда таким выродам лучше вообще не высовываться.

Но самым сокрушительным ударом, прозвучавшим с безразличной, уродливо искаженной от злобы ухмылкой, стало заявление: Асгетт – лишь капризная, избалованная пустышка. Вся её расцветающая красота это дешевая пыль в глаза, скрывающая пустоту.

А позорное отсутствие истинного родового дара, той самой магии, что испокон веков передавалась исключительно первенцам первенцов, является неоспоримым, словно выжженным на её судьбе клеймом. Эта никчемная девка по самому праву своего рождения не достойна ни носить тяжелую корону Цэссы, ни осквернять своим существованием имя их великого, древнего рода.

Ульра резко подалась вперед, хищной птицей нависая над девочкой, и с безжалостной силой вцепилась в лицо Асгетт. Грубо заставив ошеломленную принцессу смотреть себе прямо в глаза, она с откровенным садистским наслаждением, словно выплевывая каждое слово в замершую от шока жертву, добавила, что Кана люто ненавидит свою бывшую

бестолковую подопечную.

По её заверению, он терпел эту мелкую гадину исключительно из преданности своей ненаглядной невесте и ради сохранения высокой должности при дворе. Судя по этой исповеди, вечно молчаливый защитник оказался на удивление разговорчивым в жарких объятиях любимой, делясь с ней каждым секретом и высмеивая слепую, наивную привязанность юной принцессы.

На самом деле кузина просто изнывала от ревности и панически боялась, что тысячелетний воин однажды проникнется чувствами к стремительно расцветающей царской дочери и навсегда забудет свою нынешнюю избранницу. Асгетт прекрасно видела этот жалкий, разъедающий душу страх, а потому хранила молчание: к чему что-то доказывать той, что уже проиграла схватку в собственной голове?

Но Ульра, ослепленная этим высокомерным игнорированием и опьяненная мнимой безнаказанностью, решила пустить в ход свой родовой дар. Ей отчаянно хотелось напугать, возвыситься и наглядно показать, где место таким бездарным выскочкам. Душная, тяжелая буря её магии невидимой волной хлынула в коридор, безжалостно перекрывая кислород.

Однако даже поистине царскому терпению приходит конец. Вместо ожидаемых слез, паники и унижительных мольб, Асгетт со всей скопившейся яростью ударила кузину по лицу.

Этот выпад оказался настолько сильным и неожиданным, что Ульра с глухим стоном повалилась на каменный пол, беспомощно и нелепо путаясь в подолах своего роскошного, пышного платья.

Кана влетел в отдаленное крыло подобно разрушительному урагану. Его звериное чутье первым уловило всплеск такой знакомой силы. Ульра, мгновенно сориентировавшись в ситуации, картинно залилась слезами. Она судорожно прижала дрожащую ладонь к стремительно опухающему лицу. Виртуозно прикидываясь несчастной, совершенно беззащитной жертвой, она с тихим, надрывным всхлипом бросилась к будущему мужу и уткнулась в его широкую грудь, прерывисто шепча слова жалобы.

А глубоко внутри неё уже расцветало торжество. Кузина не испытывала ни малейшего страха. Что ей посмеют сделать? Кому вообще поверят в этом змеином гнезде? Неужели взбалмошной девчонке-полукровке, рожденной от ненавистной чужачки, которая одним своим существованием раздражала весь двор?

Или же безоговорочно отдадут предпочтение ей – идеальной аристократке, безупречной дочери и истинной гордости одного из величайших домов Цэссы?

Только вот Ульра немного просчиталась в масштабах катастрофы. Совершенно не желая разбираться в случившемся, Кана в то же мгновение вынес свой безапелляционный приговор: капризная гадина просто решила избавиться от его невесты, поскольку не хотела отпускать от себя покорную игрушку.

Многовековой панцирь равнодушия раскололся. Идеальный солдат сорвался, в одну секунду превратившись в ослеплённого яростью палача. Он ударил Асгетт наотмашь с такой животной силой, что на нежной девичьей скуле мгновенно раскрылось глубокое, кровоточащее рассечение.

А в следующее мгновение он жестоко схватил тринадцатилетнюю принцессу за горло. Больно сжав на её шею свои железные пальцы, Кана вздернул девочку вверх, заставляя смотреть прямо в свой налитый кровью взгляд. Его разрушительный дар буквально рвал ребёнка изнутри на части: кости с жутким, тошнотворным хрустом смещались под кожей, а сердце мучительно сжималось в невидимых стальных тисках, готовое вот-вот разорваться от невыносимой, всепо-

глощающей боли.

Она смотрела на него, задыхаясь от отчаяния. А в его прежде красивых глазах цвета золотистого, согретого южным солнцем миндаля, сейчас плескались лишь чистое отращение и неприкрытая ненависть.

Этот некогда тёплый, родной взгляд, всегда даривший ей чувство полной безопасности, теперь стал безжалостным подтверждением каждого слова кузины. И в этот миг Асгетт поняла: её верный страж убил бы её прямо здесь, даже не дрогнув.

Но в это мгновение случилось то, чего не предвидел никто.

Древний, дремавший в крови дар не нуждался в приказах, когда будущей властительнице угрожала смерть. Раскаленный, ревущий первозданный огонь магмой хлынул по венам, впервые в полный голос заявляя о себе. Он неоспоримо демонстрировал, чьим продолжением она является по праву рождения, и где на самом деле место всем остальным.

Ослепительная, необузданная стихия вырвалась наружу сплошной стеной пламени, с чудовищной силой отшвырнув некогда верного стража и зазнавшуюся кузину прямо в

массивную каменную колонну. Сухой, отчетливый хруст ломающихся рёбер мгновенно потонул в оглушительном гуле безумного пламени.

За считанные секунды стихия жадно набросилась на роскошные интерьеры дворца, буквально выжигая дотла и безжалостно стирая всё крыло с лица земли. И в этот миг что-то внутри девочки безвозвратно надломилось, навсегда уступая место холодной стали.

Тяжёлый, судорожный вдох до краев наполнил легкие едкой гарью. Рваный выдох со свистом вырвался сквозь плотно стиснутые зубы.

Мерный стук кованых сапог царской гвардии уже эхом отдавался по задымленным дворцовым коридорам, неумолимо приближаясь к эпицентру катастрофы.

Она медленно выпрямилась среди бушующего пожара и была полностью готова ко всему, что последует дальше.

Сжавшись в комок в задымленном углу, Ульра с опозданием осознала всю глубину пропасти, в которую только что рухнула. Иллюзии рассеялись, обнажив страшную участь, ожидавшую их. Игры закончились. Придворные интриги и статус древних родов больше не имели веса. Здесь, на пепе-

лице, решать будет только Царь.

И кому же поверит Вхар? Какой-то девице из боковой ветви своего семейства или родной, до безумия любимой дочери-наследнице, на которую только что было совершено покушение и в которой пробудилось истинное пламя?

Ответ был очевиден: разъяренный отец не побрезгует ничем. Он лично, безжалостно вспорот сознание и ей, и Кане, по капле вытягивая подлинную правду из их изломанных разумов. А после – просто снесёт им головы, ни на секунду не побоявшись последующих скандалов. Их казнь будет скорой. Унизительно, на глазах у всего двора.

Наверняка в этот миг кузина бы с рыданиями приползла в ноги Асгетт, униженно умоляя о пощаде, если бы липкий, первобытный ужас окончательно не парализовал её тело, а сломанные ребра позволили сделать хотя бы один судорожный вдох.

Как жаль, что эта обгоревшая сука сейчас не могла произнести ни слова – из её горла вырывался лишь жалкий, сиплый и кровавый хрип. Асгетт очень уж хотелось послушать, какую изошренную ложь она попыталась бы спеть своему царю.

Пока виновников конвоировали в тронный зал на потеху ошеломленным придворным, принцесса, едва переставляя дрожащие ноги, лелеяла в затуманенном болью уме одну-единственную мысль.

«Капризная, избалованная пустышка? Что ж... пусть будет по-вашему».

Она никогда не лгала отцу и не опускалась до жалоб. Хотя пожаловаться, видят боги, было на что.

Асгетт окинула холодным, презрительным взглядом кузину, скулящую у подножия трона от боли в сломанных ребрах, а затем перевела внимание на своего бывшего стража. Тот не попытался открыть рот в свою защиту, не издал ни единого звука. Он просто ждал, когда, по его мнению, эта капризная, мстительная гадина наплетет Царю с три короба, извратив все факты, чтобы окончательно растоптать честь его невинной невесты и его собственную гордость великого воина, лишь защищавшего свою любовь.

Кана покорно ждал неминуемой казни, обреченно опустив голову и невидящим взглядом уставившись в мрамор пола. Глядя на этого сломленного героя, Асгетт почувствовала, как внутри, под наспех возведенной броней, что-то болезненно дрогнуло. Неприятно, тягуче и невыносимо горько.

И тогда, шагнув к отцу, она впервые в своей жизни солгала.

На немой, полный шока вопрос владыки Асгетт надменно вскинула подбородок и ответила, что вина за этот погром целиком лежит на ней. Она ледяным тоном заявила: её высочество просто вывело из себя то, что какая-то неуклюжая невеста, витающая в облаках предстоящего торжества, посмела случайно толкнуть её в тесном коридоре.

Жестко отрезав, что извиняться за такую нелепую глупость и минутную вспышку гнева она не собирается, принцесса развернулась и гордо покинула тронный зал под перепуганные, судорожные перешептывания замершей толпы.

Маска капризной дуры села на её лицо идеально, не оставив ни единого зазора. Она их пожалела.

Вхар отнюдь не был идиотом. Во всем огромном дворце отродясь не было тесных коридоров. Он прекрасно видел и рану на лице дочери, и то, что она откровенно лжет.

Древняя магия крови никогда не пробуждается от банальной девичьей обиды. И как бы капризна ни была его наследница, до такого безумия ещё не доходило – никто в здравом

уме не станет обращать целое крыло в дымящийся пепел из-за пустякового толчка в плечо.

Едва сдерживая гнев, готовый прямо сейчас вырваться наружу и устроить в тронном зале еще один разрушительный пожар, Вхар молча проводил взглядом прямую, но измученную спину дочери.

Тонкая, мрачная ухмылка тронула его губы, когда до него дошел истинный смысл её публичного милосердия. Что ж, иногда оставленная жизнь оборачивается самой изощренной пыткой.

Пусть будет по-твоему.

Воспользовавшись суматохой, Асгетт, обойдя все посты, бежала без оглядки, не разбирая дороги, пока не достигла самой границы мёртвых пустошей. Лишь оказавшись у обрывистого берега ядовитых черных вод, она позволила себе окончательно сдаться.

Девочка рухнула на холодную землю и зарыдала в голос, отчаянно выплескивая невыносимую физическую боль, разрывающую тело, и жгучую, отравляющую обиду. Она кричала так громко и надрывно, что даже души в реке на миг засомневались в масштабах собственных печалей и страданий.

В ответ на этот зов абсолютного отчаяния из бурлящей темной воды соткалось древнее божество. Огромный, пугающий других, но такой родной для нее друг не произнес ни слова. Он просто тяжело опустился рядом и свернулся гигантским клубком в точно такой же позе, что и плачущая навзрыд девочка.

Отрезая малышку от жестокого мира, Касарит надежно укрыл её от колючего ледяного ветра и лживых предателей. Под этой нерушимой, дышащей мистической броней Асгетт провела долгих пять дней, исцеляя растерзанное тело и в тишине выковывая себе новую душу.

Царица Висса и царь Вхар подняли на уши всех, кто был способен держать оружие, и сами, обезумев от отчаяния, сутками бродили по мертвым землям в поисках единственной наследницы.

Но когда беглянка наконец явилась, от прежнего ребёнка не осталось и следа. Она хранила молчание, игнорируя всё вокруг: и панические расспросы, и ласковые слова. Там, на берегу черной реки, она навсегда утопила свою ненависть, пустые тревоги и наивные детские привязанности.

Это был первый и последний раз в её жизни, когда бу-

душая правительница позволила себе жалкую слабость слез. Она усвоила главный урок: доверять можно лишь собственной тени и холодному рассудку.

Вхар, который до этого старательно избегал визитов в Ца'трию, чтобы не бередить болезненные воспоминания о покойной жене, теперь с завидным усердием бросал государственные дела и мчался к дочери. Он невыносимо по ней скучал. Но с того рокового дня и за все последующие годы нога наследницы больше ни разу не ступила на земли его владений.

И это несмотря на то, что теперь поток раболопной лести и трусливых заискиваний перед ней не знал бы границ. Бескрайняя пустыня с её ночными хищниками и россыпью равнодушных звезд, вычурная роскошь и богатство царского дворца – всё это безвозвратно утратило для Асгетт смысл, вызывая лишь отвращение.

Она навсегда стерла из памяти образ своего стража, которого когда-то наивно считала своей семьей. Пусть будет счастлив. Сохранив им жизнь, она выплатила свой последний долг за годы его безмолвного терпения рядом с капризной гадиной. В конце концов, цинично рассуждала Асгетт, возможно, она и сама стерла бы всё в порошок ради того, которого по-настоящему полюбит. Если сможет.

Она возненавидела пышные пиры, где золотые огни свечей фальшиво плясали в гранях хрустальных бокалов, а спертый воздух густел от ароматов жареного мяса, пряных вин и тяжелых, удушливых духов.

С параноидальным подозрением Асгетт следила за каждой знатной девицей, что заискивающе пыталась втиснуться в узкий круг её приближенных, и за каждым придворным мужчиной, чьи льстивые комплименты лились слишком гладко и сладко.

Отныне будущая властительница усвоила нерушимое правило: у каждого в этой иерархии есть своё место, строго отведенное и не подлежащее никаким изменениям. Все они – лишь её подданные, и не более того. Она прекрасно знала, что за любой, даже самой искусной маской обожания и преданности всегда может скрываться корысть, банальная черная зависть или отчаянное, грязное желание возвыситься за её счет.

Всем сердцем Асгетт возненавидела и собственный дар, совладать с которым была совершенно не в силах. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: чтобы подчинить себе столь разрушительную стихию, нужно было сначала принять её и попытаться искренне подружиться.

Но заставить упрямую девчонку пойти на компромисс со своей силой не мог никто, как бы ни изощрялись учителя. Чувство вины за чужую боль – пусть даже эта боль была тысячу раз заслужена – погасило в ней любое желание вновь вызывать к огненной крови.

Мудрая Висса не стала растравливать свежие раны лишними расспросами и наставлениями. Она прекрасно понимала: на всё нужно время. Вместо пустых слов утешения бабушка вручила ей бесценный подарок – морок.

Надевая его, Асгетт полностью стирала свою личность, превращаясь в безликую тень. Это позволяло свободно блуждать в компании древнего божества по самым опасным и неизведанным краям, изучая суровый мир без оглядки на высокий титул.

Вскоре правительница приставила к внучке и нового наставника – Дария. Их обучение на пыльном полигоне строилось предельно просто: принцесса изматывала себя до кровавых мозолей и непрекращающейся дрожи в мышцах.

Лёгкие парные мечи, хранившие память о бывшем защитнике, были безжалостно отброшены в самый темный угол оружейной. Теперь её неизменным спутником стало копье

– холодное, тяжелое, требующее не эмоций, а смертоносной точности. Каждый её выпад оттачивался до идеала, превращая боль в боевую грацию.

В своих словах Дарий всегда оставался предельно аккуртен, а в поступках – безупречен. Будущий князь с тихим, ненавязчивым упорством день за днем пытался растопить лед, сковавший душу девочки.

Асгетт напоминала ему вздыбившуюся снежинку: такую же колючую, бесконечно острую и готовую безжалостно ранить любого, кто рискнет подойти слишком близко. Дарий прекрасно понимал природу этой агрессии. Он не лез в душу с пустыми разговорами, не требовал немедленных ответных чувств и не ждал благодарности – воин просто неизменно был рядом, как надежный щит.

Этому молодому мужчине совершенно ничего не было от неё нужно: ни громких титулов, ни власти. Но за одну лишь её мимолетную, скупую улыбку он, не задумываясь ни на секунду, был готов отдать всё, что имел, – вплоть до последнего вздоха.

Но всё же брошенная кузиной фраза про «капризную, избалованную пустышку» въелась в память, не давая покоя ни днем, ни ночью. Кана наглядно, с особой жестокостью дока-

зал ей эту отвратительную правду жизни: безупречная внешность и золотой венец – не более чем удобные инструменты, на блеск которых слетаются стервятники всех мастей. Искренне любят не за титулы, а за то живое, что бьётся и горит глубоко под рёбрами.

«Так что же в тебе есть, кроме красоты и капризов, маленькая гадина?»

Глава 10

Этот безжалостный вопрос из прошлого, годами тревоживший душу, наконец-то утих, растворяясь в грохоте падающих перекрытий. Воспоминания отступили, швырнув обратно – на засыпанный обломками пол полуразрушенного храма. Огненная волна отцовской магии к этому моменту схлынула, и воздух задрожал, оставив после себя лишь едкую завесу дыма и слишком знакомое послевкусие.

Точно так же пахло, когда она сама выжигала дворцовый коридор.

Асгетт перевела дыхание, заставила себя подняться и уперлась руками в колени, пытаясь унять дрожь. Наставник сориентировался мгновенно и накинул на её поникшие плечи свой подбитый мехом плащ. Она благодарно кивнула и посмотрела на жнеца неподалёку, временно потухшего после сокрушительного удара стихии. Поняв её безмолвную просьбу, мужчина подхватил под мышки бесчувственное тело и оттащил глубже в тень, подальше от гуляющего сквозняка и хлопьев оседающей пыли.

В ушах стоял противный звон, мышцы ныли от напряже-

ния, а во рту скрипела каменная крошка. Остаться на ногах не было сил, и Асгетт опустилась на серые плиты, бережно уложив голову приемника Шаха себе на колени. Бедолаге знатно досталось – сквозь ткань проступала кровь, а дыхание было прерывистым. Но жалость быстро капитулировала. Сам ведь виноват. Ну зачем было, как последний идиот, застывать посреди прохода?

И лишь Дарий на этом празднике смерти выглядел как изошрённая издевка богов, точно только что покинул купальни: ухожен и начищен до парадного блеска. Даже мелкий сор, сыпавшийся сверху густым снегом, казалось, благоговейно облетал будущего князя стороной, признавая его неоспоримое превосходство.

Асгетт же было всецело плевать на собственный внешний вид. Руки и ноги не оторвало, кости вроде целы – уже великое благо, а о сохранности головы девушка и вовсе не беспокоилась. С иронией рассудив, что сотрясать там особо нечего, она стала баюкать жнеца.

Осторожно коснувшись его лица и всмотревшись в умиротворенные черты, Асгетт разрывалась между двумя полярными желаниями: прибить этого придурка тут же, чтобы больше не мучился, или всё-таки пожалеть. Сейчас, с закрытым ртом, он ей казался даже сносным. Но всё так же

оставался редким, эталонным и непроходимым дураком. До невозможности.

Из зала Совета, который всего за несколько минут превратился из Великого в груды дымящихся развалин, потянуло гарью, смешанной с запахом жареного мяса, а где-то в глубине с глухим стуком осыпались остатки кладки. Заглянуть туда она даже не помышляла.

На то у неё было три веские причины.

Во-первых, там, среди обломков, сейчас находились её дед и отец. Когда тесть и зять сходились на одной территории, от их искрящейся взаимной любви тошно и страшно становилось всем. Даже самой Бездне, судя по тому, как стремительно и благоразумно она поджала хвост. Да упокоит милосердный Касарит все несчастные души, которым не посчастливилось оказаться с ними в одном помещении.

Во-вторых, принцесса ни на миг не сомневалась: после того как отец выпустил своё всепожирающее пламя, смотреть там было попросту не на что.

Но была и третья, самая главная причина, приковавшая Асгетт к месту и заставившая её снизойти до возни со жнецом. Там, в этом выжженном зале, находился её бывший за-

ЩИТНИК.

Только вот...

Из свиты выжили буквально единицы. Из представителей делегаций – и того меньше. Твари, вырвавшиеся из Бездны, проявили завидную избирательность и принципиально жрали верхушку власти.

Всю эту мрачную статистику Дарию сейчас монотонно докладывал Кана. Главнокомандующий Цэссы почему-то решил покинуть место бойни и теперь маячил перед глазами принцессы, безбожно действуя ей на нервы. Он пытался притвориться незаметной сорной травой, тихо шелестя словами отчета. С его внушительным ростом и широченными плечами сделать подобное было крайне проблематично, но тот отчаянно старался.

Асгетт же стремилась понять: зачем он вообще притащил сюда свои тела и с какой стати прославленный пустынный воин сейчас так покорно, словно новобранец, отчитывался перед первой сталью Просторов.

Всё это её жутко раздражало. А стоило недовольству переполнить и без того мелкую чашу терпения, как внутренние засовы у девушки окончательно срывало. В такие моменты

она решительно и без всякого стеснения начинала выдавать отборные гадости.

– О, надо же... так ты не помер? – притворно удивилась Асгетт, презрительно оглядев воина с ног до головы, после чего демонстративно перевела взгляд на израненного жнеца. – А я-то краем уха слышала, что на днях в чёрных песках прошёл кислотный дождь и подчистую выкосил весь местный выводок шакалов.

Кана мгновенно запнулся на полуслове. Он явно не ожидал, что принцесса удостоит его своим вниманием.

– Спасибо за беспокойство, Ваше Высочество. Меня чу-
дом не зацепило, – сухо процедил он.

Выдав из себя до зубовного скрежета вежливый поклон, Кана поспешил отвернуться и с подчёркнутой невозмутимостью продолжил докладывать обстановку Дарию. Последний, к слову, даже не пытался скрыть тихую, понимающую улыбку, с явным удовольствием наблюдая за этой короткой перепалкой.

«Надо же, какой разговорчивый стал, – мысленно фыркнула Асгетт, сверля тяжёлым взором широкую спину главнокомандующего. – Семейная жизнь определённо идет тебе

на пользу, шакал».

Её намётанный взгляд тут же выхватил одну любопытную деталь: массивные золотые эполеты, всегда украшавшие плечи главнокомандующего, бесследно исчезли.

Асгетт одёрнула себя. Чужие проблемы её высочество волновать не должны, тем более сейчас. Вернув всё внимание жнецу, она низко склонилась над ним, напряжёнными пальцами откинула с его лица длинные, спутанные тёмные пряди и без лишних нежностей, с силой принялась оттирать его кожу от присохшей багровой грязи. Наследник Каменной Долины выглядел так, будто его пару лиг волокли по сырой земле. Измазался как последняя скотина, смотреть тошно.

Со сдавленным стоном тот попытался слабо оттолкнуть от своего лица чересчур настырную руку. Ответом ему стал хлёсткий щелчок по носу.

Цина с трудом разлепил тяжёлые веки и уставился на девчонку. Вернее, его расфокусированный взгляд уткнулся прямо в её душу, которая так удачно и щедро предстала перед ним.

– Я умер? – хрипло спросил он, отчаянно борясь со своим зрением, которое так и норовило окончательно погаснуть.

– Увы и ах, – издевательски-жалобно протянула Асгетт, даже не думая прекращать свои грубые гигиенические процедуры и с нажимом проходясь жёсткой тканью по его щеке.

Сомкнув челюсти до хруста, он сделал упорную попытку приподняться на дрожащих локтях, но тело наотрез отказалось повиноваться. Выдав раздраженный рык от собственного бессилия, Цина тяжело задышал и беспомощно завалился обратно на её колени.

– Шах... – тихо протянул он, с трудом переводя дыхание.

Асгетт бросила быстрый, цепкий взгляд на Кану. То, с каким выражением обычно безразличный ко всему воин смотрел на лежащего у неё на коленях мужчину, выглядело весьма странным. В этом прищуре читалось немыслимое – словно наследник Каменной Долины и ему когда-то успел знатно нагадить на порог.

– Жив, – ответил Дарий вместо пустынного воина, примирительно приподняв ладонь. – Но ему сейчас немного не до тебя.

– Да и боги с ним, – слабо, но удовлетворённо выдохнул Цина.

Живы ли свои, Асгетт не спрашивала. Она и так прекрасно знала ответ. Знакомые, возмущённо-властные голоса звучали громче всех прочих, эхом разносясь по руинам коридоров.

Князь Катрата, её безмерно дорогой и столь же невыносимый дедушка Раду, позаботился о магической защите. Причём со свойственным ему размахом, накрыв не только соратников, но и чужих. Видимо, чтобы после бойни остался хоть кто-то живой, кому он сможет лично предъявить счёт за спасённые шкуры.

– Мы... поменялись местами, – хрипло выдавил Цина, попытавшись криво усмехнуться. – Но мне гораздо больше нравилось, когда ты была на моих коленях, дикарка.

Он оставался верен себе даже на руинах, в шаге от Бездны. Выдав эту сомнительную дерзость, поглотившую весь его скромный запас сил, Цина с чувством выполненного долга блаженно прикрыл глаза.

– Ну, хоть какие-то хорошие новости, – спокойно отозвалась Асгетт, машинально смахнув с его лба налипшее серое крошево. – Сокрушительный удар по голове так и не вернул приемнику великого Шаха способность пользоваться мозга-

ми. Можно смело выдыхать – раненый стабильно безнадежен, всё осталось ровно так, как было.

Немногочисленная публика напряжённо притихла. Дарий, жестом прервавший доклад главнокомандующего, плавно приблизился к Асгетт. Склонившись к ней, наставник ласковым, заботливым движением поправил сползающий с её плеч плащ. Однако от этой снисходительной мягкости тут же не осталось и следа. Вцепившись в воротник жнеца, он одним мощным рывком поставил его на ноги.

Оглушённого наследника Долины ожидаемо повело в сторону. Пытаясь удержать ускользающее равновесие, он чудом избежал падения и судорожно вцепился пальцами в острые выступы разрушенной стены.

– Великие боги, ну куда ты его дёргаешь, вот скажи мне? – Асгетт, отряхнув испачканные, израненные ладони, медленно поднялась с усыпанных острыми осколками плит.

Она смерила своего невозмутимого наставника долгим, укоризненным взглядом. К её собственному немалому изумлению, в привычно ворчливой фразе вдруг проскользнула совершенно непрощеная нотка сочувствия к едва стоящему на ногах мужчине.

– Я исключительно из добрых побуждений. Искренне переживал, как бы его высочество не простудился на холодном полу, – парировал Дарий, изящным движением поправляя манжет, на котором по-прежнему не было ни единой пылинки.

Он улыбался при этом так лучезарно и обезоруживающе чистосердечно, что сбитый с толку Цина, который не мог простудиться в принципе, на мгновение завис и чуть было не кивнул в знак искренней благодарности за столь трепетную заботу.

Кана, вынужденный молча наблюдать за всей этой нелепой сценой, вдруг надменно вздёрнул подбородок – жест, ничуть не свойственный ему. Широкая ладонь произвольно, повинаясь инстинкту, легла на потёртую рукоять одного из клинков. Он изучал покачивающегося жнеца гнетущим, придавливающим к земле взором, словно перед ним корчилось опасное, но уже наполовину раздавленное сапогом насекомое.

– Заявись ваш отец сюда хотя бы минутой раньше, – мрачно произнёс воин, – от этого щенка осталось бы ровно то же, что осталось и от прочих в зале.

Он опустил глаза, но по голосу было слышно: лязг железа

прячется не в оружии – в намерении.

«Ну вы посмотрите на него!» – Асгетт почувствовала, как внутри всё начинает закипать. За все годы совместного бытия этот упрямец ни разу не произносил столько слов подряд. И от этой его внезапной, непривычной красноречивости становилось только хуже: в груди неприятно закололо, словно кто-то намеренно ковырял пальцем старую рану.

– В этих словах определённо есть здравый смысл. Вхар сегодня на редкость не в духе. С чего бы это? Ума не приложу, – с нарочито добродушной иронией протянул Дарий.

Наставник прекрасно понимал истинную причину гнева владыки Цэссы, как и Асгетт. И крылась она отнюдь не в Бездне, вынудившей Венец покинуть тень. Исток раздора был стар как мир: взбешённый отец просто хотел стереть в порошок наглеца, рискнувшего прикоснуться к его единственной дочери.

Однако она мысленно усмехнулась – её деду этот потасканный жизнью выходец из Каменной Долины наверняка придётся по вкусу. Во-первых, просто назло зятю. А во-вторых, дедушка всегда питал слабость к противным, хладнокровным созданиям. Особенно к змеям.

Асгетт медленно перевела взгляд на Кану. Тот уже не отводил взор, и в этом была какая-то вызывающая пустота. Ни искры ненависти, ни запоздалого раскаяния – просто ничего. Будто внутри него уже давно всё выгорело.

– А твоё ли это собачье дело? Ты забылся, воин? – она прошипела леденяще, и в голосе сразу проступила угроза, не прикрытая даже тенью приличий. – Как бы от тебя не осталось ровно то же, что и от остальных. Пшёл вон.

Асгетт и не собиралась с ним разговаривать, не хотела тратить на него ни секунды внимания, не желала даже признавать существование этого ублюдка. Однако что-то внутри снова подтолкнуло её вперёд, и слова сорвались с языка, прежде чем она успела себя остановить.

Она уповала, что утопила ненависть к нему на самом дне души – надёжно, глубоко, навсегда. Но от одного лишь звука его низкого, рокочущего голоса старые, не до конца зажившие обиды стремительно всплывали на поверхность, прорывая все тщательно возведённые барьеры самоконтроля.

– Ему велено... – Дарий попытался было возразить, но, встретив её взгляд, почтительно осёкся.

Желваки у Каны дрогнули, но в истощённом теле не на-

шло место ни злости, ни гордости – только привычное, въевшееся в кровь послушание. Он покорно опустил голову, жёстко поклонился точно по уставу, не оставляя ни малейшего сомнения в своём подчинении, и медленно растворился в руинах зала.

Одарив воина уничтожающим, но мимолётным взглядом, Асгетт круто развернулась.

«Ну и кому ты сейчас сделала хуже? Хоть раз в жизни прикуси язык, глупая девка. Сдержись всего один раз, удиви этот проклятый мир», – яростно приказала она себе.

Пытаясь остудить кипящую в груди злость, девушка стремительно направилась к зияющему в стене пролому и подставила разгорячённую кожу резким порывам ветра. Но даже этот пронизывающий холод оказался бессилён. Вопреки здравому смыслу, все её мысли упрямо возвращались к бывшему защитнику.

Как же сильно он изменился. Заметно исхудал, отчего его и без того резкие черты заострились, придав профилю ястребиное, почти свирепое выражение. Матовые, угольно-чёрные отросшие волосы небрежным каскадом спадали на плечи. Вкупе с тёмными многослойными одеждами он превращался в подобие ожившей тени. На бледной коже, приоб-

ретшей холодный сероватый отлив, отчётливо проступали пепельные линии татуировок. На левой щеке белел рваный шрам – след от чьей-то когтистой лапы, который, на удивление, ничуть его не портил.

Но то, как он смотрел... На лишённом малейшей мимики лице раньше живыми казались только глаза миндального оттенка. Но теперь в них больше не было прежней мягкости, тепла и искры жизни. Они были чужие, дикие. В глубине этих зрачков пробудилось чудовище.

Потеряв надёжную опору, Цина неспешно осел на пол, притянув к себе внимание присутствующих. С тихим, болезненным стоном он прижался затылком к уцелевшей стене, тщетно ища спасения в её сырости. Каждое движение теперь отзывалось в голове тупыми, изнуряющими вспышками. Боль пульсирующими волнами расходилась по вискам, и казалось, что этот шум останется с ним навечно, лишая последней надежды на передышку. Голоса окружающих долетали до него неразборчиво, будто пробивались сквозь толщу воды – искажённые, далёкие, утратившие всякий смысл.

Дарий бесшумно приблизился к жнецу, опустившись перед ним на одно колено. Его изучающий взгляд скользил по лицу раненого. За внешней профессиональной отстранённостью скрывалась встревоженность.

Теперь, когда Бездна окончательно разверзлась, явив миру свою суть, потеря даже одного воина стала бы непозволительной роскошью. Что уж говорить о преемнике, чья кровь давала законное право на трон.

Медленно выдохнув, Асгетт заставила себя успокоиться и сочувственно посмотрела на наследника Долины. Великие боги, ну что за жалкий вид – обнять и плакать, да и только. Выхватив из царящей вокруг суматохи пробегающую мимо служительницу Вита'е Арбрис, она коротко приказала найти для них уцелевшую от погрома комнату и раздобыть тёплой воды.

Дарий, не произнося ни слова, подхватил обмякшего жнеца, который к этому моменту уже окончательно потерял связь с реальностью. Перекинув руку страдальца через своё плечо и крепче перехватив его за пояс, он уверенно зашагал вперёд. Проводница поспешно вела их за собой, то и дело испуганно оглядываясь. Следом за ними, замыкая это молчаливое шествие, двинулась Асгетт.

В детстве принцесса вполне успешно выхаживала летучих мышей, и выживаемость среди калек составляла солидные сорок процентов! Стало быть, и с этим мерзавцем она как-нибудь разберётся.

Отношение к нему сейчас было донельзя необъяснимым, запутанным в тугой узел. Здравый смысл настойчиво шептал, что гада нужно тихо прирезать под шумок, отомстив сполна: и за утерянный морок, и за наглые, распускаемые руки, и за не в меру длинный язык. Но главная проблема заключалась в том, что Асгетт никогда в своей жизни не поступала так, как велел этот самый здравый смысл. И этот раз тоже не собирался становиться исключением.

Едва шаги уходящих затихли в глубине коридоров, в зале некогда Великого Совета начало нарастать новое, куда более опасное напряжение.

Вхар устало опёрся о край изувеченного стола. От мебели почти ничего не осталось, и, если бы не вовремя поднятые защитные барьеры, оплавился бы даже камень под ногами.

Он был в бешенстве. О внезапном прорыве Бездны ему доложили в самую последнюю очередь. Поганая Асеки Иблис бен Касарит узнала о надвигающейся катастрофе напрямую от Хранителей, которым мрачную весть принесли тени Первозданных. Однако царица сочла, что паниковать не стоит. Руководствуясь лишь ей понятными мотивами, она сознательно не дала приказа своим ближайшим родственникам немедленно покинуть храм Мира.

До одури перепуганный за жизнь своего чада, Вхар в под-
нявшейся суматохе отчаянно созывал всех, кого только мог.
Бок о бок с ним действовал князь Катрата, возмущённый та-
ким ходом своей правительницы. Ведь в зале находилась не
только его обожаемая внучка, но и их с Виссой родные дети
– Миракс и Артра.

Лишь это общее, испепеляющее негодование холодным
расчётом царицы удерживало Вхара и Раду от того, чтобы
перегрызть друг другу глотки. Общая беда сковала их шат-
ким, но жизненно необходимым перемирием.

В ряды войск Венца гребли всех подряд, включая неопыт-
ных детей с едва проснувшимися зачатками магии. Если Без-
дна в этот раз полезет в их земли, прорвавшись через ядови-
тые реки, сражаться придётся каждому.

Песок безжалостно отсчитывал крупницы убегającego вре-
мени, и Вхар, подгоняемый немим велением рока, в одиноч-
ку преодолевал пылающее море пустыни. Сами боги должны
были переплести его нить судьбы с путём того, в чьей силе
он остро нуждался.

Того, кто пять лет назад, пряча потемневшие от стыда гла-
за, сорвал с плеч золочёные эполеты, навсегда отрекаясь от

службы, и рухнул перед царём на колени. В то мгновение Кана безжалостно перечеркнул всё: пышную свадьбу, любимую женщину и высокую должность при дворе. Эту последнюю привилегию – несмотря на навсегда утраченное доверие – владыка даровал ему лишь из-за дочери.

В тот день Вхар не проронил ни слова и позволил сломленному бойцу уйти в мёртвые чёрные пески, чтобы там, наедине с пустотой, свершить над собой этот суд. Но, задыхаясь от зноя и буквально перерывая дюны, он с лихословием поминал свои былые порывы милосердия. Наказал сам себя, ничего не скажешь: его лучший, разящий клинок просто взял и канул в небытие. И сделал это с филигранной точностью – аккуратно в тот самый час, когда весь мир со свистом летел в Бездну.

Когда Кану, ощутимо одичавшего за годы отшельничества в суровой пустыне, наконец приволокли в ставку, Вхар едва удержался, чтобы не укоротить мерзавца на голову. Подобная глухота к зову крови выглядела безумием – даже для легендарного воителя. Дабы лишний раз не провоцировать вспыльчивого монарха на импульсивное кровопролитие, ценного бойца, от греха подальше, сбывли под начало Дария. Пусть у того голова болит.

Отныне отбывать повинность в рядах армии Просторов

ему предстояло до победного конца. Или до своего собственного. Если, конечно, этот финал не обернется для их мира крахом, похоронив под пеплом и правых, и виноватых в единой, безымянной тризне.

Но стоило признать, к рабочей этике претензий быть не могло: с раздачей кровавых долгов Кана справлялся с привычной безупречностью. Пока Раду возводил защитные барьеры, этот воин без тени жалости давил потустороннюю скверну вместе с её несчастными носителями. Его дар сковал незримые грани, лишив тварей их любимого трюка – побега из захваченных тел. Вхару в этой компании досталась самая чистая работа: просто выжигать остатки заразы дотла. Из такой вот взаимной ненависти и родился их идеальный, разрушительный союз.

Никто из них, откровенно говоря, не дал бы и ржавого медяка за успех столь отчаянной авантюры, но сегодня фортуна решила им ухмыльнуться. Порождения Бездны, невзирая на своё жуткое и вроде бы неуничтожимое естество, безвозвратно сгнули точно на стыке двух стихий. Кто бы мог подумать, что мерзость окажется настолько чувствительной к заботливому, испепеляющему зною родных пустынь.

Увы, избавиться удалось не от всех. Столь огромное количество магической силы, высвобожденной в единый миг, со-

жгло рунические знаки Хранителей. Эти фундаментальные скрепы, воздвигнутые ради того, чтобы чудовища не разбежались по округе, рухнули в эпицентре чар, с треском разомкнув удерживающие узы. В итоге та бестелесная дрянь, что ещё не успела обзавестись чужой плотью, мгновенно сориентировалась и радостно улизнула на свободу. Ушло-то вроде немного, но до чего же было досадно.

И сейчас, среди этого разора, захлёбываясь горечью собственного бессилия, Вхар сильнее всего гневался на сам факт присутствия здесь жнецов. К его великому сожалению, недавняя бойня почти не проредила их ряды. Эти выродки оказались на редкость стойкими, относительно спокойно пережив столкновение со скверной.

И лишь мысль о том, чтобы вскипятить хладную кровь преемника Шаха и вдоволь насладиться его мучениями, приносила ему удовлетворение. Этот щенок взирал на Вхара с таким видом, словно его дочь уже числилась в собственности Долины. Ничего, эту дурную спесь он из мальчишки выбьет быстро и с гарантией, но сперва надлежало разобраться с этим сбродом.

Истинный глава ордена без промедления отбыл разносить «прекрасные» вести по всем уголкам континента. Тем временем служители Храма Мира с ног сбивались, отчаянно

пытаясь полатать уцелевших. К их мрачной удаче перетружаться не пришлось: почти все присутствующие испустили дух в первые же секунды резни. Из девятисот некогда живых и полных надежд душ скверна Бездны из милосердия оставила дышать едва ли восемь десятков.

Князь Раду нервно прохаживался взад-вперёд между массивными сундуками, доверху набитыми кальсом. Он гипнотизировал их взором, пытаясь осознать масштаб чуда: под бешеной пляской разразившейся здесь бойни они не поддались ни на вершок, проявив поразительную волю к жизни. Лишь сам камень заметно поблек от тесного соседства с запертыми внутри проклятыми душами, выцветая до цвета безупречного, мутно-белого погребального савана.

С узниками внутри надлежало срочно что-то решать.

Тихое и наивное предложение утопить всю эту мерзость в священных реках божество мгновенно отмело. Он сидел в глубоких складках мантии, категорически не желая являть свой лик чужакам. Бог ехидно посоветовал авторам идеи утопиться следом, раз уж у них хватило слабоумия попытаться превратить его личные владения в смердящий иловый могильник.

Одно лишь давящее присутствие древнего бога действо-

вало как отличный ушат ледяной воды, мгновенно сбивая градус ярости. Царица Висса, какой бы беспощадной она ни казалась, благоразумно не оставила своих потомков без столь могущественного заступника.

Вхар мысленно поддержал отказ божества. Скверну следовало испепелить без остатка, а не консервировать на дне чёрных вод на радость будущим поколениям. Но, предваряя это, предстояло малое, но паскудное дело: исторгнуть дрянь из камня, который парадоксальным образом стал для пленников не только саркофагом, но и защитой. В горячке боя, выжигая заражённые тела, они немного упустили из виду эту маленькую, но важную деталь.

Чтобы заставить слуг Бездны окончательно сгинуть, их для начала требовалось выковырять из минерала и пересадить в новый сосуд из плоти. А поскольку от всех мертвецов остались лишь обугленные чёрные останки, был лишь один путь – сыскать безумца, который добровольно впустит в себя первородный кошмар и согласится принять смерть героем.

К счастью, на эту почетную и одноразовую должность у них уже намечался кандидат. Считать ли его добровольцем? Вопрос исключительно дипломатический.

Император. Каким-то немислимым чудом тучный, выра-

щенный на перинах правитель умудрился выжить. У «чуда» имелось вполне конкретное имя – Касарит. Явно не питая иллюзий насчёт выдающихся умственных способностей присутствующих, божество благоразумно позаботилось и об этом.

Сейчас владыка Империи валялся под гнетом обломков стола переговоров, обильно истекая кровью. Он лишился глаз и рук, а его изуродованная туша представляла собой лишь мешок со сломанными костями. Предъявлять к нему высокие требования никто не собирался. Для их замысла требовалась исключительно плоть, так что подходил он идеально.

Выжившие аристократы лишь с трудом начали выскребать себя из состояния шока. Внезапный визит посланников из мёртвой державы ужаснул знать едва ли не больше, чем само вторжение Бездны. Особенно когда спасители хладнокровно предложили использовать искалеченного монарха как живое подношение для скверны. И пусть правителя здесь открыто презирали, подобное кощунство просто не укладывалось в голове.

Уцелевшие содрогались, пытаясь вообразить, какая ещё неведомая сила вознамерилась восстать из забвения вслед за Бездной и Венцом. Последнее, что оставалось этому миру –

узреть, как материальное воплощение обретут сами боги.

По этой сугубо практичной причине Касарит и предпочёл скрыть свою пугающую суть от глаз выживших. От представителей великих домов и так осталась лишь пара-тройка хромых, обезумевших от ужаса калек. Лишать их последних крох рассудка богоявлением было бы попросту негоже.

Не все присутствующие отличались тонкой душевной организацией. Идею преподнести Императора в жертву с готовностью поддержали выжившие из делегации Павиры, орден Хранителей, Шах и мрачные тени Первозданных.

Эти две женщины вызывали отдельное уважение. Они были напрочь лишены способности паниковать. Заляпанные багрянцем с головы до пяток, тени спокойно стояли у расколотой плиты с таким видом, будто кровавый хаос вокруг – их естественная среда обитания. И, в отличие от скулящей знати, именно они четко понимали, как поступить далее.

Благородные господа невольно сигали по углам, стараясь держаться от них на максимальном отдалении. И их инстинкт самосохранения работал безупречно. Эти девы не просто проливали кровь в бою – они заставляли её плясать под свою диктовку, а с такими мастерицами спорить себе дороже.

Приняв свой привычный облик, Кула устроилась на крышке сундука абсолютно обнажённой, ничуть не смущаясь ни собственной наготы, ни запертой под ней скверны. Она обвела взглядом выживших и задала вопрос, от которого у многих свело скулы.

– Как-то всё слишком гладко складывается, не находите?

– Простите... гладко? – Артра посмотрела на неё ошалелым взглядом.

Измощённая боем, она убрала с лица налипшие, испачканные прахом пряди и бессильно опустилась, осев на камень пола.

– Именно что гладко... – эхом отозвалась Раа'си Ра'ми. – Бездна изрядно поумнела за эти тысячелетия. Этот визит был пробой пера: явились немногочисленные и откровенно слабые слуги. Твари пришли за правителями, но просчитались. Они явно не ожидали встретить здесь ту силу, которую давно вычеркнули из числа живых.

Женщина перевела немигающий взгляд на Императора, чье тело отчаянно и жалко отказывалось умирать.

– Договор уже заключен. Когда имперский наследник взойдет на престол, пакт будет действителен несмотря ни на что. Но кто же теперь осмелится встать во главе Вархи? – жрица хищно оскалилась, обнажая свои заточенные зубы. – Разлом Бездны открылся именно в их землях, и сейчас эта дрянь плодится там непрерывным потоком.

– Бездна и встанет во главе, это очевидно, – скрестив тонкие пальцы, холодно продолжила мысль тень Первозданных в серых одеждах. – Вопрос теперь в другом: чье государство станет следующим? Гадина больше не пойдет напролом, как в минувшие эпохи. Теперь она будет поглощать королевства одно за другим, сея повсюду свою власть. Тьма за тысячелетия изоляции в совершенстве усвоила свои прежние ошибки.

Для теней, веками созерцавших ткань бытия, явление Бездны на шахматной доске мира отнюдь не стало неожиданностью. Их холодный разум заблаговременно просчитал этот шаг наперёд, разложив судьбы по клеткам. Лишь одно возмутило их безупречный расчёт и выбило из привычной колеи – слепое нетерпение врага. Тварь выползла из своего логова слишком рано. Она нарушила привычный ход вещей, словно голод, терзавший её изнутри, принудил действовать на опережение.

– Империя – глухо отозвался Шах.

Несмотря на видимую усталость, он ни на каплю не утратил своего величия. Как только хаос улёгся, он первым делом проверил, дышит ли его дорогой внук. Удостоверившись, что преемник жив, Равель с легким сердцем вычеркнул этот пункт из списка забот и полностью переключился на стратегию.

– Если Бездна подмнет под себя Империю, остальные земли она возьмет уже их армией, – ровным тоном произнес Шах. – Ей незачем распыляться на каждого вшивого крестьянина или мечника. Хватит и одного сосуда, на голове которого покоится корона. Стоит признать, притворяться живой эта сука изловчилась на редкость хорошо.

– Великолепно, – подытожил Раду, и его скрипучий, похожий на треск сухого дерева, голос эхом разнёсся по залу. – К чему слепо пожирать всё подряд, набивая ненасытное брюхо до отвала, если можно просто превратить целые народы в покорный скот. Вести их на убой лишь к вечерней трапезе, милостиво позволяя плодиться и множить поголовье в загонах.

Князь Катрата подавил брезгливую ухмылку, искажившую его губы. Древнее зло воистину постигло высшую науку вой-

ны. В том, чтобы бездумно растоптать мир не было величия. Чем же тогда утолять свой голод завтра?

Шах медленно вдохнул сквозь плотно сжатые зубы, словно пытаюсь вместе с воздухом вобрать в себя это горькое знание. Мысль о том, что именно Каменной Долине суждено стать следующим покорным стадом вслед за имперцами, мгновенно выжгла из его разума все прежние думы. Загадки неожиданно воскресшего из небытия государства и откровенно хищные манеры его безымянных послов вмиг потеряли всякую важность, уступив место созерцанию подступающей к их собственному порогу гибели.

– Допустим, – подал голос принц, которому смерть отца незримо даровала власть над Саривией. – Но каков наш следующий шаг?

Он изо всех сил пытался сохранить самообладание. И эта маска непоколебимого мужества вполне могла бы обмануть, кабы не глубокий омут боли и отчаяния, плескавшийся в его расширенных зрачках.

– К тому же, – юноша обвёл присутствующих взглядом, – станет ли новый Император чтить условия пакта, когда узнает, что именно мы сотворили с телом его отца?

– Для этого он должен сначала узнать, – Шах издал низкий, утробный звук, больше похожий на угрожающий рык зверя, готового перегрызть горло любому, кто встанет на пути.

– Учитывая обстоятельства, главный вопрос в другом: сколько из тех, кто сейчас застыл в животном страхе, добровольно преклонят колени перед Бездной, лишь бы спасти свои шкуры? – мрачно поинтересовался Миракс, и его слова прозвучали как погребальный звон. – Будет ли тогда вообще хоть кому-то дело до какого-то пакта?

Он выглядел так, словно по нему проехала боевая колесница, но всё же сохранил и безупречную осанку, и невозмутимое спокойствие. Отливая в стали каждое следующее изречение, Миракс продолжил:

– И не восседает скверна на имперском троне уже сейчас?

Слова повисли в воздухе. Собравшихся сковала пугающая догадка, и в гнетущей тишине каждый отчётливо ощутил, как к горлу подступает первобытный ужас.

Точку в их метаниях поставил глава ордена Хранителей. Войдя в зал, он лишь едва заметно качнул головой: его магический зов просто канул в небытие. Империя молчала и

это намекало на предельно простую вещь: на имперском троне сидел уже кто-то другой, едва ли унаследовавший заветы прежней многовековой династии. А у свежеиспечённого хозяина, очевидно, нашлись задачи интереснее, чем поддерживать угасающие дипломатические связи.

Вхар резко оттолкнулся от уцелевшего края столешницы и размашистым, уверенным шагом направился напрямик к воющему Императору. В глазах царя уже разгоралось яростное пламя – эту скверну следовало выжечь здесь и сейчас, без секундного промедления.

Отшвырнув ногой обломки мебели, он совершил молниеносный выпад. Его чёрные когти глубоко вонзились в шею монарха, выдирая гортань вместе с захлебнувшимся криком.

Жестокая превентивная мера: теперь потусторонние паразиты не смогут верещать сквозь разорванные связки, когда займут это тело.

Следом прозвучал хлёсткий приказ:

– Кана, пора поработать. Загоняйте души.

Интерлюдия

За окнами секла морось, вгоняя тронные палаты в сумерки. На каменном помосте, по локоть погрузив руку в развороченное брюхо имперского принца, сидело существо. Мальчик ещё хрипел, пытаясь урвать глоток воздуха. Напрасно – гортань доверху была забита его же потрохами. Тот, кто сотворил это с наследником, не спешил добивать: он жаждал продлить измор, едва тепля жизнь в измученном теле, и с усладой обсасывал пальцы, облепленные густой, чернеющей кровью.

У него не было имени, но старая память ещё подсказывала: он – ришарх. Многие эпохи существо держали в глубокой столичной темнице, где оно молча переходило по наследству от владыки к владыке. Всё изменилось с приходом новой хозяйки. Бездна проявила к узнику «милосердие» – избавила от давившего шипованного ошейника и разбила закованное магией железо на израненных ногах. Благодарностью он был преисполнен – аж губы скривились.

Тяжёлый взгляд сполз на принцессу, которая сжалась на полу в углу зала и рыдала над трупом матери.

– Не скули, – раздался грубый, хриплый голос, – Или рядом ляжешь.

Девка зашлась ещё громче.

«Идиотка. Надобно было вскрыть её вместе с любимым братиком.»

Мальчик, как и вся имперская династия по мужской линии, был слегка сдвинут умом. Только в нём безумия водилось куда больше, чем во всех предшественниках. Поначалу он спускался к узникам, не умышляя ничего страшнее мелких пакостей: мог швырнуть куском кирпича в скованного или помочиться на издыхающую от голода тварь у самой двери. Со временем осмелев, имперский наследник пронёс через лабиринты украденный у стражника арбалет. Обезглавленное тело владельца позже закинули в общую кормушку. Свою мишень он выбрал быстро – единственного оставшегося в мире ришарха.

Это существо походило на людей, но летописи называли его истребленную расу одной из самых опасных – потому-то их и извели под корень. Чудом выжившее, бездушное и притом разумное создание было совершенно не способно к подчинению. Его ломали, ставили опыты, выжигали чары раскалёнными прутьями на коже – всё зря. На укрощение монстра казна спустила больше золота, чем все имперские правители потратили на шлюх и забавы. И ещё больше ушло на то, чтобы просто его сдерживать. Слишком уж владыки любили редчайшие реликвии.

Наследник питал к нему дурной интерес, а глупую голову заполонила идея высечь из пленника хоть немного боли, чего не удавалось никому прежде. Первый болт вонзился ришарху в живот, второй пробил глазницу. Не вытекло ни капли крови, не донеслось ни единого звука. Лишь пустой взгляд уцелевшего тёмно-фиолетового глаза встретил малолетнего мучителя. Мальчик разочарованно хмыкнул и ушёл тратить остатки болтов на тех, кто визжал как надо.

На следующий же день он привёл в подземелье младшую сестрёнку. Испуганную девочку наследник силой прижал к решётке камеры ришарха и принялся терзать под её же крики и завывания узников. Он искал уладу не столько в самом акте, сколько в знании, что всё зверьё вокруг исходит слюной. Протомившись во тьме веками, они жаждали того же.

Большинство пленников для лучшего послушания были кастрированы, и это зрелище причиняло им невыносимую муку. В особенности – оскропленному ришарху. Зажатый в тиски сильнейших чар, он, в отличие от остальных, не мог даже ринуться на железные прутья.

Под всей своей спесью безумный ублюдок прятал страх. Он боялся, что сорвавшиеся с цепей твари уволокут в клетки не только девку, но и раздерут по кускам его собственную тушу. Но почему-то именно в монстре, сидевшем напротив,

мальчишка опасности не видел и выбрал его своим фаворитом.

Ничего глупее и страшнее он в своей жизни не совершал.

Годы так бы и пролетали мимо, если бы старая знакомая не отправила в гости своих генералов. Они пришли в подземелье и поочередно стали отпирать клетки, оставив существо с фиолетовыми глазами на самый конец.

Попытка его подчинить вызвала лишь ухмылку на истерзанном лице. Тот, в кого изначально забыли вдохнуть душу, не боялся прикосновения первородного кошмара. Мысли было не прочесть, волю – не сломить, а телом – невозможно управлять. Долго глядя мертвыми глазницами на узника, новые владыки взвешивали: договориться или убить? Ришарху больше импонировала смерть, но сыны Бездны выбрали союз. Договаривались они в манере прежних тюремщиков — закрепили метку на костлявом запястье. Короткая цепь сменилась длинной верёвкой. Но пока их пути совпадали, он молча принял условия сделки.

До поры до времени.

Пока в храме Мира «радушно» встречали проклятых Бездны, сбежавшие из глубоких подземелий твари захватили

императорский дворец всего за пять минут. Стража, привыкшая кидать объедки питомцам, расплатилась жизнями за свою слепую веру в их покорность.

Всю семью правителя и дворцовую знать, ещё не до конца проснувшихся, согнали в тронный зал под одну крышу. Обезумевшим монстрам преподнесли дар – право растерзать каждого.

У одной из императорских наложниц с силой вырвали из рук визжащего младенца и не глядя швырнули в каменную стену. Крохотное тельце мгновенно затихло, а ослепшую от шока мать повалили рядом. Клыки мгновенно сомкнулись на её лопатках, вырывая куски живой плоти вместе с лоскутами ткани ночной сорочки.

Ришарха же интересовал только наследник. Пока вокруг заживо пожирали присутствующих, он сделал первый шаг. Мальчишка истошно завизжал, отползая по ступеням к трону. Бывший пленник припал к его шее, жадно напиваясь кровью.

Высушенное тысячелетиями голода тело тут же принялось восстанавливаться. Раны затягивались, отрастали новые пальцы взамен отрубленных, удлинялись когти. А вместе с тёплой жидкостью по венам разливались чужие знания

и воспоминания – признаться, весьма скудные. Рука с треском разорвала принцу живот, и он протянул его кишки к горлу – изнутри.

В зале стало тихо и почти пусто – изголодавшиеся подчистую сжирали плоть, – когда внутрь приволокли прятавшуюся в саду принцессу. Девчонка, увидев мать с проломленной головой и отгрызенными конечностями, сползла на пол в полуобмороке. А узрев брата, зашлась в слезах. Родовое безумие явно поразило и женскую половину династии. Горевать по тем, кто годами ломал её жизнь и покрывал насилие, казалось верхом глупости.

Ришарх присел на ступени рядом с угасающим принцем и неторопливо провёл раздвоенным языком по собственной ладони. Принцессу крупно передёрнуло от отвращения и страха.

– Не переживай. Он скоро встанет, – произнёс бывший узник, обнажая в улыбке треугольные резцы. – И заполнит тебя так, как тебе полюбилось.

Короткий кивок в сторону одного из приспешников – и девчонку безмолвным приказом оттащили в угол к остывающему телу матери. Спешить было некуда: Империя пала. Оставалось только поднять мертвеца. Ришарх искренне же-

лал, чтобы принцесса узрела финал. Обрывать жизнь той, из которой можно выжать пользу, было бы неблагоразумно.

Ему нужна была её кровь. До последней капли.

Глава 11

Тяжёлая дрожь магического выброса прокатилась под ногами. В оконных рамах испуганно звякнули жалкие остатки витражей – верный признак того, что отец снова предался своему излюбленному занятию и что-то нещадно превращал в пепел.

Асгетт оторвалась от созерцания дрожащего на тумбе фитиля и с нескрываемым чувством перевела взгляд на жнеца. Ближайшие целые покои оказались её, и теперь он мирно отдыхал в девичьей постели. Это экзотическое украшение интерьера интриговало куда сильнее отцовских бесчинств. Свежие подробности о жизни этого «красавца» подвозили с завидным постоянством, и к этой минуте их накопился уже целенький квартет.

Первая весть была скверной: когда его вколотило в землю, ушлые остатки Бездны, судорожно искавшие спасения от испепеления, мигом воспользовались моментом и просочились внутрь. Зараза сидела в нём тише воды, методично попивала чужие жизненные соки и с явным аппетитом зарилась на одну очень чёрную душу.

Зато вторая весть вселяла сдержанный оптимизм: выходец из Долины оказался настолько приветливым хозяином, что скверна мгновенно застряла в нём, как в капкане. Он превратил своё тело в каземат и совершившая глупость всей своей жизни дрянь, скорее всего, сама в панике искала выходы, проклиная тот миг, когда решила связаться с этим ублюдком. Тот ведь проглотил её заживо и даже запить не попросил.

Третья весть оказалась паршивой: дрянь переваривалась с большим трудом. Бедолагу крутило так, будто внутри него работала жерновами мельница – из носа и глаз ручьями сочилась кровь, а внутренности рвались наружу. Принцессе едва удавалось утирать лицо этому страдальцу. Ситуацию довершала контузия: после сокрушительного удара головой – не без скромного, но деятельного участия самой Асгетт, ещё недавно столь умильно мурлыкавшей у него на коленях, – жнецу давалось с боем даже банальное стремление не сойти с ума.

Четвёртая весть, хорошая: этот упрямец таки справился. Конечно, пришлось немного помочь, да и сам процесс сопровождался хрустом, будто у него ломались ребра, но он выкарабкался. Незваная гадина окончательно издохла, так и не успев оценить все прелести его внутреннего мира.

Нешуточно переполошившись за жизнь целого будущего Шаха, Асгетт без промедления выставила Дария за порог с поручением срочно созвать Раа'си Ра'ми. Пока он бегал, она времени не теряла и деловито надевала жнецу его перстень. Как замечательно, что у неё хватило ума прихватить украшение с собой. Теперь оставалось лишь уповать на милость всех известных богов и молиться, чтобы хвалёный оберег успел вытащить строптивного дурака.

Жрица явилась быстро – она и без чужой указки целенаправленно шагала к покоям, ведомая безошибочным чутьем на свежий запах неприятностей. Едва оказавшись внутри, она отбросила любые формальности и решительно перешла к делу: без церемоний сдёрнула с мужчины лишние одеяния, щедро явив взору его крепко сбитое туловище, и с настырной дотошностью принялась проверять, действительно ли всё постороннее благополучно испустило дух. Метод этой проверки оказался весьма специфичным.

То, с каким неподражаемым изяществом жрица стала пускать кровь и с видом знатока пробовать её на язык, привело Асгетт в куда больший, почти детский восторг, нежели всё это бессознательное тело перед ней. В конце концов, поглазеть на голого может любая, а вот ты попробуй вскрыть ему вены!

Словно увлечённая адептка на первой практической лекции, девушка едва ли не с ногами забралась на кроватное изголовье, заворожённо ловя каждый отточенный жест. А когда ей безмолвно предложили разделить эту чашу, она пригубила алую жидкость без тени сомнения.

Эту горькую отраву Асгетт уже вкушала, но Раа'си Ра'ми научила раскладывать послевкусие на тончайшие составляющие. Она мягко вела сквозь мрачные тайны, объясняя природу каждого оттенка, расцветавшего во рту. И с каждым словом эта женщина становилась для неё ближе родни. И дело было вовсе не в том, что она только что заставила грозного жнеца скулить от боли, — отнюдь.

Когда он наконец изволил зашевелиться, жрица без промедления принялась опаивать его каким-то сомнительным отваром, выудив колбу из бездонных складок своей юбки. Сама Асгетт это снадобье, разумеется, не пробовала. Но судя по тому, что ей пришлось всем весом держать покалеченного, пока ему в глотку насильно заливали целебное пойло, в сосуде плескалось явно не коллекционное вино.

Теперь наследник Долины возвращался к жизни, немо суля совсем скоро окончательно восстать на ноги. Оставив его на руках у принцессы, Раа'си Ра'ми с чистой совестью отбыла в зал Совета на продолжение бесконечных консилиумов.

Лишь Дарий молчаливым изваянием застыл за дверью покоев, проявив высшую степень благоразумия.

Асгетт плавно растянулась вдоль жнеца, и точно довольная, сытая кошка, с изучающим интересом въелась в его профиль.

«А он, пожалуй, уже и не кажется таким уродцем», — размышляла принцесса, задумчиво цепляя ногтями шею и грудь, густо усыпанную чернильными узорами. Под её ладонью туго, словно с неохотой и через силу, отбивало ритм ледяное сердце. Пальцы медленно скользнули по тёмному металлу перстня. Вернувшись к законному владельцу, артефакт даже перестал кусаться при прикосновении. Экая досада, что у неё не получится воочию полюбоваться на мужчину в тот момент, когда до него дойдёт: украденное сокровище снова на месте, а та самая оборванка с обрыва — это и есть она.

Идиллию пора было сворачивать. Скоро сюда заявится Шах, а за ним, упаси боги, и её отец. В таком раскладе все их врачебные потуги мигом пойдут псу под хвост: дорогой родитель просто развеет прах несчастного по ветру. В этом трогательном сценарии девица не сомневалась ни секунды.

С тихим вздохом она поднялась с постели, с заботой

укрыла жнеца одеялом до самого подбородка, задержала на нём прощальный взор и отвернулась. Похоже, принцесса и впрямь становилась до смешного сердобольной при виде всякой покалеченной пакости.

По пути к двери Асгетт мазнула глазами по сундукам. Забирать с собой бабкины невесомые шёлковые лоскуты она категорически не собиралась. Пусть лучше служительницы храма пустят их на половые тряпки – хоть какая-то польза.

Она толкнула тяжёлые створки и на пороге едва не столкнулась с Шахом. Правитель остановился и мягко, почти тепло улыбнулся. В сдержанном жесте читалась глубокая, искренняя признательность, подкреплённая усталым, коротким, но подчёркнуто вежливым полупоклоном.

«Благодарность за внука, стало быть», – предположила Асгетт и плавно кивнула в ответ.

Как только двери сомкнулись, оставляя позади весь пережитый хаос, Дарий уверенно взял на себя роль провожатого. Он повёл принцессу прочь от покоев, направляясь к залу для перемещений. Пространство впереди уже заметно дрожало, а воздух рябил от сгущающейся энергии, готовясь разорваться окнами порталов. Оставалось лишь набраться терпения и дожидаться остальных.

Шах тем временем неслышно приблизился к постели. Бережно, почти невесомо взяв подбородок Цины пальцами, он долго и пытливо всматривался в его черты, пытаясь найти подтверждение, что худшее позади. Липкий страх сковал владыку ещё в тот миг, когда Раа'си Ра'ми, внезапно исчезнувшая в самый разгар переговоров о союзе, вернулась с неприятными известиями.

Сыновей Долины испокон веков воспитывали в суровой строгости, обделяя лаской. Отцы с каменными лицами смотрели, как их щенки карабкаются на отвесные скалы, не смея пошевелиться, чтобы помочь. Зная цену жизни каждого ребёнка, они всё равно вверяли их безжалостной воле судьбы. Выживали лишь сильнейшие – таков был закон.

Но сейчас, измученный тревогой за состояние внука и озадаченный его пугающими способностями, пробудившимися после столкновения со скверной, правитель сдался.

Он склонился и прижался своим лбом к его лбу. Сколько бы Шах ни пытался скрыть привязанность под маской холодности, мальчишку он любил и теперь будет держать лишь подле себя. Тяжело опустившись на край кровати, Равель осторожно поглаживал руку преемника и ждал, когда тот очнётся. Время неумолимо поджимало, но тормозить Цину

старик не смел. Кто знает, возможно, в будущем у него больше никогда не найдется мгновения для таких тихих касаний.

Стены храма едва уловимо загудели – Хранители приступили к плетению пространственных проходов. Этот низкий, нарастающий гул эхом разнёсся по сводам главного зала, возвещая о скором отправлении. Повинуясь сигналу, из густой тени массивных колонн выступили представители Венца. Взвинченные, с горящими недобрым огнем очами и напряжёнными до предела спинами, они сейчас напоминали стаю изголодавшихся малахоров.

Завидев любимейшую родню, Асгетт юрко проскользнула мимо отца, который привычно потянулся, чтобы собственнически прижать её к себе, и с размаху влетела в объятия деда. Обычно она не терпела прикосновений, но стоило увидеть Раду, как внутри неизменно просыпалась жажда этой странной, искренней ласки.

Если Вхар был воплощением роскоши, то Раду казался чистым проявлением опасной природы. Его тело имело оттенок тёмного дерева, а татуировки выглядели подобно шрамам, сочащимся колдовством: сияющая вязь тонкими ручьями иссекала его скулы и плечи, сходясь плотным узлом на животе.

Лицо князя Катрата было с резкими, угловатыми линиями. Глаза, лишённые белков и полностью залитые расплавленным золотом, никогда не моргали. Платиновая копна волос широким каскадом спадала до поясницы, а две толстые косы у лица были стянуты массивными коваными зажимами и при малейшем движении едва слышно стучали по ключицам.

Асгетт, устроив подбородок на плече деда, довольно зажмурилась. Сейчас она была под надёжным крылом. Князь никогда не принимал участия в строгом воспитании внуков, справедливо считая, что надзирателей вокруг и так хватает. Он взял на себя самую приятную часть долга: крепко любил, играл, баловал и заваливал подарками.

Вхар оскорблённо выгибал бровь, глядя на свою пустую, сиротливо повисшую в воздухе ладонь. Его авторитет только что показательно растоптали ради дедовских обьятий. Раду лишь крепче прижал к себе внучку и одарил зятя самым благодушным, а оттого невероятно бесящим взглядом.

– Выходила мышь летучую? – поинтересовался он, посмотрев на Асгетт и нежно коснувшись её волос.

Принцесса расплылась в коварной улыбке.

– Выходила. Может его с собой заберём? В Катрате найдутся клетки для такой зверушки? – невинно спросила она у Раду.

– Да хоть всю Долину, - он бережно взял её за руку и повёл в сторону мерцающих порталов.

– О, избавьте меня от этого! – Вхар резко отвернулся, грубо обрывая собеседников.

Он зашагал прочь так стремительно, словно пытался сбежать от собственных навязчивых видений. От одной мысли, что его дочь провела время наедине с этим вырожденком, у царя темнело в глазах.

Застыв в тени за спинами родни принцессы, Кана шумно и тяжело выдохнул. Подобие печальной улыбки на мгновение исказило губы, тут же растаяв без следа. Казалось, пустыня давно испепелила в нём любые чувства: он почти позабыл голоса прошлого, лица, былую скорбь и даже собственный позор. И всё же старая боль упрямо ожила, заворочалась под рёбрами, готовая распахнуть пасть и вцепиться в сердце.

Короткий кивок первой стали Просторов заставил воина подойти.

Теперь его место в отряде Дария. Подчинённые откровенно восхищались им: он никогда не опускался до крика, всегда оставался спокоен, собран и справедлив к каждому. И этого чужого хладнокровия Кане сейчас хотелось отхлебнуть хотя бы глоток.

Взгляд, устремлённый на Асгетт, выдавал Дария с головой – княжеский сын дышал принцессой. Было очевидно, что он станет её личным щитом.

«А тебе отныне суждено лишь наблюдать, – прозвучал в голове собственный голос. – Вглядывайся в каждую деталь того, что сотворил своими руками, воин».

И от такого постулата монстр внутри, вскормленный кровью и песками, становился неукротимым. Чудовищная сила выла в жилах, требуя новой разрядки.

Но пальцы привычно легли на холодную сталь эфеса, и по команде буря эмоций осела на дно истерзанной души. Пришло время вернуться к единственному, что он умел делать безупречно. Подчиняться.

Шагнув в зыбкое марево, Кана замыкал шествие. Про странство содрогнулось, и грань сомкнулась за спиной, явив величие Ца'трии.

Древняя традиция требовала от каждого, кто ступал на эту землю, – а в особенности от носителей венценосной крови, – явить смирение пред лицом вечности и склониться пред Древом Иблис. Там, под густой листвой, опустив голову перед уходящим в небо стволом и впившись пальцами в могучие касаритовы корни, царица возносила свою безмолвную мольбу.

Внешне ничто не предвещало падения, и государство покоилось под благостным покровом древней магии. Но за этой безопасностью сгущался кошмар. В сознании Виссы набатом отзывалось страшное пророчество дочери Башши – защита была лишь краткой отсрочкой. Прятаться от грядущего рока и тешить себя прежней беззаботностью отныне стало бессмысленным. Пришла пора готовиться к обороне.

Теперь личные желания потеряли вес. У собственной боли и страхов не было права голоса. А против любого «не хотелось» оставался лишь один противовес: так нужно.

Царице придётся переступить через себя и заглядывать в глаза детей, израненных первыми тренировками, иступлённо надеясь, что юные ростки успеют отрастить колючие иглы на хрупких стеблях до того, как их задушит поросль сорняков. И отныне она обязана принудить свою преемницу выпу-

стити на волю всесокрушающий огонь, который та так долго удерживала в цепях.

«Если Древу суждено погибнуть, его крона отдаст всю силу ветвям, а ветви – исполинскому стволу. Но если падёт и он, под корнями уцелеет главное – наследие. На выжженной земле оно явится миру ликом самого Иблиса, и в его тени взойдут новые ростки, облачённые в стальную броню шипов. Если народу и суждено стать пеплом, то лишь очистив почву от скверны и выкосив сухую траву. Они сами вплетут нити своих жизней в упрямый холст судьбы и встанут за спинами детей – не безликими тенями, а несокрушимыми скалами. Ничего не предрешено заранее».

Отогнав мысли и медленно поднявшись, царица безмолвно встретила прибывших и увлекла их за собой в глубину дворца.

Ещё на подходе к гостевым палатам воздух уже был раскалённым: оттуда доносился неистовый гвалт. Резные ставни дрожали и вот-вот могли треснуть под напором громоподобных, сорванных в споре голосов. Весь цвет царства – от верховных князей до родовитых дворян – собрался в этих стенах, объятый смятением перед лицом неизбежного. Они тщетно пытались выстроить плотину из слов против грядущей катастрофы, готовой обрушиться на них бурлящим по-

ТОКОМ.

Божество, сославшись на неотложные дела в ядовитой реке, поспешило откланяться ещё в храме Мира. Ему было жизненно необходимо скорее скрыться в родных источниках. Оставшись без своей грозной опоры, Асгетт рассчитывала тенью скользнуть следом за остальными и незамеченно пройти в кипящий зал заседаний.

Однако её хитрым планам не суждено было сбыться. Висса с самого порога, даже не удостоив внучку поворотом головы, вынесла окончательный, не подлежащий обжалованию вердикт:

– Отныне ты будешь находиться под постоянным приглядом, – бросила она, раздражённо шагнула к столу и с видимым досадованием принялась отставлять в сторону свитки. – Если потребуется, стража встанет у изголовья постели и застынет над порогом личной купальни.

Седовласый великан Ликой, князь Илеи, бросил на Асгетт короткий взгляд, полный сочувствия. Он крепче прижал к боку супругу Артру и испуганно затихшую дочь Митэю, будто закрывая родных от надвигающейся бури.

В противоположном конце зала хозяйка лесов Катрата,

Кула, едва слышно шепталась со своим князем Раду. Склонившись друг к другу над перилами, они походили на двух затаившихся змей. Натужная неподвижность их поз была обманчивой – за этой обманчивой маской спокойствия крылась готовность к мгновенному броску.

В этой давящей атмосфере Асгетт набрала в грудь побольше воздуха. Она внутренне сжалась, готовая безмолвно проглотить горькую пилюлю судьбы: принцесса свято верила, что её щитом и опорой назначат верного, послушного Дария. Однако царственная бабка одним лёгким жестом перечеркнула эти хрупкие иллюзии. Тяжёлые камни на пальцах Виссы холодно блеснули, когда она отложила очередную рукопись.

– Защитниками станут Сабари и Кана,– отрезала она, упорно избегая смотреть внучке в глаза.

Висса догадывалась, чьё вмешательство заставило спящий дар в жилах Асгетт вспыхнуть и закипеть. Тот, кто сумел сорвать замки однажды, неизбежно сделает это снова. Оставалось лишь разыграть правильную карту и слегка помочь судьбе. И царица без колебаний подпишет этот приговор. Даже если любимое дитя отныне возненавидит её до конца своих дней.

В наступившей тишине, по-видимому, каждый присут-

ствующий в зале от изумления лишился голоса. Сабари, в отличие от своей матери Кулы, хоть иногда соблюдавшей приличия, была совершенно дикой и первобытной. Кана и вовсе был сыном Цэссы – земли, которая ещё не находилась под властью Венца.

Но раз уж этот молчаливый боец теперь присягнул Просторам, Висса сочла, что имеет полное суверенное право распоряжаться им как живым оружием.

Услышанный вердикт поверг Вхара в глубокое смятение. Впрочем, стоило первому шоку немного отступить и холодный рассудок взял верх: заставив себя отбросить эмоции и мысленно всё взвесив, царь понемногу начал соглашаться с решением. Объективно эти двое представляли собой идеальную защиту.

Но если буйный нрав неукротимой Сабари он ещё был готов стерпеть, то имя Каны жгло калёным железом. Осознание, что воин, который чуть не убил его дочь, отныне получит право свободно переступать порог её спальни, заставляло Вхара сатанеть до помутнения рассудка. Царица вела свою многоходовую партию, и то, какая роль в ней отводилась его ребёнку, вызывало у него лишь жгучую, бессильную ненависть.

Застыв, Асгетт старалась не дышать. В голове не осталось ни единой связной мысли, когда бабка озвучила второе решение:

– Каменная Долина вопрошает об аудиенции, – с трудом скрывая брезгливость, произнесла Висса и устремила взгляд на благоверного. — Мы окажем им честь и примем в Катрате.

Князь Раду ответил лишь небрежным, ленивым взмахом кисти, молча соизволив согласиться. И только после этого Висса наконец одарила своим вниманием внучку:

– Как и полагается наследной принцессе, она отправится в Цэссу вместе с отцом.

В раскалённой пустыне в порыве злости сжигать было нечего. Но об этом присутствующие в зале благоразумно промолчали, лишь обменявшись быстрыми, понимающими взглядами.

– Нет, – внезапно возразил Раду, – Асгетт, ровно как и прочие внуки, будет под моим личным покровительством. В Катрате.

Над столом скрестились взоры. Этот бесшумный поеди-

нок между царицей и князем был долгим и преисполненным опасностью: прежде муж никогда не смел выказывать ей неповиновения.

– В Венце нет места неприступнее наших лесов, – мягко вступила в молчаливую дуэль Кула. – Ты ведь искренне желаешь, чтобы моя дочь оставалась в полной безопасности, не так ли, царица?

Она улыбнулась – медленно, жутко. Приёмная мать могла быть зверем до мозга костей, но умом Иблис её не обделил. Настоящую подоплеку, стоящую за решением бабки Асгетт, сейчас с лёгкостью постигла бы даже неразумная косуля.

Если бы сёстры-богини воистину существовали в том смысле, кой им приписывают в Трите и храме Мира, эта дева несомненно стала бы воплощением Карающей. И Висса, подобная самой Ведающей, ведала об этом лучше прочих. Хозяйка диких лесов могла без труда возложить на себя власть над всем Венцом, будь на то её воля. Ведь благословенная, первозданная кровь Древа текла в её венах столь же густо, как и в жилах правительницы. Но метаморфы Катрата свято хранили верность вековым устоям; они выказывали своё слово нечасто, но каждый такой выпад разил без промаха. Именно поэтому Висса не желала сойтись в поединке с этой хищницей, пусть даже её вмешательство рушило всю замыс-

ловатую канву царских замыслов.

– Хорошо, – глухо, преодолевая собственную гордыню, вырвалось короткое согласие.

На губах Вхара заиграла едва заметная, ядовитая ухмылка. В Ца'трии он не имел права обрушивать свой праведный гнев или диктовать собственные условия. Это была не его земля, и правила устанавливал не он. Но это не означало, что в этих чертогах не имелось союзников, чьи думы бьются в том же ритме.

С той, кто взрастила и воспитала его родную дочь, царь неизменно старался держать лад. И сейчас его искренне тешило то, что даже тесть – с которым они годами тихой сапой страстно мечтали прирезать друг друга, – разделял его глубокие, отцовские тревоги.

Если Бездна решит двинуть свои полчища, Цэсса станет щитом, что первым встретит её сокрушительный натиск. И юному чаду, не достигшему и девятнадцати лет, на этом побоище делать было нечего. Что бы там ни замышляла в своих фантазиях царица.

Внешне Асгетт оставалась бездвижной, но внутри всё клочкотало от бушующего безумия, требуя выплеснуть ярость в

оглушительном крике. Судьбы наследников никогда не определялись их собственной волей, но наблюдать, как её жизнь распорядятся точно пешкой прямо здесь и сейчас, было выше её сил.

Вскинув подбородок в немом протесте, принцесса круто повернулась к собранию спиной и демонстративно проигнорировала летящий в спину властный приказ Виссы вернуться на место. Плевать. Стены дворца сжимались вокруг, давя невыносимым весом грядущей войны и навязанного присмотра – ей было необходимо вырваться во двор, чтобы вернуть себе способность просто дышать.

Кана плавно оттолкнулся от острой каменной кладки, на которую только что опирался плечом. Ни одна мышца на лице не дрогнула, ни одна эмоция не выдала удивления такому развитию событий. Не задавая никаких вопросов, он мгновенно подчинился воле, которую правительница даже не успела договорить. Глухо звякнули пряжки боевого доспеха, тяжёлая ткань форменного плаща скользнула по полу. Воин пристроился сзади, заменяя собой Дария.

Идя шаг в шаг, почти вплотную к принцессе – так, что она затылком улавливала тепло его размеренного дыхания, – он последовал за ней прочь из душного зала. Его фигура отбрасывала длинную тень, которая на ходу очерчивала во-

круг Асгетт невидимые, но прочные прутья новой клетки. Всем своим видом новый защитник наглядно демонстрировал: отныне священное, такое необходимое ей сейчас уединение станет лишь несбыточной мечтой.

Асгетт не проронила ни слова возмущения, не подарила ему ни единого взгляда презрения. Она просто целеустремлённо шла к выходу, не придавая никакого значения тому, кто следовал позади.

– Принцесса... – Кана предпринял робкую попытку заговорить.

Договорить он не успел. Что-то свалилось на их путь с потолка. Буквально. Вместе с огромной, с грохотом разлетевшейся вдребезги хрустальной люстрой. Воин среагировал мгновенно – его ладонь уже сжимала рукоять клинка, готовая выпустить сталь.

Но нападать было не на кого. Нагая девица небрежно, по-кошачьи отряхнулась от сияющих осколков стекла. Без капли стеснения она с хрустом перекусила пойманную на лету птичку полной пастью острых зубов и проглотила её – целиком, вместе с костями и перьями. Сверкнув золотом глаз и откинув гриву белоснежных волос, дикарка стремительно обрушилась на Асгетт.

Сабари никогда не контролировала свою мощь и отличалась до умопомрачения удушающей тактильностью. Прокричав ласковое «любимая сестрица!», она навалилась на принцессу всем весом своего безупречного тела. Удар был такой силы, что Асгетт отлетела назад, с размаху впечатавшись головой в металлическую пряжку на груди Каны. Прежде чем воин успел удержать их на ногах, бестия из чащоб Катрата умудрилась увлечь за собой на пол обоих. Она распласталась сверху, блокируя любые движения и громко урча от счастья, наконец-то добралась до сестры, по которой истосковалась.

Сабари настырно лезла целоваться. Из рта несло кровью, которой она уже успела измазаться по самые уши. Асгетт кожей чувствовала липкую юшку, пачкающую доспех у неё за головой. Рука принцессы оказалась неудобно вывернута, покоясь в узком пространстве между ней и стражем. От каждого восторженного движения названной сестрицы пальцы всё сильнее вдавливались в грудь Каны, а сквозь ткань платья отпечатывался каждый изгиб металлических пластин и кожаных ремней.

В довершение всего Асгетт без капли жалости вжималась туда, куда ей явно не следовало. Она ощутила, как Кана сзади попытался с тихим, сдавленным шипением сместить её или хотя бы сдвинуть в сторону. Но худая с виду Сабари ве-

сила словно каменный валун, и принцесса под этим прессом не могла даже крикнуть от накопившегося возмущения. Весь воздух из лёгких был выбит, а сердце колотилось о чужой доспех. Ей оставалось лишь полушёпотом просить эту бешеную убрать пахнущую мертвечиной пасть и перестать лизать её лицо.

– Са-абари... Прекрати, – Асгетт, задыхаясь, едва ли не молила.

Принцесса снова дёрнулась, и всё-таки умудрилась отдалить Кане что-то жизненно важное. Терпение мужчины лопнуло. Ладони судорожно, до боли сжались на коже принцессы, фиксируя её на месте, а голос превратился в рык:

– Хватит.

Звериный оскал и его острые зубы Асгетт ощущала рядом с собой. Сабари посмотрела на погребенного заживо как на мешающую мошку. А после резко прижалась своим лицом вплотную к нему. Кажется, она хотела его сожрать.

Кажется, он её тоже.

Не то чтобы Асгетт имела что-то против их взаимного четвертования, но это было уязвлено тем, с какой лёгкостью

эти монстры вычеркнули будущую властительницу из уравнения.

– Я... умира-аю, – жалобно пропищала она, сама поражаюсь непривычно тонкому, беспомощному звучанию голоса.

Сабари тут же отпрянула от Каны, в последний момент передумав плевать ему в морду кровавой слюной. Поднявшись на ноги как ни в чём не бывало, она легко подхватила сестрицу за плечи и искренне возмутилась:

– Чего ж терпишь, коль больно?

– Да и правда, что это я, в самом деле... – Асгетт с нечитаемым выражением лица заглянула в круглые глаза Сабари и лишь устало, обреченно вздохнула. Этой взбалмошной объяснять что-либо было попросту бесполезно.

Кана тем временем тихо поднялся и игнорируя нагую красавицу, подошёл вплотную к принцессе.

– Я помогу, – он аккуратно поправил съехавший разрез платья.

Потрёпанная жизнью ткань до этого момента бесстыдно выставляла напоказ добрую половину бедра. Защитник по-

тянулся к металлическому креплению плаща, намереваясь благородно прикрыть срам, но Асгетт на опережение, без зазрения совести, рванула подол, с треском оторвав широкую полосу.

Получившимся длинным лоскутом она туго перевязала талию на манер пояса – теперь разрез был зафиксирован и больше не грозил смутить окружающих. Чтобы доплестись до собственных покоев, этого кустарного наряда вполне хватало. Прогулка на свежем воздухе, как планировалось изначально, решительно отменялась.

Сделав глубокий вдох, Асгетт с абсолютной невозмутимостью миновала два длинных коридора. Кана и Сабари молча шли следом, беспрестанно и враждебно косясь друг на друга. Едва переступив порог, лесная дева резко развернулась – и массивная дверь с оглушительным грохотом захлопнулась перед носом пустынного воина.

Нервы были на пределе – сил на них всех сегодня больше не осталось. Не обращая внимания на сестрицу, Асгетт скинула остатки платья и подошла к ростовому зеркалу, крепко вцепившись в тяжёлую раму. Удивительно, но больше не хотелось ни кричать, ни крушить мебель. Вся кипевшая внутри сталь расплавилась до предела – теперь оставалось лишь закалить её в ледяном спокойствии.

Висса хотела от неё лишь одного: контроля над даром. Только вот она упускала одну деталь: способность так долго не взывать к силе, держа её на коротком поводке, – тоже своего рода власть. И власть нужно было укрепить, прежде чем окончательно отпустить тонкий, натянутый до звона недоуздок.

Асгетт одарила отражение в стекле самой мерзкой улыбкой, на какую только была способна. Пальцы, сжимавшие пахнущее старым лаком дерево рамы, медленно расслабились, оставив на тёмной поверхности белые следы от ногтей.

Одним резким щелчком из разума были выметены лишний сор и девичьи обиды. В мыслях осталась лишь главная, выжженная добела цель. Медленно проведя кончиком языка по острым зубам, пробуя на вкус собственную решимость и сбросив оцепенение, она плавно обернулась к Сабари.

– Научи меня, – тихо, но твёрдо попросила принцесса. – Так, как полагается. Чтобы без осечек.

Сабари в ответ утробно, раскатисто рассмеялась. Из груди вырвался звук, похожий на довольное урчание большого кота.

– Маленькая девочка умнеет прямо на глазах. Давно пора.

Глава 12

Оставшийся за закрытой дверью защитник позволил себе минутную слабость. Ноги, скованные долгим неподвижным ожиданием, налились свинцом. Вымотавшийся до предела, он медленно осел по стене на пол и устало закрыл лицо. Но стоило ему спрятаться в ладонях в поисках покоя, как спасительная темнота взорвалась ослепительными вспышками.

Наступил час личной пытки: прошлые грехи, фантомная боль от шрамов и липкий стыд всей тяжестью навалились на плечи. Тишина коридоров исчезла и разум стремительно провалился в Бездну, на сотни лет назад, затягивая в воронку пульсирующего воспоминания.

Там, в глубине веков, ревела великая буря. Он помнил каждый её отголосок. Горячие чёрные пески кружились в смертоносном танце, сталкиваясь с ледяным, беспощадным ночным ветром. Небеса безостановочно извергали раскалённые плети молний, с треском испарывая непроглядную тьму. А на дне глубокой низины меж барханов подало голос дитя, словно сотканное из пепла, дикого огня и вечной стужи пустынной ночи. Оказавшись в сердце этой ярости, новорождённый с первым же криком впитал в себя весь первобытный

хаос бесплодных земель, заставив силу внутри заворочаться с самого первого вдоха.

Подобравшая его женщина, прибежавшая на крик, в растерянности взираала на находку. Она не могла взять в толк, откуда посреди бури взялся малыш и куда делись его родители. Жестокий, но справедливый народ Цэссы никогда не оставлял беззащитное потомство на растерзание стихии. Вокруг на мили расстилалась пустота, да и никто в здравом уме не понёс бы кроху сквозь проклятые края к дальним границам.

Не было поблизости и характерных дыр, что оставались в дюнах после выныривания буревестника. Пустынный чистильщик, конечно, мог без жалости сожрать родную кровь, но самого младенца он бы в живых не оставил. Хозяин поглотил бы всё.

Он словно материализовался из чистого ниоткуда.

Мальчик, чьи угольно-чёрные волосы походили на крупинцы местных песков, а невероятно красивые глаза отливали цветом спелого миндаля, рос смышлёным, сильным и совершенно бесстрашным. Матушка, давно оставшаяся в одиночестве посреди этого жестокого мира, не могла нарадоваться посланному богами благословению.

Здесь хорошие клинки ценились на вес золота – воинов критически не хватало. Редкие селения без пощады изничтожались голодными тварями, выползавшими из глубин, а обычная охота на скудную дичь в любое мгновение могла обернуться смертельным гоном, где добычей становился ты. Но Кана справлялся.

В их селении были и другие дети, но все они были значительно старше, а потому безродного щенка, лишённого защиты сильного отца, откровенно презирали и гнали прочь. Не щадили сироту и взрослые. Немногие местные воины открыто насмехались над сломленной женщиной, чей муж давным-давно сгинул в безжизненных просторах вместе с двумя старшими сыновьями. За спиной шептались, уродливо кривя губы: якобы та лишилась рассудка от горя и понесла в яростную бурю от самого хозяина этих краёв.

Мерзкие слухи грызли изнутри и злили, но Кана ради матери изо всех сил заковывал свои эмоции в железо. Он мог бы огрызнуться старшим воинам, мог устроить кровавую, отчаянную драку с мальчишками, которые с хохотом швыряли в него острые камни. Но здесь, среди песчаных скал, он был никем. Стоило озлобленным соседям созвать совет старейшин – и несчастной, исплакавшейся родительнице снова пришлось бы платить крохами еды за мнимые проступки

сына.

Мать он любил всей своей душой. Мальчик поклялся себе никогда не огорчать её и быть для соплеменников тише полуденной пыли. Впрочем, безмолвие песков он любил ничуть не меньше.

Только пустыня говорила с ним как с равным – предельно честно, без лжи и презрения. Только первобытная тишина открывала ему свои сакральные тайны. Она позволяла чуткому уху улавливать опасные звуки, которые за обычным ропотом ни за что не услышишь. Чуть слышное скольжение змеи по бархану, рваное дыхание затаившегося в глубине буревестника, едва уловимый шорох осыпающихся песчинок – природа сама вела за руку, указывая единственный путь к выживанию. Нужно было только слушать. Затаив дыхание. Внимательно. Именно этот безупречный навык единения с безмолвием со временем и сделал его идеальным, смертоносным воином.

Наставника у безродного подкидыша, конечно же, не водилось, поэтому постигать суровое военное ремесло Кане приходилось в строжайшей тайне. Затаившись в тени, он жадно ловил взглядом приёмы, запоминал траектории движения клинков, а после, скрывшись в бескрайних дюнах подале от чужих глаз, до полного изнеможения оттачивал

удары тяжёлой палкой. Своё мастерство он выковывал сам, в одиночку. За каждую крупцу опыта мальчик платил новыми глубокими шрамами и кровоточащими ранами на измождённом теле.

Первого шакала он убил голыми руками – тогда же на подбородке появилась пепельная линия, награда за пролитую кровь. Затем был пустынный змей размером со степного рысака, чьё ядовитое дыхание за секунды насквозь прожигало и плавил сталь. Тварь была свержена старыми клинками, которые Кана откопал глубоко в песках рядом с побелевшими костями безымянного воина. После того боя под левым глазом пролегли ещё две рваные отметины, а на груди затянулась первая руна – знак силы.

Находка мертвеца подарила ему настоящее оружие, и с того дня правила игры изменились. Кана больше не прятался. Больше ни один трусливый камень не полетел в спину. Ведь за его плечами теперь стояла смерть.

Первого в своей жизни, пусть и не самого крупного буре-вестника он уничтожил уже с помощью пробудившегося да-

ра: разорвал плоть надвое одним лишь тяжёлым, сфокусированным взглядом.

Кана рос быстрее, чем успевали плодиться мерзкие слухи. Вчерашний безродный щенок на глазах превращался в безжалостного, матёрого волка, способного выжить там, где дохли бывалые охотники. Наглый ропот в поселении быстро сменился печатью молчания. Странного, дикого воина начинали тихо побаиваться даже старейшины.

Почти две сотни лет Кана провёл среди чёрных песков. За это долгое время два разрозненных селения объединились, а молодняк усердно перенимал друг у друга боевое ремесло. Тогда в суровой, размеренной жизни вечно одинокого бойца впервые появился... друг.

Этот мальчишка со смешными золотистыми кучеряшками и яркими голубыми глазами был значительно младше, намного слабее в бою и до безобразия, просто невыносимо болтлив. Он прицепился так, что его невозможно было отогнать никакими пинками или угрозами. С годами, сам того не замечая, Кана почти привык к навязчивому юноше, хотя тот с завидным упрямством и регулярностью нарушал его священный покой.

Но сейчас все его мысли занимал не неотвязный приятель:

он до дрожи в руках переживал за мать. Старушка угасала на глазах, стремительно сдавая под гнётом прожитых лет и сурового климата. И вместе с беспомощностью в груди молодого воина с каждым днём крепла ненависть к нынешнему правителю – царю Нэсфиру.

«Почему ты, сидя на своём золотом троне, не защищаешь собственный народ? Почему бросил на произвол судьбы тех, кто ежедневно гибнет на богами забытых границах?»

Судьба ответила на его немой вопрос куда быстрее, чем он ожидал.

Элитные отряды столицы прибыли эффектно и масштабно. За рядами экипированных воинов плотным строем стояли лучшие маги Цэссы, чьи руки без усталости поддерживали гудящие, сочащиеся энергией порталы. Принесённые ими вести не удивили: голодные твари уже сбивались в стаи, рыща по барханам. А следом за ними, как всегда и бывало в разгар Великого голода, неизбежно должны были явиться чистильщики – хозяева этих песков.

Столичные вестники появились не под священными стягами правящего царя, а под личными отличительными знаками его старшего сына, Вхара. О взрывном нраве принца слагали легенды даже здесь, на дальних границах. Его по-

сланники озвучили простое, но невероятно греющее душу предложение: бросить эти земли и уйти, встав под надёжную защиту стен. Они великодушно обещали переселенцам новые дома, хорошее жалованье для каждого бойца и помощь лучших лекарей для тех, кто в ней отчаянно нуждался.

И в ответ на всё это сытое, гарантированное благополучие прозвучало леденящее душу: «Нет».

Вот тебе и ответ. Они не хотели уходить. Как оказалось, принц предлагал им спасение далеко не в первый раз. Но упрямый, гордый народ наотрез отказывался оставлять свои исконные земли – даже под страхом неминуемой, мучительной смерти.

Правящий царь Нэсфир был прагматиком. Он ни за что не позволил бы элитным гвардейцам своего сына бессмысленно гибнуть в проклятых песках ради спасения кучки упёртых безумцев. Это был не тот бой, чтобы безрассудно разбрасываться верными солдатами. Владыка жаждал избавиться от удушающего влияния Венца, и у него были совсем другие, куда более важные планы на этот живой ресурс. К тому же правитель прекрасно знал: никакая сталь не способна вытравить ту древнюю силу, что веками сидит так глубоко. Она лишь затаилась на время и вылезет наружу только тогда, когда добыча будет ей впору.

Столичные отряды не стали вступать в бесполезные споры. Им дали ровно два часа на раздумья.

Кана просил матушку уйти, молил на коленях, сжимая её сухие руки. Но та плакала и наотрез отказывалась. Тут покоились её погибшие дети и любимый супруг и она не могла их оставить, предав память о семье. А он, любивший мать всем сердцем, не мог бросить её одну перед лицом надвигающейся смерти. Два часа стремительно таяли, отсчитывая последние минуты затишья. Но выбор был сделан.

Шли дни, складываясь в недели. Тягучее напряжение, сковавшее селение, постепенно сходило на нет. Порождения пустыни словно испарились и не лезли на рубежи, а бескрайние горизонты оставались обманчиво неподвижны. Кана, всё это время не выпускавший из ладоней рукояти тяжёлых клинков, впервые позволил себе забыться глубоким сном, чтобы хоть немного восстановить истрадавшиеся силы.

Прошла ещё седмица относительного спокойствия. Воины начали расслабляться и терять бдительность. По селению поползли шепотки: неужто просто решили их припугнуть, чтобы силой угнать в город? Но Кана твёрдо помнил: пески никогда и никому не прощают беспечности. Роковая ночь

уже приближалась...

Пустыня пожрала половину селения за считанные минуты, жадно глотая и с чавканьем пережевывая тёплую плоть. Жуткий, сухой хруст костей разносился далеко над онемевшими барханами. Кана, вырванный из тяжелого сна, выскочил на улицу. Огни глаз вспыхивали повсюду, а во тьме отчетливо угадывался глянец свежей крови, непрерывно капающей из огромных клыкастых пастей.

Он замер. Под ногами, сочась кровью из разорванных, вывернутых наружу кишок, лежал тот самый болтливый друг. Прежде яркое золото его волос окрасилось в грязную медь, а некогда голубые, удивительно чистые глаза были выцарапаны и жидкость из них вытекала на бледные щёки. Тот, кто при жизни не умолкал ни на миг, замолчал навсегда. Он умер на пороге, успев лишь беззвучно предупредить.

За спиной барханы вздыбились: к пиршеству присоединились буревестники. Набирая скорость под землей, они с силой выныривали наружу и своими исполинскими тушами заживо вжимали палатки в землю. Дюны мгновенно обрушивались следом, навеки засыпая тех, кто только что дышал, превращая поселение в братскую могилу.

Небо взрывалось росчерками молний, короткими вспышками озаряя ужас ночи. Порождения песков, будто почуяв родную душу и признавая в нём своего, не награждали Кану никаким вниманием и проносились мимо. Только он их за своих не считал. Каждый новый удар грома над головой срывал с воина остатки железного терпения, выдержки и во-

ли. Разум заволакивало яростью, за секунды превращая его в безумное создание, куда более страшное и безжалостное, чем все пришедшие твари.

Полутру, когда чёрные пески до глубины пропитались багровой влагой, в живых остался только он и тихо рыдающая мать. Всё, что вылезло в ночи, было разорвано на куски. Он спас лишь то единственное, что так сильно любил. Были ли те уцелевшие кочевники убиты монстрами, или их сокрушил сам Кана, окончательно потерявший контроль над своим даром – на этот страшный вопрос уже никто и никогда не ответит. Свидетелей не осталось.

Выжившая матушка больше не разговаривала и не смотрела на сына. Она его боялась. Кожа её покрывалась испариной, стоило Кане сделать шаг навстречу. Проглотив эту горькую обиду, воин отыскал для неё новое пристанище – затерянную, возможно, последнюю общину, едва выживающую посреди этой проклятой пустыни.

Мать угасла быстро. До самого смертного часа она хранила молчание, словно запечатав собственную измученную душу. Женщина ушла в вечное небытие, так и не сумев простить сыну тот страх, который он поселил в её сердце.

Слёз у него не осталось, руки больше не тряслись. Исчезла

и разъедающая злость – внутри выгорело всё. Он давно потерял счёт векам, забыл речь и стёр из памяти собственное имя. Одичавший призрак просто слепо выживал, больше никому не мешая и никого не защищая. Только зачем он продолжал цепляться за это безрадостное существование? Для чего? Ответ на вопрос пески упрямо хранили в тайне.

Буревестники расплодились за пятьсот лет до немыслимых количеств. Они отчаянно хотели есть, беря в плотное кольцо последнюю выжившую общину. Именно тогда, вздымая к самому небу тучи пыли, на помощь обречённому поселению неожиданно пришли регулярные войска столицы. В Цэссе произошёл кровавый переворот: новый царь сверг родного отца и братьев, явив миру сокрушительную силу. Теперь он лично пришёл туда, куда прежде не ступала нога ни одного трусливого правителя.

Без лишних слов, предупреждений и ультиматумов Вхар принялся выжигать дотла всех тварей, до каких только мог дотянуться, превращая зыбучие дюны в мёртвое, чёрное стекло. Посреди этого огненного ада новый властитель и наткнулся на неожиданный, потрясающий воображение сюрприз. Застигнутый врасплох даже не успел поднять свой смертоносный взгляд – настолько стремительно и безжалостно действовал Вхар. Песчаный дух, царивший в тишине, был мгновенно смят чистой царской мощью.

Остатки уцелевшего народа волокли в столицу силком, закованных в цепи. Вхар спас их от пасти чудовищ, заставив платить свободой. Ни с кем договариваться он больше не собирался – просто делал так, как считал нужным. Воина с такой страшной силой правитель приметил ещё там, среди оплавленных песков. Он великодушно подарил то, чего Кане так мучительно не хватало всё это время. Единственный, неоспоримый смысл существования – беспрекословное служение.

Так было просто. Так было понятно. В жёлтых краях водились создания, ничуть не уступающие тем, что обитали на границах, и Вхар давал Кане вдоволь утолить кровавую жажду. Лучшие командиры доводили природные навыки воина до абсолютного идеала, ведь корону заботило не только мастерство её солдат убивать, но и способность выживать в любых условиях.

Ему дали всё: безупречную сталь, выкованную лучшими мастерами столицы, удивительно лёгкие, но невероятно прочные, закалённые доспехи и мощнейшие магические щиты. За четыреста лет верной службы на теле не появилось ни одного нового шрама – броня и чары оберегали его столь же надёжно, как и его врождённый дар.

Вскоре под боком появилась та, к которой он привязался. Кана позволил себе это почти через силу, долго сопротивляясь. Ульра была настойчива и горделива, а воина, который упорно не отвечал на её призывные взгляды, она стремилась заполучить любыми способами. Принципиально. Эта женщина всегда получала то, чего хотела. Именно ради неё воин в итоге принял предложение царя, взяв его неуправляемое дитя под свою личную защиту.

Маленькая принцесса была похожа на него самого, но в то же время разительно отличалась – в ней сквозила хрупкая чистота, которой он никогда не ведал, и одновременно то безумное упорство, что было ему слишком хорошо знакомо. Эта гремучая смесь контрастов позволила девчонке каким-то невероятным образом изрядно потрепать давно отмершие нервы стража. Она растопила лёд, сковавший его душу за долгие века безмолвия. Воин снова начинал чувствовать. И, к его собственному удивлению, приятного в этом хаосе было куда больше.

Кана помнил каждую мелочь. То, как она поразительно быстро научилась обыгрывать его в карты, сделавшись поистине грозным и хитрым соперником. Вспоминал, как принцесса щебетала без умолку, рассказывая такое, что он едва успевал удерживать бровь, стремительно взлетающую вверх. Как она заворожённо рассматривала парные мечи и звонко

требовала клятву, что он отдаст их ей, как только проиграет в тренировочном бою.

Помнил, как уставшая девочка засыпала у его ног, пока привыкшие к убийствам ладони осторожно распутывали её тонкие пряди, готовые превратиться в сплошной колтун. Он возился часами, лишь бы не браться за сталь. Как она проводила пальчиками – нагло, без спроса – по старым серым линиям на лице, стирая границы дозволенного. И главное – то, как Асгетт на него смотрела. Для всего остального высокомерного дворца он мог быть кем угодно: цепным палачом или безродным подданным. Но в её медно-золотых глазах это клеймо никогда не отражалось. Маленькая принцесса всегда видела в нём равного.

Ульра была абсолютно счастлива. Ещё бы: получив столь высокий статус при дворе, пустынный воин наконец-то станет достоин её благородного сословия. Теперь она официально именовалась его невестой. И казалось бы, чего ещё не хватает для счастья? Может быть, ума? Последнее сейчас казалось куда ближе к истине.

Было непривычно, почти невыносимо находиться в этом холёном светском обществе. Фальшивые улыбки придворных источали яд, а за изысканными, вежливыми поклонами прятались готовые к удару кинжалы. Кана чувствовал себя

диким зверем, которого силком загнали в клетку этого двorca. Как дышать в подобном гадюшнике с его вечными интригами, воин попросту не знал.

Он вырос там, где всё решала сталь и сила, а не шёпот за спиной, и теперь отчаянно не желал принимать новые правила игры. Бескрайняя пустыня всегда оставалась предельно честна: любое движение врага было открыто взору, мгновенно обнажая его истинные намерения. Здесь же, среди шёлка и злата, всё казалось лживым, вывернутым наизнанку. Неправильным. Вот только обычный солдат без званий и наград дворянке даром не сдался. Ради её амбиций ему пришлось ломать себя и изворачиваться.

Ульра, люто возненавидевшая принцессу и сама гнавшая жениха на «почётную службу» ради титулов, теперь без зазрения совести лила грязь на царскую дочь. Она пыталась залезть воину в душу, требуя отчета за каждый шаг, сделанный рядом с девчонкой. Кана ничего не понимал в семейных ссорах, но точно знал, где заканчивались границы дозволенного для его невесты.

Пытаясь любой ценой заглушить бесконечный чужой гнев и нелепую, мелочную зависть взрослой женщины к маленькому ребёнку, он принял худшее решение из всех возможных – отступил. Кана полностью отрёкся от обязанностей

личного стража принцессы. И в то же мгновение познал новое, сосущее изнутри чувство – удушающий стыд, когда впервые заставил себя отворачивать взор от ничего не понимающей девочки, преданной собственным защитником.

Он справился и с этим, в очередной раз заковав свою душу в глухой доспех. Казалось, ему уже всё по плечу. До того самого дня, когда принцессе исполнилось тринадцать.

На праздничном приёме Кана ловил испепеляющие, полные ненависти взгляды Ульры, направленные в сторону будущей властительницы. Вчерашний ребёнок, не имевший никаких женских форм, словно по волшебству обрёл обезоруживающую, опасную красоту. Ни один мужчина во дворце теперь не мог отвести от неё глаз. Кана слышал яростный скрежет зубов своей невесты всякий раз, когда гости славили имя принцессы. Он держал удар – смотрел только на Ульру, не давая её ревности ни шанса. Но в суматохе пира, ослеплённый мыслями о скором браке, идеальный солдат совершил непростительную ошибку: потерял невесту в толпе. Всего на секунду – но это было мгновение, которое перечеркнуло всё.

Кана бродил по бесконечным коридорам, и с каждым шагом внутри крепло осознание: что-то было не так. Дворцовый воздух внезапно стал удушливым, а инстинкты взывали в

полный голос – точно в ту ночь, когда родное селение заживо пожрали. Воин рванулся с места, лихорадочно ища Ульру. Зачем ей использовать свой дар в самом сердце мирной столицы? Внутри всё сжалось от догадки.

Но следующий миг утонул в алом тумане. Кана полностью потерял контроль над собой: пелена застелила глаза, начисто стирая очертания лиц. Сквозь плотный морок до ушей долетал истошный плач – до ужаса похожий на рыдания матери в ночь резни. А следом, в воспалённое сознание ввинтился знакомый шёпот. Ульра жаловалась на какую-то дрянь, посмевающую сделать ей больно.

Он увидел перед собой лишь горящие огнём глаза напротив – так похожие на те, что терзали его в самом жутком кошмаре из далёкого прошлого. Ослепший от ярости разум не отличил их от расплавленной меди в глазах его маленькой принцессы.

Дрянь...

Что происходило в следующие минуты, Кана не вспомнит уже никогда. Он искоренил эти воспоминания намеренно. Безжалостно, дотла выжег из памяти, позволив пустыне, что веками управляла его сутью, полностью и без остатка забрать страшный грех себе.

Стоя перед своим царём, он всё ещё не до конца пришёл в себя и слишком плохо осознавал, что именно натворил в тумане беспамятства. Но одно Кана понимал отчётливо: подобное не прощают. Дикое чудовище, потерявшее контроль над разрушительным даром и едва не погубившее малолетнюю преемницу престола, обязаны были казнить прямо здесь, на месте. Он принял этот неозвученный приговор в ту же секунду. Оправдания были ни к чему, слова больше ничего не решали.

Вот только властитель не стал казнить палача. Не тронул ни его самого, ни Ульру, которая теперь безмолвно плакала в постели со сломанными костями. Она упорно не смотрела на него, а вот он – смотрел. Кана не требовал от неё ни оправданий, ни объяснений. Зачем? Вина за всё произошедшее от начала и до конца лежала только на воине. Молчание между ними говорило само за себя.

Все ответы были получены ещё там, у подножия трона. Когда вместо удара клинка на склонённую голову опустился взгляд монарха – давящий, леденящий. А затем тишину разорвал голос принцессы, спасшей их жизни своей чистой ложью. Асгетт не умела врать. Прежде она оставалась прямой как кол, и фальшивая милость ранила глубже любого оружия.

Придворные могли поверить наследнице – едва ли среди челяди нашлось бы много светлых умов. Но точно не Вхар. Девочка никогда не просила подарков от царя, и потому жизнь воина стала даром, который безумно любящий отец преподнёс принцессе на день рождения. Правитель попросту не смог ей отказать. И эта пощада обернулась для Каны самой страшной карой.

Его не призвали в погоню, когда принцесса сбежала из дворца. На поиски подняли каждого боеспособного мужчину, а лучшего из клинков демонстративно посчитали недостойным столь важного поручения. Обесчещенный воин остался в замершей столице, обречённый на тягостное ожидание, пока разгневанный царь рыщет по следу беглянки. Оставалось лишь безмолвно считать пустые дни до её возвращения в Цэссу.

Ему было необходимо снова встретиться с Асгетт взглядом и услышать обвинения из её уст. Наконец-то проснувшаяся, изъеденная чувством вины совесть больше не позволяла дышать, давя на грудь неподъёмным грузом. Она лишала всякого права жить дальше, пока эта черта не будет подведена окончательно.

Но принцесса так и не вернулась. Никто во дворце не на-

звал причин, оставив Кану наедине с этой неизвестностью. За всё бесконечное, тягучее время, стоя на своём привычном месте у подножия трона, он так и не смог честно посмотреть в глаза венценосному отцу, чьё единственное дитя едва не растерзал в припадке безумного беспамятства.

В конце концов, не выдержав давящего гнёта безмолвия – тишины, которую он прежде так отчаянно любил – Кана сломался. Резким, нещадным движением рванул плотную ткань парадного мундира, с мясом выдирая почётные золотые эполеты главнокомандующего – символ многовековой преданности и прежней гордости. Металлические нити с треском лопнули. Сбросив осквернённые знаки отличия на холодный, безупречный мрамор, он рухнул перед Вхаром на колени и беззвучно, одними губами взмолился о немедленной смерти.

Царь не проронил ни единого слова. Лишь едва заметным, небрежным взмахом руки приказал гвардии вернуть Кане клинки и отпустить на все четыре стороны. Стражники молча положили оружие к его коленям. Резкий звон стали прозвучал как окончательное, не подлежащее обжалованию решение. Вхар не удостоил своего бывшего главнокомандующего даже законной казнью, выставив прочь.

«Ты вновь свободен, воин.»

Только никогда прежде эта участь не казалась ему столь сокрушительным поражением.

«Пора отправиться туда, где таким как ты самое место. Туда, где ты вновь похоронишь своё имя, память и собственный голос. Себя. Туда, где первобытная тишина отныне, до дикого завывания в душе, станет твоим единственным собеседником. Твоим самым страшным, безжалостным врагом.

Туда, где дюны готовы были принять своего сына, не задавая никаких вопросов.

Домой. В чёрные пески.»

Глава 13

Поглощённый воспоминаниями, Кана простоял в коридоре почти всю ночь, постепенно срастаясь с темнотой. Оцепенение прервал тихий, режущий слух скрип дверных петель. Сабари окинула замершего воина взглядом, словно перед ней лежала разлагающаяся тушка мелкого зверька. Она скользнула вперед, встала с ним плечом к плечу и грубо пихнула его локтем.

– Твои покои вон там.

Лесная дева небрежно мотнула головой в сторону тёмного прохода, безмолвно принимая пост. Кана не нашёл в себе сил даже на кивок. Едва переставляя ноги, он побрёл к отведённой комнате.

Внутри царил стылый холод. Пальцы, потерявшие чувствительность, с трудом справились с застёжками: пропитанный трупной гарью плащ с шорохом осел на пол, а следом у изголовья звякнули верные клинки. Разоблачаться не было ни желания, ни сил. Кана замертво рухнул на нетронутое покрывало прямо в жёсткой броне, и едва затылок коснулся ткани, как реальность оборвалась, утягивая его в сон.

Резкий, настойчивый утренний стук вырвал из забытья.

– Купальни готовы, господин, – из-за двери донёсся робкий голос служанки.

– Господин, – тихо, кривя губы в усмешке, повторил Кана, поднимаясь с постели.

Горячая вода и ароматные масла сотворили чудо, вернув затёкшим мышцам былую легкость. Вернувшись в комнату, воин замер. На столе дожидался дар – парадный доспех катратской гвардии глубокого тёмно-зелёного цвета. Вещь была баснословно дорогой и искусной. Тончайшие, идеально подогнанные пластины из вываренной плотной кожи, полное отсутствие тяжёлой стали и лишь узкие полосы золотого шитья, шедшие по канту скорее для красоты, чем для защиты. Кана медленно поднял наруч и примерил его на предплечье: экипировка оказалась невесомой. Она обещала стать продолжением тела, не сковывающим ни единого движения в танце боя.

Помощь прислуги не потребовалась. Неизвестные мастера знали своё дело: облачение обошлось без мудрёных застёжек и тугих, впивающихся в плоть ремней. Доспех сел покорно, как влитой. Рядом с опустевшим подносом обна-

ружились новые ножны под два клинка. Пара выверенных, отточенных годами движений, короткий лязг и оружие привычно легло за спину. Следом на левое плечо опустился тяжёлый плащ, скрепленный холодной сталью фибулы.

Когда он шагнул в коридор, Сабари и принцесса уже завершали последние приготовления. Обе не удостоили воина взглядом. Взаимные расшаркивания были излишни — молчание красноречивее любых слов возвестило о том, что пришло время выдвигаться.

От бесконечной череды переходов откровенно подташнивало всех — и вымотанных магов, и высокородных гостей. Пространство перед главным дворцом превратилось в кипящее море шелков: в Катрат отправлялась не только принцесса. В первых рядах, окружённые свитой, замерли будущие владыки — княжна Илеи и первая сталь Просторов.

Нарушая строгий придворный этикет, прощались семьи. Царь Цэссы, забыв о статусе, шептал что-то дочери; он бережно сжимал её ладони, тщетно пытаясь вытравить из девичьих глаз переживания перед неизвестностью. На резком контрасте с этой тихой, надломленной нежностью выступал Ликой: у всех на виду, ничуть не стесняясь толпы, он шумно зацеловывал упирающуюся Митэю. Его супруга лишь снисходительно закатывала глаза, старательно разыгрывая воз-

мушение его ребячеством. На фоне этой суеты лишь царица Висса оставалась непреклонной: она предпочла прощальным речам молитвы.

Наблюдая за ними со стороны, Асгетт невольно позволила тёплой улыбке тронуть губы. Взаимоотношения этой пары всегда согревали душу, а история создания их союза уже давно превратилась в легенду, которую пересказывали на каждом балу.

Пятьсот лет назад княжество Илеи было диким, неотёсанным краем, а его северные мужи славились суровым нравом и жестокостью. Бородатые, широкоплечие, укутанные в тяжёлые пушистые шкуры – они походили на полярных волков, привыкших выгрызть жизнь у вечной мерзлоты. Но раз в год им приходилось покидать свои снега и отправляться на чужбину.

Священное Древо расцветало далеко от их дома – в Ца'трии. Под раскидистой сенью Иблиса, собирался весь Венец из пяти ветвей. В ночь, когда распускались цветы, в которых дремали души предков, возносились молитвы – с умершими шептались, ловя в шелесте листвы мудрые ответы из прошлого. Среди сакрального полумрака, благовоний и мерцания бутонов Ликой впервые увидел Артру. Её непривычная северному глазу красота пробила броню: любовь обру-

шилась на него стремительно и беспощадно, словно разряд молнии прямо посреди тайнства.

Едва ли те же чувства испытала сама Артра. Дочери Ца'трии обладали свободой делить ложе с любым избранником, а при желании – и с несколькими, не опасаясь чужого осуждения. А невытый, хамоватый великан явно был немногим не тем, о ком мечтала младшая царская дочь. Когда Ликой шагнул к ней и преподнёс свой клинок в знак верности и клятвы, Артра даже не подумала растрогаться и посмотрела на оружие как на преподнесённую в подарок чумную крысу.

Но влюблённый волк оказался настырным и метил пороги дворца. Первые сутки ушли на то, чтобы отговорить упряма: измотанные придворные тщетно пытались втолковать ему, что в цивилизованных землях так женщин не завоёвывают. Когда же стало ясно, что гиганта не сдвинуть и тараном, на вторые сутки отчаявшаяся свита сменила тактику – теперь все уговоры обрушились уже на непреклонную Артру.

Князь Раду, не скрывая насмешки, открыто поражался такой настойчивости. Он язвительно гадал, на каком именно повороте истории в волчью породу Ликоя умудрилась затеяться кровь упёртого барана. Тем временем царица Висса, совершенно не стесняясь в выражениях и заставляя блед-

неть придворных, допрашивала советников: кто же из её собственных благородных предков умудрился с этим самым бараном поякшаться, утаив столь позорный факт от потомков. Коса нашла на камень, и переубедить не удавалось никого – ни ослепленного страстью северянина, ни оскорблённую дочь.

К исходу третьего дня Раду и Висса, доведённые до нервного истощения, были готовы сами пойти под венец с проклятым Ликоем, лишь бы снять эту невыносимую осаду. Однако Артра, окончательно изнуренная чужой твердолобостью, внезапно проявила зловещее хладнокровие. Прагматично рассудив, что от навязчивого муженька при острой необходимости всегда можно тихо избавиться под покровом ночи, она приняла этот абсурдный вызов и выдвинула свои условия.

Князь Илеи принял их безропотно и добровольно отдал бразды правления. За несколько десятилетий северные долины под управлением новой хозяйки, одержимой идеальным порядком, превратились в сказку. Среди снегов выросли величественные чертоги из ледяных монолитов и переливчатых горных самоцветов. В ночи, когда небеса вспарывало полярное сияние, мириады искр дробились в прозрачных стенах, порождая завораживающее зрелище, перед которым меркло великолепие любого полиса Венца.

Дикие полярные волки сменили шкуры на чистые мундиры. Снежная армия, давясь возмущённым ропотом, освоила этикет, грамоту и правила безжалостной ежедневной гигиены. К собственному безмерному ужасу, суровые воины открыли для себя сомнительные «прелести» трезвости и ясно-го ума. Впрочем, на большие праздники железная хватка хозяйки ослабевала – здесь вековые, пропитанные элем традиции оставались непоколебимы.

Пока благоверная правила краем, огромный ледяной великан бережно качал на руках их новорождённую дочь. Варвар одержал свою самую великую победу, и для этого ему не пришлось выходить на поле боя.

Глядя на эту пару, чья привязанность не угасла и не потускнела даже спустя столетия, Асгетт чувствовала лёгкий укол тоски. Любили ли её родители друг друга с такой же преданностью? Истина была надёжно похоронена в прошлом. Она ни разу не решилась спросить об этом отца, страшась неосторожным словом вскрыть его душевные нарывы. От этих горьких мыслей её отвлекло мягкое, отрезвляющее прикосновение губ Вхара к виску. Пора было выдвигаться.

Едва нетвёрдые ноги коснулись мостовой Катрата, принцесса дала себе нерушимый зарок: отныне путешествовать

исключительно пешком, верхом, да хоть ползком – но держаться от магов-вратников на расстоянии арбалетного выстрела. С неё было по горло довольно этих мерзких пространственных судорог.

К воздуху изумрудной колыбели нужно было привыкнуть: тяжёлый и полный летучих спор, он с непривычки забивал лёгкие при каждом вдохе. Тропическая влажность здесь царила совершенно невыносимая: ткань одежды вмиг отсырела, неприятно прилипнув к телу, а кожа покрылась слоем липкой, горячей испарины.

Не успела Асгетт сделать и пары шагов, как за её спиной разразился настоящий балаган. Митэя, ведомая своей неискоренимой потребностью воспитывать всё живое, немедленно взялась за лесную деву.

– Да нажрёшься ты в этой жизни или нет?! А ну слезай! – надрывалась кузина, гневно выкрикивая ругательства куда-то вверх, в непроглядную гущу крон.

Сабари уже с ловкостью обезьяны лазила по деревьям голышом и увлечённо что-то поедала. Спелые, липкие куски этого неопознанного экзотического плода щедро летели вниз, шлёпаясь прямо на головы и дорогие кафтаны прибывших.

Дарий, не мешкая, широким жестом распахнул свой плотный плащ, бережно укрывая им княжну Илеи от этого града и поспешно отвёл её в безопасную сторону. А пока разгневанные гости, тщетно оттирая испорченные наряды, разражались отборной бранью, пытаясь заставить бесстыжую дикарку спуститься и хоть чем-нибудь прикрыться, Асгетт под шумок отступила в сторону и спокойно огляделась.

Величественный дворец со всех сторон душили объёты джунглей. Мощные потоки водопадов вырывались из стен и с грохотом обрушивались в обрыв, разбиваясь о серые камни у подножия скал. Исполинские стволы и ползучие петли лоз плотно оплетали замок, скрывая в прохладной тени белоснежный камень фасада. Зрелище было невероятным и вызывало восторг. Цивилизация веками скрывалась в непроходимых дебрях, умудряясь жить бок о бок с опаснейшими хищными созданиями. К слову, отрастить острые зубы и отхватить палец здесь мог даже с виду безобидный придорожный куст.

Глубоко вдохнув, Асгетт двинулась вперёд, скользя пальцами по густым зарослям вдоль тропы. Растения тотчас оживали: приподнимались повыше и послушно раскрывали свои лепестки перед гостьей.

И всё бы ничего, но страж дышал ей в спину, почти на-

ступая на пятки. Его мерная поступь заставляла землю чуть вздрагивать, и от этого нежные побеги, только что доверчиво тянувшиеся к девушке, в панике сворачивались и торопливо вжимались обратно в сырую почву.

– Мог бы ты, воин, держаться чуточку дальше? – проворковала Асгетт с медовой нежностью, продолжая с невозмутимым видом любоваться трепещущей природой.

«Желательно – шагнув прямо вон в тот ядовитый кустарник», – мстительно добавил её внутренний голос, в красках предвкушая, как ветви вцепятся в его новую броню.

– Приказ был предельно ясен, Ваше Высочество, – спокойно отозвался Кана, продолжая упрямо следовать за ней шаг в шаг, словно пришитый к её тени нитью долга. – Моё место за вашим правым плечом.

– Так и будь за правым плечом. Что ж ты мне на голову лезешь? – Асгетт резко повернулась. На её губах расцвела самая добрая, кроткая улыбка.

Принцесса сделала плавный шаг навстречу, сокращая расстояние между ними до непозволительного, почти интимного минимума. Тонкие пальцы нарочито бережно скользнули по тяжёлой ткани плаща, поправляя холодную серебряную

фибулу. Она мимоходом, с неожиданным эстетическим удовольствием подметила, насколько благородно смотрится на нём этот цвет.

– Как бы... твоя жена ревновать не начала, – с усмешкой бросила Асгетт. Она медленно вскинула подбородок, с вызовом заглядывая в непроглядно потемневшие глаза защитника.

В груди сладко заныло от азарта, а пульс предательски ускорился: до одури хотелось узнать, чем же парирует на эту откровенную, наглую провокацию прежде непрошибаемый, а теперь внезапно обретший голос боец пустыни.

– Она об этом ещё как-то должна узнать, – Кана оборвал её мысли, молниеносно перехватив ладонь.

Он всегда так пресекал её попытки прикоснуться в прошлом. Но сейчас всё было иначе: вместо того, чтобы оттолкнуть, он плотно впечатал девичьи пальцы в рельефный металл фибулы, властно накрыв их своей рукой.

– Правда, для начала, стоит ею обзавестись, – тихо продолжил он.

Оказалось, невозмутимый страж тоже умел играть в по-

добные игры. И в искусстве провокации ничуть не уступал. Он навис над ней, глядя сверху вниз, жадно впитывая каждую тень смятения на лице внезапно растерявшейся принцессы. Уголок его губ едва уловимо дрогнул, ломая многолетнюю маску равнодушия, а голос зазвучал непривычно мягко, с вкрадчивой, обволакивающей бархатной хрипотцой.

– Пески не признают клятв, данных во дворцах, – шёпотом произнёс Кана и склонился к её уху так непозволительно низко, что она явственно ощутила на своей шее обжигающее, словно знойный ветер, дыхание. – У меня нет жены, принцесса.

В его глазах вспыхнула жизнь. Они снова стали теми самыми – до боли родными и согревающими, как в детстве. Однако теперь глубокий взгляд скользил не по лицу ребенка, а изучал молодую девушку. Поражённая этой метаморфозой, Асгетт застыла, не смея даже моргнуть. Она отчаянно цеплялась за остатки своего самообладания, пытаясь сохранить лицо, хотя пульс предательски бил в горле. В эту секунду единственным рабочим вариантом скрыть с головой накрывшее её смущение было молча развернуться и шагнуть прямо в смертоносные объятия того самого ядовитого куста.

«Что же ты наделал, воин? Зачем?» – мысль забилась в

висках, но вслух она не произнесла ни слова. Резко, почти грубо вырвав свою ладонь из его захвата, Асгетт поспешила укрыться в прохладе дворца, едва ли не бегом направляясь к отведенным покоям. Защитник безмолвно двинулся следом и теперь сверлил её спину таким безжалостным взглядом, что вдоль позвоночника непрерывно бежали колющие мурашки.

Оказавшись в комнате, девушка заметалась из угла в угол, отчаянно пытаясь выплыть из водоворота вопросов. Почему долгожданная свадьба с любимой женщиной так и не состоялась? Куда делись эполеты главнокомандующего, которые он носил с такой честью? И главное – почему, Бездна его раздери, могучий воин теперь выглядел как изможденный призрак, восставший из пепла? Словно последние пять лет он провел не в сытом золоте столицы Цэссы, а в самом пекле пустыни.

Ответов не было, и никто не планировал преподнести их на блюдечке. Конечно, можно расспросить Дария — он то обязан что-то знать. Или вовсе поддаться порыву, распахнуть дверь, схватить Кану за грудки и устроить допрос с пристрастием. Но Асгетт давила эти импульсы на корню, до белых полумесяцев впиваясь ногтями в ладони. Внутри неё развернулась настоящая бойня, где жгучее любопытство на смерть сцепилось с царской гордостью.

«Тебя это, принцесса, волновать не должно ни в коем разе. Ты сделала всё, что могла, для своего стража. Всё остальное – его личные решения».

С силой навязывая себе эту спасительную мантру, Асгетт заперла двери, отгородившись от суеты. Она отклонила все попытки кузенов навестить её, проигнорировала призывы к обеду и ужину. Измученная эмоциями, она планировала не вылезать из постели до того самого момента, пока во дворец не заявится делегация Каменной Долины. Сколько бы томительных дней на это ни ушло.

Планы бесцеремонно нарушила Сабари: дикарка влезла через окно, засыпав шёлковое одеяло свежими фруктами. Она шумно сокрушалась, искренне переживая, что её любимая сестрица околеет с голоду. Желудок молчал, но разум изнывал, требуя совершенно иной пищи. Настойчиво усадив лесную деву перед собой на смятую постель, Асгетт потребовала продолжить уроки.

Сабари обладала уникальным даром Древа, превосходя в этом искусстве любого из ныне живущих. Там, где принцессе приходилось плести словесную вязь песни или искать физического контакта, чтобы нащупать чужой разум, этой бесстии не требовалось ровным счетом ничего. Она могла игра-

ючи проникнуть в сознание, выпотрошить мысли и пустить цепкие корни своей воли глубоко в голову. Да так чисто и незаметно, что жертва искренне лелеяла эти навязанные желания, считая их своими собственными.

Овладеть такой силой в совершенстве Асгетт прямо сейчас и не помышляла. Но время не ждало. Начинать тянуть нити столь тонкого ремесла следовало гораздо раньше. Тысячекратно прокляв собственную лень и бывшее пренебрежение к магии, принцесса истязала себя и наверстывала упущенное до чёрных пляшущих пятен перед глазами, до пустоты обмороков и солоноватого вкуса крови на пересохших, искусанных губах.

Уже больше недели она безвылазно сидела в своих покоях, забаррикадивавшись даже от любимого деда. Раду благо-разумно не тревожил затворницу, снисходительно полагая, что в её жилах вновь вскипела дикая кровь, а сама внучка просто злится на весь белый свет и отчаянно нуждается в тишине.

Присутствие Сабари, которая почти не покидала её спальню, давало Кане передышку для сна и изнурительных тренировок. Лишь когда лесная дева отправилась на охоту, воин заступил на пост. От звука его шагов внутри всё похолодело. Асгетт страшил не страж. Её приводили в ужас собственные

эмоции. Тщательно возвращаемая ненависть вдруг показала хрупкой, готовой осыпаться прахом от единственного его взгляда. Зато глупая, наивная тоска упрямо и непростено пробивалась на свет сквозь трещины в её броне, не спрашивая разрешения.

Едва она шагнула на балкон, вдыхая свежий утренний воздух, как уединение грубо нарушили. Треск промёрзшего металла возвестил о появлении Митэи, которая на крыльях суеты впорхнула в комнату. Как именно был вскрыт замок, принцесса не спрашивала – она и без того живо представила, как ледяная княжна покрыла механизм плотной коркой инея и попросту высадила дверь с ноги.

– Ваше Высочество, не изволите ли вы, наконец, помыться и встретить гостей? — пропела кухня с фальшивой вежливостью, окидывая растрепанную принцессу подчёркнуто недовольным взглядом. – Или ваши прямые царские обязанности теперь официально переложены на кого-то другого, а я просто не в курсе?

Закатив глаза, Асгетт молча двинулась к купальне. Спорить не было ни малейшего желания. Митэя лично взялась намыывать младшую сестру, непрестанно цокая языком и бранясь на её изможденный внешний вид. Девушка исхудала, как щепка. В ход, под аккомпанемент ругани, пошли отврат-

но пахнувшие водорослями густые маски, которые безжалостно втирались в лицо. От таких агрессивных процедур кожа грозилась облезть чулком и сгореть под первым же лучом солнца.

Дальше предстояло одеться. Что именно на неё напялят, Асгетт мало волновало. Лишь рыком отмахнувшись от подноса с украшениями, она стойко вытерпела чужие копошения. Ткани ложились без лишних складок и бантов. Платье оказалось простым, закрытым, спокойного бежевого цвета. Её это вполне устраивало.

Митэя действовала быстро и без лишней нежности, грубо зачёсывая волосы назад, стягивая их в высокий тугой хвост. Кожа на висках ощутимо натянулась, а узел зафиксировал причёску так, что веки мгновенно превратились в узкие щели. Практичный результат не заставил себя ждать: яркий дневной свет больше не заставит её щуриться.

– Веди себя прилично, я тебя умоляю, – доносилось со спины непрерывное бубнение кузины. – Будь вежливой, поддерживай беседу и изобрази хотя бы подобие улыбки. Ты меня вообще слышишь?

Асгетт с трудом запрокинула голову и послала Митэе хищный оскал. Реагируя с ловкостью бывалого палача, кузи-

на тут же отвесила ей звонкий подзатыльник. Наверное, надеялась вбить базовый этикет прямо через дурную голову.

– Нет, лучше просто молчи! Это ведь не сложно? – Митэя наконец затянула последний виток ленты и отступила на шаг, оставляя несчастную в покое. – Жду тебя во дворе.

– Боги, за что мне это всё, – заунывно протянула Асгетт, адресуя скорбный взгляд в потолок.

Боги, естественно, отмолчались. Посчитав про себя до тридцати – исключительно ради сохранения остатков собственных нервов, – она неспешно двинулась к выходу. Кана тут же материализовался по правую сторону. Свои обязанности он исполнял с идеальной выучкой, беззвучно открывая двери, пока на каменной лестнице он сдуру не попытался подхватить подвернувшийся подол платья. Реакция тела опередила мысль – перед его пальцами с громким щелчком сомкнулись челюсти принцессы. От такого рефлекторного выпада опешила даже сама Асгетт, не говоря уже о застывшем защитнике. Замрев на мгновение и обменявшись глубокомысленными взглядами, они молча продолжили спуск. Асгетт лишь искренне понадеялась, что это не первые симптомы бешенства, иначе вечер рисковал окончиться её сольным забегом по чаще с густой пеной у рта и перекусыванием местной фауной.

На улице толпы не наблюдалось: Митэя, Асгетт, несколько десятиюродных кузин по чьей-то там третьей линии и неизбежная свита. Зато охрана компенсировала всё. Воинов буд-то набирали не для обороны границ, а для демонстрации породистого генофонда: рослые красавцы с длинными, затянутыми в аккуратные косы волосами чуть ли не до пояса. Какими именно критериями руководствовались вербовщики Катрата – отдельный вопрос, явно требующий внутреннего разбирательства, но эффект был достигнут: облизнуться при их виде захотелось каждой представительнице женского пола в радиусе десяти метров.

Подавив мучительный стон, Асгетт малодушно юркнула за спины сестёр, используя их как живой щит, и уже оттуда принялась разглядывать приближающихся. Делегация оказалась скромной по числу, но выглядели они так, словно любая попытка улыбнуться порвёт им лицевые мышцы. Жнецы маршировали с лицами идущих на плаху – причем с твёрдым намерением прихватить туда с собой всех присутствующих. Прелесть местных лесов и живописные пейзажи их волновали примерно так же, как качество мостовой под сапогами.

Всю протокольную тягомотину Асгетт великодушно делегировала родственницам, дословно выполняя строгий приказ: прикинуться ветошью, не отвечивать и ради всех богов

не демонстрировать гостям свой очаровательный оскал.

– Рады приветствовать вас в Катрате, – с безупречной полуулыбкой произнесла кузина, слегка склонив голову перед Шахом. – Позвольте провести вас.

И без лишних церемоний подхватив под руки владыку и его преемника, она повела их к замку. Гости слегка опешили от подобной наглости, но вырываться не стали. По пути Мит-эя заливалась соловьём, расписывая изящество местной архитектуры, и между делом предельно ласково советовала без сопровождения в густые заросли не сворачивать. Исключительно из трепетной заботы об их жизнях – местные обитатели концепцией дипломатической неприкосновенности совершенно не интересовалась.

Асгетт и Кана без лишнего шума пристроились сразу за ними. Чуть позади щебетали сёстры, взявшие на себя остальную делегацию. Девушки настолько технично и плотно облепили прибывших, что те под этой милой оккупацией не заметили бы под ногами и ядовитой змеи, не говоря уже о затаившейся в тылу какой-то там принцессе.

– А длинные волосы вашим мужчинам не мешают сражаться? – бесцеремонно, с нескрываемой насмешкой поинтересовался наследник Долины, одарив катратских бойцов

брезгливым взглядом.

На то, чтобы выдать идеально вежливую шпильку, упакованную в словесные кружева, и сохранить дипломатическое лицо, Митэе потребовалось бы секунды четыре. Асгетт уложила в одну.

– Плохому воину и яйца мешают, Ваше Высочество, – тихо, но сочно прошипела она в его затылок.

И тут же мысленно с размаху приложила лбом о ближайшую алебарду за хроническую несдержанность. Митэя развернулась так резко, что её шейные позвонки выдали сухой щелчок. Глаза кузины недвусмысленно обещали принцессе скорую и исключительно творческую расправу. Асгетт стало страшно. Ну, самую-самую малость.

Наследник, мгновенно оценив перспективы дальнейшей беседы, счёл за благо промолчать и захлопнул рот. Зато правитель Долины, обнаружив за спиной такой незамутнённый источник наглости, расплылся в широкой улыбке. Не тратя времени на политесы, он цепко подхватил Асгетт под локоть и уволок за собой в авангард процессии. Тихая миссия принцессы на этом официально приказала долго жить.

– Какая приятная неожиданность, – Равель вещал столь

елеистым тоном, что у Асгетт от этой патоки аж скулы заняли.

Он смерил её внимательным взглядом и чуть сжал её локоть:

– Не просветите ли вы старика, с кем именно мне выпала честь идти рука об руку?

– Я простая служанка, господи-и-н, – фальшиво протянула Асгетт и повернула голову к наследнику Долины, растягивая губы в демонстративной улыбке во все тридцать два зуба.

Пока ещё целых и не выбитых. Судя по перекошенному лицу Митэи, это лишь вопрос времени.

– Служанка? Ты серьезно?! – сдавленно пропищала на ухо кузина. И тут же, мгновенно сменив тон на светский, громко пояснила: – Не обращайтесь внимания, Ваше Величество, она у нас просто со специфическим чувством юмора уродилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.